

К. Донских В Каталонию

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22203672

Аннотация

Герои истории живут самой обыкновенной московской жизнью. У Виктора Шемякина – генерального директора верфи «ЯхтСтройТехнолоджис» красавица жена и шестилетний сынишка Никитка.

Подруга Катерины Шемякиной часто бывает у них дома и обожает нянчиться со своим крестником.

Рассказывая друг другу секреты, подруги делятся наболевшими проблемами, одной из которых оказывается болезнь Кати. Молодая девушка с испанским прозвищем Каталония оказывается заложницей не только собственного диагноза, но ещё и ошибки молодости – её неосторожного увлечения другим мужчиной.

Пока она пытается скрыть всё, что может сломать её семейную жизнь, Виктор вовлекается в конфликт со своим бывшим коллегой и работодателем – Кириллом Левиным. Бывший управляющий верфи всячески пытается сместить соперника с его поста и вернуть себе потерянное положение. Пытаясь получить своё любыми способами, он готов использовать даже ребёнка.

Чем закончится трагическая история взаимоотношений, в которые оказываются вовлечены даже сотрудники ФСБ? Смогут ли вера и любовь победить эгоистичные материальные желания?

Об этом мы узнаем в реалистичном романе – детективе «В Каталонию».

Предисловие

Letum non Omnia finit (1)

Всё в мире умирает.

Некогда звонкий детский смех, белые молочные зубы и чистая синева глаз ребёнка меняют своё первое, тогда ещё невинное и безгрешное выражение, вид и резонанс. Мы слышим у нашего чада уже более низкие и бархатные частоты в голосе. Замечаем, как яркость глаз постепенно тускнеет и черты лица постепенно матеруют, показывая тем самым, что какая-то фаза жизни этого маленького существа уже совсем умерла. Потом наш источник счастья и вдохновения на продолжение жизни вдруг неожиданно и резко причиняет нам первую боль – душевную. Он начинает скрывать то, что нам естественно знать. Он начинает лгать и тем самым предаёт нашу убеждённость в том, что мы дали жизнь ангелу.

Отчего так происходит и куда девается в человеке то самое невинное и цельное, что так пленяло нас едва ли не вчера?

Как много глупостей и ошибок совершает человеческое существо во время взросления и перехода с одного этапа на другой. Как мало внимания он уделяет другим и заботится лишь о себе самом.

Однажды он резко осознает то, что уничтожил какую-то правду, порвал какую-то важную нить между собой и кем-то

или чем-то важным. Он кается и сожалеет о случившемся, впадает в уныние и ищет то, что обязательно выведет его из такого омерзительного душевного состояния. Он ищет замену тому, что тревожит его сердце, не желая понимать, что всё в жизни имеет последствия, и даже камень не падает со скалы, не ударившись о какой-нибудь предмет и тем самым не задев его.

Бывает и всё иначе. Когда человек по природе своей очень счастлив. Благодарен Природе и Космосу за всё, что имеет. Одаряет улыбкой окружающих, а врагов и недругов просто понимает по-человечески и, не впуская их в свою обитель, остаётся вне того хаоса и непонимания, которыми мог себя обречь.

Но даже такой человек рано или поздно умирает.

Во время жизни ухудшается его память. Он забывает людей и информацию.

Казалось, то, что он вроде бы должен был помнить, проваливается в глубины подсознания и уже не находит выхода наружу по причине банальной ненужности. Это своего рода защита той самой Природы и Космоса, чтобы человек не страдал от избытка информации, а был более расслаблен и готов познавать больше. Мозг как будто освобождает порой ненужные ему участки для принятия новой и полезной информации.

Когда человек стареет, он начинает с большим вниманием и интенсивностью переоценивать свою жизнь, и чем чаще

это начинает происходить, тем более странные мысли лезут в его Сознание, как отряды муравьев взбираются на пригорки друг за дружкой, систематично, с одной целью. Человек также начинает стремиться к обучению самого себя – к само-совершенствованию. Дабы не прожить остаток дней впустую и бессмысленно, он неожиданно открывает в себе зарытые в далекой юности таланты, и уже больше им не противится. Он более смиренно и терпеливо реагирует на окружающих. Он понимает, что сейчас или никогда он просто обязан кому-то помочь. Это будет платой за бестолковость проведённых им доселе дней.

Бывает всё иначе. Порою талантливые и светлые в общении люди превращаются в отрицательных, неадекватных личностей, не способных жить в ногу со временем и желающих грести против течения, заблуждаясь и обманывая себя в том, что им строят козни завистники и пакостники.

Так или иначе, рано или поздно человек умирает.

Умирают его природа, его быт, его привычки.

Умирают его ценности и стремление казаться самым лучшим.

Умирают идеи и источники вдохновения.

Этап жизни заканчивается, и от человека, как и от окружающей его обстановки, не остается ровным счетом ничего.

Ничего.

Абсолютно ничего.

Несколько фотографий, показывая на которые его буду-

шая родня будет ужинать и выпивать бокал вина, да несколько вещей, что обязательно перейдут по наследству его внукам. Дом, работа, занятия, возможно, тоже проживут ещё какое-то время. Пока не исчезнут в веках и они, как исчезает память и красота.

Исчезнет или, иными словами, попадет под действие аннигиляции и плоть. И даже кости.

Но одна вещь останется неизменной, куда бы человек ни шел, в каком бы направлении ни реализовывался, по каким бы порядкам ни жил, к какой религии или её отсутствию ни стремился.

Это Книги.

Легенды, сказки и истории – настоящие, вымышленные или навеянные талантливым сочинителем у кровати своих деток – всё это запечатлится на страницах бумаги разных эпох.

Слово останется.

И когда настанет час умереть плоти, мы вспомним о том, что Душа бессмертна. Её отпечатки мы найдем за корешками книг. Человек проснется в сознании, как пробуждаются в теле инстинкты природы и стремление побеждать. Слово расскажет о его мыслях и страхах, любви и ненависти. Почерк расшифрует его характер и желания, склонности и увлечения.

Читая произведения, мы окунёмся в частичку его души – если не целостной, то обязательно искренней. Между строк

мы откроем заново того, кого уже знали, а если нет – попробуем раскрыть природу рассказчика с азов, с нуля, с чистого листа. Его юмор, тон голоса, его настроение. Читая слова, мы поймаем себя на мысли, что автор нас злит или расстраивает. Мы найдём для себя те моменты, что сделают нас счастливыми. Будут строки, что дадут нам уют. Будут те, что запутают нас окончательно. Но, если мы постараемся понять душу рассказчика, книги изменят нас. Иногда сильно. Иногда незаметно для самих себя. И все это будет, несмотря на то, что это однажды станет формально мёртвым.

Чудо чернил на бумаге или вбитых в Microsoft Word слов останется в памяти, на полке.

Книги никуда не исчезнут. Они будут жить, несмотря на прогнозы Рэя Брэдбери (2).

Потому что не всё кончается со смертью.

История, которую вы сейчас читаете, произошла на самом деле. Я рассказываю её из уважения к моей подруге, которая очень просила написать о своем горе, случившемся с ней не так давно.

Она знала, что я увлекаюсь написанием историй, и предложила написать о ней.

У меня нет большой надежды, что книгу опубликуют. Но я знаю, что её прочтёт много знакомых и друзей и услышит о том, что перевернуло жизнь многих. И быть может, это поможет кому-то переоценить свою жизнь, понять для чего и

для кого мы живем, и что есть правильное, а что вредящее. По этическим соображениям фамилии участников истории изменены.

1.

*Когда ты знаешь о том, что всё пойдёт по твоему плану
– он разрушается.*

Наши дни...

При тусклом свете торшера, так неаккуратно разбрасывающего свои лучи, посапывали двое похожих друг на друга чертами лица.

Молодая девушка около тридцати склонилась над постелью с красивым орнаментом на изголовье и, периодически кивая от навалившегося сна головой, поддерживала руку спящего в кровати шестилетнего мальчика. Тот спал мирно, но иногда подёргивал рукой и ногой, так же как и маленькими веками, давая тем самым понять, что он провалился в сон и видит самые разнообразные картины. Сейчас ему снилась больница, – по крайней мере, он так полагал, шагая по светлым, нескончаемым коридорам и натыкаясь на высоких людей в белых халатах. Те шли и не обращали на него никакого внимания, как будто его и не было там вовсе. Он окликал их вслед, а они проходили сквозь него, и он чувствовал хо-

лод – мгновенный, внезапный, и настолько неприятный, что, казалось, ледяные осколки вонзались в его сердце, как это некогда случилось с героем Андерсена.

Он проснулся и увидел державшую его за руку девушку. Та сопела и вздыхала в полёте снов. Чем-то обеспокоенный, он крикнул «Мама».

Взгляд его казался тревожным, и казалось, что он вот-вот заплачет, – так подрагивали его нижние губы, а зрачки бежали из стороны в сторону и выдавали всю ту детскую тревожность, которая так часто видна на лицах маленьких детей, оставшихся даже на пять минут без взора матери.

– Никита, детонька, что случилось? – девушка проснулась и обняла его. Обтянутые детской пижамой руки мальчика казались совсем маленькими. Подрагивающие от волнения, они потянулись к её шее. Обняв его как можно крепче, она погладила по редким, слегка вьющимся волосам.

Мальчик был на неё похож. Даже разрез глаз напоминал ей глубоко посаженные с голубым отливом глаза её отца. Она совсем проснулась и осмотрела комнату, в которой они находились.

Двенадцать квадратных метров. Раздвижной диван слева от сосновой двери; торшер с его причудливой грушеобразной верхушкой; высокий с квадратным рисунком книжный шкаф с множеством пестреющих корешков; дубовый, выкрашенный в чёрный цвет стол с бессвязно запутавшимися проводками от современных технических устройств; огром-

ный – слишком вычурный на её взгляд – двухдверный гардероб и зеркало во весь рост, облепленное со всех сторон наклейками с изображением трансформирующихся человечков. Последние Никитка наклеил еще тогда, когда в доме царила более привычная атмосфера.

Девушку, которая находилась сейчас рядом с мальчиком, звали Леной.

Её подруга Катька, которую друзья называли Катой, была мамой встревоженного сейчас мальчика. Она часто просила Лену присматривать за малышом, когда отлучалась по своим делам.

Сегодня был один из таких дней, когда Каты не было рядом с сыном.

Изменение одной буквы имени она заполучила за данное ещё в детстве романтическое сравнение с историческим регионом Каталония в Испании, на северо-востоке Пиренейского полуострова. Впоследствии заморское название адаптировали в более короткое и привычное родному имени – Ката.

В начале миллениума для Катерины Шемякиной, тогда еще Розиной, поездка в Испанию казалась чем-то удивительным и нереальным. Папа был военным в отставке и работал инженером в службе безопасности банка, в котором его жена и мать Кати трудилась финансовым помощником руководителя. Но симпатичная девочка ещё тогда грезила попасть в

место, не побывать в котором стало бы, по её мнению, ошибкой природы...

«Я поеду туда, чего бы мне это не стоило. И вообще, называйте меня Каталония. Ката поедет на побережье Каталонии», – повторяла она, улыбаясь и предвкушая тёплый бриз и веяние прохладного утреннего бриза средиземного моря.

Тогда ей было пятнадцать.

Российское общество потихоньку начинало зарабатывать больше, чем в эпоху дефицита и однообразных вещиц. Катя устроилась расклейщиком объявлений и мечтала собрать денег на поездку в Испанию. Друзья уговаривали её начать с русского Крыма, Турции и Египта, но упрямая девушка мечтала о большем. Так-то и прилипло к девчонке прозвище Ката, ставшее впоследствии рядовым и обыденным в её жизни.

Девочки встретились в третьем классе. Лену перевели в другую школу в связи с переездом в новый район и, ревешую от испуга, привели в новый коллектив. Завязали ей пышный бант, так традиционно занимавший голову школьников девятилетних годов, одели в сарафан и натянули белые колготки.

Ката же, наоборот, держалась уверенно в своём 3 «Б». Да и одноклассники знали её больше, отчего она чувствовала себя комфортнее и не боялась незнакомых ей сверстников.

Впоследствии, правда, Лена адаптировалась, показала не только свой характер, но и тягу к знаниям. Чем вызвала понятный интерес и со стороны ровесников, и со стороны учи-

телей.

Две девочки вскоре подружились и не расставались по сей день. Вместе учились, вместе прогуливали литературу и биологию, вместе поступили в один лингвистический вуз, вместе знакомились с понравившимися им парнями. По счастливой случайности вкусы на мужское общество у сверстниц оказались разными. Лене нравились худые и, как сейчас их принято называть, метросексуальные ребята, Кате же, наоборот, – крупные и brutальные. Такими их половинки и были. Правда, по причине разносторонних взглядов на мужские интересы они не сошлись в дружбе друг с другом. Хотя это не очень-то интересовало подруг. Достаточно было их собственной привязанности – сводить любимых мужчин не входило в их планы.

Но в планах была свадьба.

Жениться в один день всем вместе было инициативой Каты. Шумные и праздные гулянья двух семей сулили ей реализацию своей мечты.

Лена была просто не против.

Всю организацию на себя должна была взять энергичная подруга, креативность которой могла ей сулить карьеру свадебного организатора.

Прежде всего, Ката отыскивала именитого тамаду – качественный ведущий обязан был не допустить пьяной неразберихи, так часто происходящей в такие дни. Потом она нашла помещение, точнее будет сказать парковую зону с кры-

тыми шатрами, куда должен был приехать выездной регистратор из ЗАГСа. Торты, оформление машин и кейтеринг зоны, казалось, выросли из Катиной прошлой жизни, – настолько ловко она со всем управилась.

Но за две недели до события будущий Ленин муж Алексей попал в автокатастрофу, которая отложила счастливый день на неопределенное время. Он пролежал в больнице со множеством переломов грудной клетки и левой ноги.

Назначенный день отменять не стали, сыграли свадьбу Екатерины и Виктора Шемякиных. Надо отдать должное Лене. Она ничуть не показала вида одиночества и дискомфорта, вырвавшись из больницы на полдня. Наоборот, со слезами радости кричала «горько» и вручала подруге привезённую ей в качестве подарка коляску.

Вскоре Катя родила Никиту. Слабенького и крошечного. Всего 2700 г.

Мальчишка сразу стал чадом двух матерей. Первой была Ката, а второй, конечно же, Лена, которой доверили стать его крёстной.

После трагедии на дороге Алексей ещё полгода хромал. А по прошествии нескольких месяцев, оттянувших романтический настрой, и торжественный день стал не нужным. Лена просто переехала жить к Алексею.

А сейчас, сидя в Катиной с Виктором квартире со своим крестником, она вдруг представила подругу. Молодая и кра-

сивая, Ката сидела сейчас на ее небольшой, но ухоженной кухне в Митино.

Вот она жуёт колбасную нарезку и одновременно высказывает своё мнение, выраженное в пользу отстраненных от политики демократов, запивает всё мартини с соком, и дела житейские уже переходят на первую полосу её импульсивного красноречия.

Вот она снова жалуется ей на то, что Витусик не купил ей туфли из «Рандеву». А она просто обязана их иметь! Ведь такие же у его секретарши – красивой и эффектной Черчиной.

Вот Ката подпевает под кавер-версии известных песен, что включила ей Лена...

Как вы думаете – для чего нужны сказки...

В сказках всегда соревнуются две небесные силы: светлая и тёмная. И всегда белая магия, светлое начало или божественное добро является абсолютной доминантой. С самого детства мы увлечены сражением двух миров, полагая исключительно, что тот, кто несёт спасение, и то, что творит чудеса и добро, обязательно окажутся в выигрыше. Тем не менее, мы сомневаемся в этом в самом начале истории, соперяживая добрым героям и виня матушку несправедливость. Но в конце, когда любовь побеждает любое зло, мы плачем от ра-

дости, будто бы и не догадывались, что всё так и будет.

В сказках так всегда. Мораль, добро и сердечные чувства всегда доживают до самых титров.

Нам кажется, что с нами будет точно так же, как и с королевскими особами, золушками и просто добрыми крестьянками. Мы вдохновлены тем, что впитывали в себя с самого детства. Мы верим, что наша жизнь будет точно такой же счастливой, как у наших героев, из которых мы лепим кумиров. Но как раз тогда, когда мы полностью расслабляемся и плывём на волнах счастья, злой персонаж врывается в наш быт, и отчего-то мы не можем его так легко повергнуть, как с этим справился бы рыцарь средневековой баллады. Всё это, безусловно, образно. Но сравнения часто совпадают с действительностью.

2.

Спустя несколько лет после мечты о Каталонии Ката так и не попала в желаемое место. Мечты о сказочной стране с кладезем средневековых историй не реализовались. Она жила будничной жизнью, но той, которую другие, возможно бы, сочли пределом желаемого. То, что было бытом для Каты, для других являлось мечтой.

Муж – красавец инженер, рисующий проекты кораблей и яхт, и время от времени приобретающий с них неплохой капитал; своя квартира с гаражом и дорогая машина.

Ката была на обеспечении мужа. Редкие злые языки винили её за прозорливость в перспективном замужестве и накидывали хомут содержанки. Ведь когда они только познакомились, обеспеченность Шемякина была лишь в его дельных планах, а сам он ходил пешком и с радостью вспоминал о комплексных обедах в «Столовой №1» на Пушкинской.

Виктор подрабатывал в разных компаниях, так как доход от чертежей не был стабильным, но как только выгодная сделка сулила ему большую прибыль, он отпрашивался у официального работодателя ООО «Ветер перемен» и бежал с тубусом на Каширское шоссе в свой собственный арендованный офис, откуда часто возвращался с оригинальной копией договора на совместный проект. Так он скопил для семьи на «Рейндж Ровер Эвок», небольшую квартиру в таунхаусе в спальном районе и приобрёл участок в шестидесяти километрах от Москвы по Варшавскому шоссе.

Но ещё в переходный период его жизни, до всего вышесказанного, он и повстречал Катю. Она сидела во французской кофейне возле окна и смотрела пространно на прохожих, слоняющихся то быстрым, то прогулочным шагом. Её выразительные, подведённые тонкой линией глаза, трепетно следили за каждым движением, которое, казалось, не прекращалось ни на минуту, что было в порядке вещей для московской центральной улочки.

Благодаря карэ тёмных переливающихся, удлинённых спереди волос, была видна её тонкая, лебединая шея, кото-

рая плавно переходила в плечи, рисуя чёткий и правильный эскиз.

Взгляд Виктора спустился ниже, на привлекательную грудь, которую ненадёжно прикрывал кардиган, стрейчевые чёрные брюки и полусапожки с изысканным каблучком.

Она сидела неподвижно и пила дымящийся возле её правильного носа напиток, и отвлекалась только, чтобы поставить декорированную лепестками фарфоровую чашку, а потом вновь устремляла свой взор на ноги и тела проносящихся людей.

Виктор подошёл к её столу и поставил рядом пирожное, усыпанное какао порошком. Отойдя к своему столику обратно, он улыбнулся незнакомке и тут же отвернулся к барной стойке, сделав вид, что он не собирается больше ею интересоваться и увлечён больше газетой «Коммерсантъ».

Катя не любила знакомства в общественных местах, поэтому улыбнулась ему вслед, но оставила пирожное без внимания. Спустя десять минут Виктор как ни в чём не бывало вышел из кафе «Мадемуазель», расплатившись за капучино.

Стоит ли говорить, что столь милый поступок оставил след в сердце юной красавицы?

Оставил.

И сразу.

Решив, что хозяин подарка всё равно уже ушел, девушка вздохнула и взяла чайную ложечку, дабы попробовать произведение искусства, тем более что оно вызывало несомнен-

ный аппетит.

Вскоре к ней подошёл официант и передал салфетку от некоего Виктора, на которой неаккуратными, но понятными буквами было написано: «Тирамису лишь для тебя одной».

Ещё 20 минут Виктор ждал её за углом кафе, а потом ещё долго рассказывал легенду, связанную с этим пирожным. Кто бы знал, что с итальянского этот необычного вкуса десерт переводится как «вознеси меня».

По одной из легенд, тирамису был создан в семнадцатом веке в Сиене, на северо-западе итальянской провинции Тоскана в честь приезда Великого герцога Тосканы Козимо III Медичи. Тогда герцог приехал в отвратительном настроении, но как только попробовал сиюминутное творение повара, главным ингредиентом которого явился сыр маскарпоне, то тут же развеселился и, говорят, даже осыпал комплиментами всех красавиц вокруг.

Знание Виктором столь милой истории пришлось Кате по душе, и с тех пор она по уши влюбилась в скрытного и почти неизведанного Виктора, который мог перевоплощаться в разных персонажей с утра до ночи. Сегодня он был романтиком, завтра – брутальным бизнесменом, через какое-то время – творчески воспевающим свои заказы инженером. Он был всегда разным, но в одном Катя была уверена точно – он её любит, и никто и никогда не сможет разбить их настоящее и будущее.

Три года после первой встречи...

– Как ты думаешь, чёрное или красное... – Ката вертелась перед зеркалом во весь рост, которое являлось частью высокого шкафа-купе, сделанного в японском стиле: бамбуковая циновка по бокам и красочная цветочная, в виде сакуры, композиция по правую и левую стороны от зеркала посередине. На ней были телесного цвета чулки и на два тона темнее кожи бесшовное нижнее бельё, которое вызывало у Виктора желание сказать: «Не надевай пока никакого». Он лежал в брюках и выглаженной рубашке на кровати, поглаживая слегка небритый подбородок, и любовался красавицей-женой, ожидая, наконец, момента их похода на мюзикл.

– Вить, я же говорила тебе столько раз – не лежи в одежде в постели. Я же старалась, гладила, – голос её стал угрюмее и Виктор подумал, что сейчас не стоит с ней спорить. Потому что, если дело касается выбора того или иного наряда, жена в этот момент всегда заведена, и лучше беспрекословно слезть с сатинового покрывала.

– Чёрное, – коротко выплеснул Виктор, расстёгивая верхнюю пуговицу рубашки с контрастной отделкой. Он не понимал, как можно душить себя одеждой, предпочитая рубашки с расстёгнутыми сверху одной-двумя пуговицами.

– Ты даже не посмотрел на меня и не знаешь, какое сидит лучше, – Ката выдвинула по-детски нижнюю губу, пу-

стив в Виктора свой пронзительный из-за нарощенных ресниц взгляд.

– В красном нужно идти не на мюзикл, а... скажем, на бал или в ресторан.

Ката продолжала прикладывать то одно, то другое платье к своему телу, будто не услышав совета. Потом залезла в гардероб, вытащила оттуда зелёное и бирюзовое и молча кивнула мужу.

– О, нет. Только не это! – воскликнул Виктор, – их уже четыре. Откуда взялись ещё два...?

– Ты забыл, что пять дней назад был день Святого Валентина, и ты сам сказал мне купить то, что мне нравится.

– Я сказал купить то, что запомнится, – со вздохом сказал Виктор, задумавшись, правда ли он так сказал.

– Ну, вот я и купила, – хитро улыбнулась она, прикладывая короткие платья к себе и виляя с ними то в правую, то в левую сторону, будто пританцовывая. – Я запомню, что эти два платья ты подарил мне на 14 февраля, – и она чмокнула его, привстав на мысочки.

– Хитрюга, – Виктор схватил жену и страстно поцеловал её. Какая же она была желанная и красивая для него в тот самый день. Они шли на мюзикл «Граф Монте-Кристо».

Посидеть с двухлетним Никиткой, который мирно посапывал в маленькой кроватке, с которой лишь недавно сняли стенки, позвали Лену. Виктор мог позволить ребенку няню, но Катька уболтала подругу побыть с сыном один вечер,

что вызвало у той лишь радость. Любимый крестник не мог помешать её пятничному времяпрепровождению, тем более что Лёша был рядом.

После того, как родители мальчика ушли, они смотрели очередной новый экшн, снятый по всемирно известному бестселлеру английского автора и наслаждались атмосферой, царящей вокруг них. Жидкокристаллический LCD, последний из коллекции ТВ-индустрии, с 3D-эффектом и Digital-системой отличался потрясающим звуковым сопровождением. Герои, казалось, выпрыгивали с экранов на их наблюдателей и бегали вокруг кожаного чёрного дивана, на котором расположились Лена с Лёшей. На натяжном потолке с витиеватыми выступами засели сват – захватчики. А аквариум, встроенный в стену гостиной, таил на своем дне важную информацию, до которой не могли добраться даже сотрудники ЦРУ.

В детской заплакал ребёнок. Потом Никитка прибежал и сам, требуя рассказать ему сказку про доброго динозавра, который сражается с чудовищем, живущем в его шкафу.

– Сделай тише, – громким шёпотом попросила Лена, – я пойду уложу его. И направилась в небольшую комнату в самом конце квартиры.

– Кто это у нас не спит? Кто напугал моего маленького крестника? – защекотала она двухлетнего ребёнка, способного привлечь к себе внимание разве что жестикующей, сопровождающейся много раз повторяющимся звуком «Бусь

дись», что на языке светловолосого малыша означало «Побудь здесь». Он вскарабкался обратно в маленькую, почти касающуюся дном пола кровать, залез под одеяло и, полусидя, показал в сторону ночника.

Тот испускал рассеянный, приглушённый свет, который разбрасывал сотни цветных круглых огоньков по всей правой половине комнаты. Светящийся динозавр открывал и закрывал свою беззубую пасть и крутил маленькими лапками то вправо, то влево, бесшумно вращаясь.

– Кто там? Кто там? – спросила у Никитки Лена, которая сама заинтересовалась направлением, на которое указывал мальчик.

– Буть дись, – повторил мальчик и лёг на бок, показав на розовую игрушку Лунтика-футболиста.

Лена подошла к ночнику и повернула выключатель по часовой стрелке. Динозавр заиграл привычной классической мелодией Брамса и осветил комнату тёплым зелёным оттенком; она прокрутила колесо ещё, и всё вокруг стало фиолетовым под музыку Дебюсси «Свет луны»; последняя мелодия для ночника-динозавра таила естественные звучания леса и моря, и жёлтые рассеянные лучи озарили полночную тьму.

– Вот. Какая мелодия тебе больше нравится? – Лена нагнулась над Никиткой и поцеловала его в лоб.

Тот ничего не ответил.

Она укрыла его одеялом, оставив снаружи лишь руки, облачённые в хлопковую пижаму с изображением медвежат.

Слева на маленьком столике с разбросанными раскрасками, фломастерами и кубиками лежала книга сказок мировых и русских авторов: Астрид Линдгрен, А.М. Горького, Н.Д. Телешова, Андерсена Г.Х., Шарля Перро и др.

Лена открыла книжку на месте бамбуковой, привезённой с востока сувенирной закладки.

– Ага. Ну, вот где вы остановились.

Она поглядела на Никитку. Его светлые густые волосы, ровный маленький нос, алые полные губы и этот постоянный, не исчезающий румянец с белых, почти прозрачных щек делали его тем созданием на свете, кого бы она с удовольствием баловала, воспитывала и кому бы дарила всё своё свободное время. Она бы водила его в детский сад, смотрела бы с ним советские и зарубежные мультфильмы, научила бы писать и, может быть, даже провела бы с ним каникулы на берегу моря. Ей казалось, что она сама родила этого мальчика, – настолько хорошо она его знала, и уже проявляющиеся черты характера этого малыша были так ей близки, что она готова была подарить ему всё своё тепло и нежность, окружить его своей лаской и заботой. В глубине души она верила, что когда-нибудь у них с Алексеем родится такой же милый ребёнок. Она бы направила всю энергию на это чудо, подружила бы свою кровинку с Никиткой, и тогда без того крепкие дружеские отношения стали бы ещё сильнее. Возможно, она идеализировала свой внутренний мир и мир своей подруги, но в действительности очень этого хо-

тела. Хотела, но не могла. Дело в том, что два года тому назад, когда Алексей попал в автокатастрофу, их посетило ещё одно несчастье. Тогда ей, находящейся на пятом месяце беременности, поставили диагноз – замершая беременность. Сокрушённой известием о том, что плодное яйцо пустое, ей сделали операцию и назначили лечение, способное исправить ситуацию. Сейчас всё шло на улучшение, и Лена с Алексеем постепенно готовились к тому, что во второй раз обязательно получится. А пока она одна сидела на коленках, склонившись над Никиткой, и радовалась не совсем чужому и такому близкому маленькому счастью каждой женщины.

– Жил мельник. Жил он, жил и умер, оставивши своим трём сыновьям в наследство мельницу, осла, кота, – читала она сказку В.А. Жуковского.

3.

Спустя еще четыре года...

Что для вас представление благополучной жизни?

Какой вы её видите?

Надёжность в выбранном мужчине, любовь к нему и ...

...может, высокооплачиваемое хобби,

сравнимое если только с мечтой Генри Форда – владельца крупного автохолдинга?

Для кого-то это просто деньги.

– Виктор Геннадьевич, звонили из «Авико Моторс», они подтвердили заказ на «ЯТУ-345» и выслали вам его на мейл. Эта модель пойдет на Филиппины к Роберто Касьясу. – Дождавшись кивка босса, Аня включила кофеварку, буквально нажав лишь на одну кнопку, и тут же развернулась на мысках красных туфель, вернувшись на свое рабочее место. Она уже привыкла к тому, что Виктор с утра не разговаривает. Нет, не потому что у него плохое настроение и он высокого о себе мнения. Дело в том, что руководитель предприятия «ЯхтСтройТехнолоджис» всегда просыпается за сорок минут до прихода в офис и готов к утренней повестке дня только после выпитого натошак эспрессо. Тем не менее, Виктор всегда просит Анну рассказывать ему о самых важных заказах, об их текущем статусе и любых сложностях с ними связанных сразу же. Но Роберто Касьяс и «ЯТУ-345» были теми элементами важности предстоящей работы, которыми Виктор тем более не мог пренебречь, не глотнув чёрного эспрессо.

– Подготовь договора и назначь мне встречу, – коротко бросил он, почти не остановившись в приёмной, чтобы обменяться с Анной более приятными любезностями, и направился в свой кабинет, оставив за собой невидимый шлейф, который разбросал со стола секретаря несколько аккуратно сложенных листов.

Аня Черчина знала, что столь фурийное состояние бос-

са может означать лишь одно – сегодня день сборов, а значит, через полчаса Виктор попросит её вызвать всех инженеров судоходного производства, копировальщиков и Юркова, его лучшего печатника и редактора.

– Петя, – шепнула она в трубку изящным, с хрипотцой голосом, стараясь прикрыть микрофон рукой, – шеф назначит сборы на сегодня, чёрт возьми. Я полная идиотка, что назначила обед с Кириллом на этот день и отказалась пойти вчера. Я не могу пренебречь такими деньгами. Ты знаешь, что он выйдет на него другими способами, если я вновь соскочу. Ему-то невдомёк, что я правая рука Виктора и должна быть при нём 24 часа.

Она услышала знакомый вздох на том конце трубки.

– Хотя кого это волнует. Тем более Кирилла.

В секретариат вошел Шемякин и вопросительно дал понять, что ореховый эспрессо (а именно такой кофе он ждал у себя каждое утро) должен был пленять его горьким ароматом робусты ещё две минуты назад.

Виктор никогда не звонил Аняте.

Он никогда не звонил своим подчинённым.

Просиживанию в кабинете с поочередным набором кнопки «трансфер» он предпочитал лицезрение рабочих будней всех, кто жил с его разумом на одной волне. А его разум блуждал в море, перебираясь лишь изредка на водные глади крупных рек и озёр. Потому что Виктор был генеральным директором крупной верфи и конструкторского бюро.

Иногда он работал дизайнером. Рисовал эскизы сам. Он закрывал глаза и рисовал линии – похожие замыслы приходят художникам, срисовывающим тонкие линии с натурщиков. Его были более строгие и грубые, чем если бы этот эскиз являлся образцом женских тел.

Он стелил эскизы на ватмане, легко и творчески вырисовывая больше ровных и гладких снизу и добавляя больше креативности в середине и сверху. Только после мягких карандашей он брал автоматические для черчения, циркуль и тут уже без всякого романтизма вырисовывал подсчитанные математически и детально правильные отрезки, которые впоследствии служили каркасами нужного размера.

Когда он только начинал свою деятельность, несколько лет он отвозил эскизы и чертежи на другие крупные верфи. Сколько крупных предприятий отказало ему когда-то в содействии, он уже не считал. Их было поистине много.

Лишь однажды, когда он уже смирился со случайными заработками, много лет назад, пытаясь добиться совершенства, – тогда, на пороге ещё совсем юных лет, ему посчастливилось повстречать Серафина Родина...

Наполовину поляк, наполовину русский, владелец верфи «ЯхтСтройТехнолоджис» – Серафин Родин редко появлялся в кругу рабочих кабинетов, расположенных на проезде Досфлота, примыкающем к Химкинскому водохранилищу. Он

встречался с Виктором раз в месяц, проводя оставшиеся рабочие будни на испанском побережье.

В день их знакомства он встретился с ним случайным образом. 26 сентября 2010 было тем самым днём, когда Серафин прилетел в Москву на собрание акционеров. Собрание началось, как полагается, в десять утра. В тот день «Яхт-СтройТехнолоджис» презентовала ЯТУ «Coral», носящее свое экзотическое название благодаря триумфальному успеху на заплыве близ острова Сейшелы. Дизайнер, соорудивший белоснежное чудо, способное разогнаться до 24 узлов, прибыл в Москву, чтобы презентовать её через Серафина Родина, его друга и соратника.

«Coral» должна была уйти в продажу известному судовладельцу, ценителю яхт с подобной формой, которая была типичной для военных кораблей прошлого столетия и имела достаточно агрессивный вид, что как ни стать лучше подходило для выбора судовладельца.

В тот же день ещё никому не известный Виктор должен был подъехать к 13:00 на собеседование к Кириллу Андреевичу Левину – действующему руководителю и генеральному директору верфи. С тубусом в руках он зашел в кафе-бар, расположенный в двух кварталах от судостроительного предприятия. Открыв меню и не найдя в нём орехового эспрессо, он начал листать страницу за страницей, пытаясь углядеть в меню понравившуюся картинку. Он делал так всегда, когда не был уверен в правильности предстоящего заказа.

Вообще, фотоменю, завоевавшее бары и рестораны Москвы не столь давно, достаточно облегчало выбор посетителей. Москва – город интернациональный, и представьте себе, что невинное блюдо, входящее в меню вполне приличной кофейни под названием «Spotted Dick», что в переводе означает всего-навсего Пятнистый Дик, не содержит иллюстрации, и какой-нибудь недотёпа иностранец вполне может пренебречь заказом, не увидев картинку вполне аппетитного, похожего на пудинг лакомства, так как слово «dick» с английского переводится не только как мужское имя, но и как мужской половой орган.

Пролистав до «салатных» страниц, Виктор взял традиционный «Цезарь» и всё же решил его запить эспрессо, пускай и вполне обычным. Телефонный звонок, который раздался за его плечом, не сразу привлёк его внимание, но, прислушавшись, он услышал знакомый смех, имеющий индивидуальную особенность. Владелец этого смеха как будто заикался собственными смешками, периодически отвлекаясь на судопроизводственную лексику. Дождавшись, пока закончится телефонный разговор, Виктор глотнул из маленькой, почти крошечной чашечки с горячим напитком.

– Ростислав, как вас сюда занесло? – повернулся он к сидевшему за барной стойкой мужчине. Смуглый, коротко стриженный брюнет сорока-сорока пяти лет повернулся, повинувшись интуиции. Где-то он встречал этого молодого паренька, обратившегося сейчас к нему. Но как будто это было

в его прошлой жизни, потому что знакомые черты ускользали за завесу десятилетней давности. Виктор понял, что тот его не узнаёт и лишь шире улыбнулся в ответ, оголив ровные белоснежные зубы. Минуту спустя незнакомец хлопал себя по голове так сильно, что Виктор ненароком подумал, что тот заработает таким образом черепно-мозговую травму. Потом незнакомец покусывал губы и подставлял к ним свои смуглые пальцы.

– Витька, чёрт возьми! Ты? – воскликнул он, пересев к столу, и оказался напротив одетого в костюм, но как всегда без галстука старого знакомого. – Как же это ты? Так вырос! Я тебя и не узнал. Сколько же лет прошло? Должно быть, все десять! – вскрикнул он и добрался рукой до плеча Виктора, похлопав по нему хорошенько.

– Одиннадцать.

– Что ты здесь делаешь? Или будет правильнее спросить, что я здесь делаю, а? – поугас он пылом и выпрямился. – Виски. Односолодовый. Два. – Указательный и средний пальцы взмыли вверх по направлению к бармену.

– В общем-то, наверно, да. Я не видел вас столько лет, а вы почти не изменились, дядя Ростислав.

– Называй меня на «ты». Тебе больше не восемнадцать-девятнадцать лет.

Ростислав давно покинул Россию и сейчас владел небольшой дизайнерской компанией в Испании, завоевавшей глубокое уважение со стороны ценителей «взрослых» игрушек –

будь то автомобили раритетных марок или новомодные яхты и катера люкс-уровней. Его предприятие создавало и восстанавливало утраченное в периоды рецессий и глобализации. В России тогда, когда на западе уже существовали все возможности для построения бизнес-индустрий, ещё не представлялось возможным даже попробовать то, что Ростислав называл «живительной влагой», а именно открыть свой бизнес, имея при этом всевозможные питающие тебя «живительные» ресурсы – первоначальный капитал, разрешения на получение лицензий и подвешенный язык.

Тогда он уже имел то, чего сейчас, при этой встрече не имел Виктор. К сожалению, родственный разрыв, который случился, по вычислениям Виктора, одиннадцать лет назад, разрубил отношения Ростислава с отцом Виктора. А может, и к счастью, молодой парень не познал тогда той роскоши в столь юном возрасте, которой его дядя мог бы побаловать. Ведь не случись того разрыва, возможно, Виктор и не добился бы всего сам, прокладывая тропинку в тернистых дебрях справедливым и честным путем.

Ростислав приехал в Москву на презентацию своего, как он назвал это, маленького шедевра – ЯТУ «Coral». Он явился тем самым художником, нарочито преследовавшим все возможности вылезти вперед, и в данном случае сделал то, что в очередной раз ему эту возможность предоставило.

«ЯхтСтройТехнолоджис» выбрало его как художника, не

выдвигающего напоказ стильные и новомодные силуэты суден, которые так принято считать роскошными средствами передвижения. В его работах судно, внутренняя отделка которого, бывает, доходит до стоимости целого таунхауса, внешне содержало резкие и порой грубые формы, которые отталкивают непрофессионала от мысли роскошного происхождения яхты. И благодаря такой концепции Ростислав славился в своих узких кругах как художник-прагматик, плюющийся на внешние атрибуты.

26 сентября он оказался в том же кафе-баре, что и его племянник, которого он не видел одиннадцать лет.

26 сентября Ростислав предложил «ЯхтСтройТехноЛоджис» замечательного специалиста. Случись так, что собеседование Виктора в этой компании перенесли бы на следующий день, или вообще оно не было бы назначено, эти двое не пересеклись бы, и далее не было бы того, что было сейчас. Этой истории вовсе не существовало бы.

Но даже по прошествии двух лет, будучи руководителем той самой верфи, с руководства которой Виктор сместил Кирилла Левина, он не мог поверить, что судьба способна понастоящему удивлять. К слову сказать, Виктор после того, как его популярный дядя помог устроиться ему на работу и впоследствии даже повлиял на ротацию своего родственника, ни разу не воспользовался свободными отступлениями в работе и вызвал тем самым неподдельное уважение со стороны своих коллег.

Сместивший действующего руководителя, к которому шёл тогда на собеседование, он заставил тем самым Кирилла Левина ненавидеть себя. Левин явно сожалел о том, что когда-то принял Виктора на работу.

Но тот всегда полагал, что успех не может прийти безответно и, погладив тебя по голове, умчаться к другим счастливым.

Виктор работал день и ночь, чтобы доказать шептавшимся вокруг лицемерам, что он и сам многого стоит. В общем-то, доказав это и создав парочку крупных проектов, он уволил тех самых шептунов.

Сегодня, спустя два года после судьбоносной встречи с Ростиславом, Виктор собирался созвать команду для обсуждения третьего своего крупного проекта, в котором он принимал участие как компетентный наблюдатель, время от времени наловчившийся мастерски поправлять тесаком деревянные фигуры и сопровождать рабочие процессы своим правильным, ораторским языком.

Анюта посмотрела на него из-под модных очков в чёрной оправе и тут же встала с рабочего постаменты, предварительно развернувшись на мысках красных туфель вновь. Положив незаметно трубку телефона, она протянула свою изящную руку к кофемашине и спокойно взяла вспененный от резкой струи напиток. Потом также изящно продефилиро-

вала к соседнему кабинету и, пронесся за собой невидимую ароматную тень духов из нежной фрезии и жасмина, поставила белый фарфор к боссу на стол.

– Я позвонила Юркову. Вы же не против того, что я проявила инициативу и подготовила его к возможному собранию.

Она улыбнулась так, как если бы вся невинность давно прошедших дней проснулась вдруг по прошествии десятка лет и вылилась на её искусственный, но такой чарующий румянец.

– Что ж, мне нравится твоя предприимчивость, – улыбнулся Виктор и проследовал в кабинет. – Не забудь тогда созвать всех оставшихся из группы Е-4.

– На десять?

– Разумеется.

Аня работала у Виктора вот уже полгода и привыкла к тому, что он ценит время, и поэтому, повторяя цикл похожих друг на друга рабочих событий, не любит обговаривать одно и то же вслух больше двух раз. На самом деле всё было гораздо проще – макеты, которые стоили больше 500\$ и выше обсуждались по вторникам в десять утра; макеты с яхтами стоимостью 499.99 \$ и ниже в четверг в час дня. Прайсы всех корабликов, как называла их по-женски Аня Черчина, висели у неё на уровне глаз рядом с ноутбуком.

– Группа дизайнеров элит приглашается на заседание сегодня в десять, – прошептала она в микрофон, нажав он-

лайн-режим. – Группа дизайнеров элит приглашается в десять часов утра в зал заседаний, – повторила она, чувствуя в этот момент своё превосходство.

В двенадцать часов, облачившись в пальто персикового цвета и повязав спокойного коричневого оттенка платок, Аня проскользнула сквозь вестибюль и, приподняв воротник, спустилась на асфальтированную дорогу шумной улицы северного округа Москвы. Выставив тонкую руку, облаченную в кашемировую перчатку, она некоторое время таксовала и ожидала возможного частника, который отвезёт её к Чистым прудам на улицу Чаплыгина в знакомую тратторию. Наконец, таковой появился, и унёс её на старом «Вольво» в сторону центра.

В кафе она подошла к мужчине сорока лет, одетому в чёрный облегающий костюм с галстуком-лентой. Его волосы с элегантною проседью выдавали его жизненный стаж, но если бы они были чёрного цвета и густые, как раньше, то ему вполне можно было бы дать тридцать лет – настолько он выглядел молодо, и, казалось, совсем нетронутый морщинами.

– Кирилл Андреевич, еле вырвалась. Сами знаете, как важно в нашей компании оставаться пунктуальной. – Аня смастерила одномоментную улыбку, похожую на растянутую вдоль улицы рекламу-растяжку зубной пасты.

– Час, однако, у нас имеется. Насколько я помню, обед по

расписанию никто не отменяет.

– Ох, Кирилл Андреевич, еще как отменяют. Иногда мне кажется, что как раз в обед и происходят самые что ни на есть рабочие трудности. Как будто бы дом сгорит или кто-то под капельницей погибнет, если в течение сего же часа не найти для него тот или иной адрес в интернете, забронировать гостиницу, оформить билеты и всё такое...

Кирилл Левин понимал, что такого рода профессии, которой владела Аня, свойственно казаться жалкой, несправедливой и малооплачиваемой. Тем не менее, он прекрасно понимал, что девушки сами выбирают себе такую работу, вполне осознавая, что на ней ты сам себе не принадлежишь. Работа секретарём подразумевает отсутствие творческого развития, срывает все эгоцентричные попытки проявить себя как личность, и только молодые, не обременённые опытом красивые создания могут предполагать, что просиживание в красивой обстановке большого и светлого помещения с аквариумом может развить все их попытки найти себя в той или иной отрасли. Чего не скажешь о женщинах зрелого возраста, которых не интересуется наличие на работе молодых и симпатичных специалистов, свободное время для обработки ногтей и просиживание часами в социальных сетях. Зрелые женщины пойдут работать, чтобы кормить семью, и чтобы одновременно было время на вязание шапочки внуку и ещё много чего интересного, пока начальник на заседании или в отъезде. Но мнение Кирилла сводилось ещё и к тому,

что всевозможные жалобы молодых леди, устраивающихся на ресепшны и просто приёмные, связаны с их внутренними намёками на жалость со стороны окружающих, своего рода поглаживание по голове. После этого у девушек возрастает самооценка, и они вновь чувствуют себя королевами среди офисного быта. Поэтому подразумевая положительную реакцию и надеясь на симпатию со стороны красавицы, он начал её жалеть. Сейчас это было выгодным.

– Анечка, но вы же понимаете, что поэтому я вас сюда и позвал, – начал он, – как только вы выполните мою маленькую просьбу, у вас появится новая кредитная карточка, которая избавит вас от необходимости работать.

Он сказал это сладким, медовым голосом, улащая свой природный баритон и пытаясь тем самым найти общий язык со студенткой юридического факультета неизвестного ему заведения.

– Ваша работа, она, как бы вам попроще объяснить, не должна отнимать у вас столько времени, сколько отнимает сейчас. Во времена моей работы в «ЯхтСтройТехнолоджис» я так со своими сотрудниками, тем более с такими красивыми сотрудницами не обращался. Это же всего-навсего обед. Молодым и артистичным девушкам с вашими данными не следует перетруждаться. Наоборот, я считаю, что у каждого сотрудника должен быть свой личный час, который он сможет посвятить себе самому, не отвлекаясь на производственные ненужности.

Аня Черчина застенчиво улыбнулась, накрутила на палец прядь каштановых волос, отпустила её и отпила из идеально натертого салфеткой бокала с минералкой. Кирилл лишь на мгновение бросил взгляд на оставленный губной след на стекле.

– Кирилл Андреевич, уж не думаете ли вы, что я сегодня вырвалась к вам на встречу ради кредитной карточки?

Левин посмотрел ей прямо в глаза и тоже сделал короткий глоток, поставив свой бокал рядом с бокалом Ани. Во взгляде чувствовалось напряжение и натянутость, но всё это не походило на застенчивость и поэтому не соперничало с возможными этическими понятиями чести. Левин знал, что секретарша его нарисовавшегося когда-то соперника вполне понимала правила игры, которые он ей предложил, и почему бы ему сейчас, – успешному и твёрдо стоящему на своих ногах бизнесмену, – не лукавить и перестать выдавливать из себя дешёвые комплименты и поразительные иллюзии, а вести себя вполне естественно и не затягивать долгих романтических этюдов.

– Но кредитная карточка, моя дорогая, вполне может явиться аргументом для вашей траты времени на такого скучного и старого джентльмена, как я. И потом, зачем нам с вами тратить время и разжёвывать неприятные договоренности, если можно сразу назначить цену и не опоздать к своим привычным, рутинным обязанностям.

Он протянул ей золотую «Визу» немецкого банка и, за-

держав кредитку в воздухе на пять секунд, проскользил ею, играючи, в направлении чёрного клатча, оставленного Анной на столе, открыл его, не отводя взгляда от собеседницы, и незаметно кинул внутрь почти невесомый подарок.

– Я думаю, мы договорились.

– Я думаю, я не буду с вами спорить.

Кирилл поднялся из-за стола, достав из портмоне несколько гладких купюр, и, застыв на доли секунд в зале кафе, накинул на себя чёрное пальто. Ещё несколько мгновений, и он скрылся из виду в пешеходном переулке. Затерялся за безликими телами прохожих, и лишь край его мужского платка показался Ане достаточно колоритным, чтобы догнать его взглядом и удостовериться, что тот уже свернул на широкую улицу и, возможно, навсегда потерялся для неё в потоке транспортного хаоса.

Сорвать важную для Виктора сделку и опозорить его перед Серафином Родиным – было той самой задачей, за которую она только что получила сумму, сравнимую со стоимостью иномарки, заказанной ею полгода назад. Сорвать договор было невозможным, так же как невозможным оставалось дальнейшее её знакомство с Левиным, что послужило бы достаточно основательным компроматом при возможном разоблачении. Аня намеревалась уволиться в ближайшее время под предлогом надвигающегося дипломного проекта в своем ВУЗе, тем более что работа секретарём не давала ей совершенно никаких перспектив, которые она рисовала в своих

мечтах, будучи ещё первокурсницей. И потом, Левин успел ей дать парочку контактов, хоть они и не связывали его существенными деловыми или дружескими связями, а лишь проходили когда-то в его жизни, как проходят единожды мимо одного необитаемого острова разные корабли. Один из таких контактов являлся директором модельного агентства, другой предлагал вакансии для начинающих юристов. В общем-то, выбор секретаря «ЯхтСтройТехнолоджис» оставался за ней самой, и тут главным было не ошибиться в расчётах предстоящей аферы, которую она подготовила для Виктора Шемякина.

4.

– Мюзикл был волшебным! – мурлыкающим голосом воскликнула Ката, как только они с Виктором вернулись домой. Она сбросила туфли по разным углам и подкинула клатч по направлению к дивану, так что тот сделал разворот в воздухе в триста шестьдесят градусов и приземлился на подушке.

– Здорово, что пошли. Мы с тобой давно никуда не выбирались. А на мюзиклах я не была триста лет.

– Я рад, что тебе понравилось. Правда, – улыбнулся Виктор и со вздохом развязал шнурки. Представление ему понравилось тоже, но усталость, накопившаяся за неделю, дала о себе знать наваливающимся тяжёлым сном ещё в кресле театра. Он старался гнать наваждение, как мог, и периодиче-

ски заваливал голову на мягкий подголовник в первом ряду.

– Как ты думаешь, Звягинцев не заметил стекающую по подбородку слюну? Я боролся со сном, как мог.

– На актеров направляют софиты, они не видят тёмный зал, – раздался глухой ответ в сопровождении звука струящейся воды в ванной комнате. – Но мог бы и потерпеть.

– Если бы они так синхронно и динамично не танцевали, Монте-Кристо бы оказался лучшим нянькой, что читает сказки на ночь. Каждый раз, когда Звягинцев начинал свой монолог, я тут же погружался в кресло и...

– Я думаю, если бы он что-то заметил, он бы тебе об этом сказал, милый. Актёры – они такие эмоциональные.

Виктор плюхнулся на диван, не намереваясь снимать с себя костюм, и тут же щёлкнул пультом телевизора.

– Лучше-е в до-о-м несём, – пропела с экрана без единого изъяна модель.

Виктор ещё раз попытался вспомнить, не обидел ли он чем своего товарища Михаила Звягинцева, который играл в мюзикле главную роль. Закрыв глаза, он лениво попытался вспомнить, что говорил ему после выступления и как тот реагировал. Впрочем, диалог был коротким, так как не только Виктор пришёл поблагодарить Михаила с успешной премьерой, но и ещё человек двадцать молоденьких и достаточно симпатичных девушек, которые визжали от восторга, чувствуя дистанцию в два метра, отделяющую их от кумира. Пришли и другие поклонники. Судя по тому, что их не

останавливала охрана, это были знакомые Звягинцева. Они дарили ему букеты, различные статуэтки и пожимали руки, обмениваясь друг с другом приветствиями, похлопываниями по плечу, и отходили в сторону, чтобы пропустить других желающих поблагодарить артиста за прекрасно проведённое время.

Шемякин познакомился с Михаилом годом ранее, до его дебюта в крупном проекте. Тогда весной труппа не известных бизнесмену актёров взяла напрокат у него «Лилию» – первенца, как называл её Виктор, в своём ряду. Обычно Шемякин мало интересовался своими клиентами, но эти заказчики попросили именно «Лилию», достаточно своеобразный выбор смутил Виктора и как любой предприниматель, чувствуя подвох, он решил познакомиться с ребятами – правильнее будет сказать с мужчинами, – намеревавшимися покататься на судне пять часов. Дело в том, что «Лилия», несмотря на мягкое и созвучное своё название, была самым грубым проектом Виктора. Сделанная из дерева, не самой лучшей маневренности она заслужила тогда не самую высокую оценку сюрвейера. Что тут скажешь – первый блин комом! Но Виктор, тем не менее, не стал от неё избавляться, испытывая некую родительскую любовь к своему первому творению, и оставил её в окружении других, более поздних своих работ и работ своих коллег. Как объяснили ему актёры, им нужна была яхта, которая не привлекала бы к себе внимания, так как они намеревались провести спокойный и

весёлый корпоратив. Впоследствии, после успешного мероприятия, именно Звягинцев приехал к Виктору, чтобы арендовать у того уже более престижный образец. Разговор затянулся. Мужчины беседовали на разнообразные темы, отвлекаясь на смешные моменты и удивляясь способности одних перевоплощаться в другие образы и, наоборот, способности образов влиять на характеры людей.

– Помнишь главного героя из нашумевшей саги о вампирах? – спросил Виктор жену и растянулся в мечтательной, немного блаженной улыбке. Он вытянул свои длинные ноги, облачённые в трикотажные отутюженные брюки, и запрокинул голову на боковой подлокотник кровати, положив предварительно большой палец руки между зубами. Теперь он походил на самого себя, так часто пребывающего в собственных переживаниях и размышлениях. – Так вот, однажды после съёмок он зашёл в бар и, нахомячившись английской пурги, укусил прямо в шею не понравившегося ему посетителя. Тот от неожиданности так испугался своего превращения в демона тьмы, что выбежал пулей из бара под смех и аплодисменты остальных выпивак.

– Ты это к тому, что когда у тебя есть слава и деньги, можно творить всё, что взбредёт в голову?

– Я это к тому, что статус в жизни каждого из нас влияет на аспекты личной жизни.

– Что ты этим хочешь сказать? Что-то я не замечала, что мой любимый Виктор Геннадьевич дома ведёт себя так же

властно, как и на работе. По твоим рассуждениям, ты сейчас должен попросить меня принести тебе орехового эспрессо. – Ката прокатилась помпезно по ламинату, изобразив при этом что-то, напоминающее зрителю Ан деор (3).

– Да. Я хочу этим сказать, что когда у тебя есть слава, правильное положение и деньги, ты можешь зайти в понравившийся тебе бар и укубить там кого-нибудь за шею.

– По твоей логике, если ты богат, ты можешь отклоняться от норм поведения, признанных в обществе повсеместно.

Виктор продолжал покусывать большой палец, что говорило о его мыслительном процессе в этот час, в эту минуту.

Из-за стены возникла белокурая, похожая на фигурку комедианта из-за сжатых в улыбке губ и выпученных глаз подруга семьи Шемякиных.

– Привет, родители! Как концерт?

Лена высунулась из-за стены, обхватив пальцами выступ уходящей к потолку закруглённой арки. Вначале проход имел квадратные углы, но замысел дизайнера состоял в смягчении пространства.

– По-моему, мы смотрели мюзикл, – пробурчал с закрытыми глазами Виктор. Это так теперь называется. Все поют и танцуют, – зевнул он.

– Судя по всему, всё прошло чрезвычайно скучно, – улыбнулась Лена.

– Всё прошло чрезвычайно весело!

Ката вытянула руку вперед, динамично наклонила голову

и проскользнула еще раз, изобразив на этот раз что-то напоминающее Ан лер (от фр. en l'air – на воздухе, термин, указывающий на то, что движение выполняется по воздуху).

– Как Никитка?

– Никитка пока ещё не понимает, что такое образ, и слава тебе, Господи, за это. Сегодня всё по расписанию! – Лена приставила честь правой рукой, а левую положила вместо пилотки, – уснул после «Трёх Поросят», как миленький.

5.

«Что-то платьице у тебя неказистое?» – спросила у меня свекровь в день свадьбы. «В следующий раз лучше будет!» – ответила я.

На следующий день Лена зашла в офисное здание и принялась за каждодневное женское занятие, выполняемое регулярно миллионами женщин на планете, – поиск нужной вещицы в, казалось, бездонной женской сумочке. На этот раз она искала пропуск, чтобы предъявить его охраннику. Наличие документа, удостоверяющего личность, было обязательным условием для прохода в коммерческую организацию. Какая-то женщина получила ключ и расписалась за него. На турникете замигала зелёная стрелка, и женщина прошла, провожая глазами неаккуратный почерк, рисующий очерёдно уже её фамилию.

Лена подумала о своих знаменитых предках.

Она носила фамилию известного в купеческие времена фермера и кулака Барыса Яриса. Сто голов козьих душ и с пятый десяток коров, да свиней он накапливал и продавал на пяти своих участках, каждый из которых запросто мог посоревноваться со знаменитыми тexasскими фермами. При виде Барыса прохожие снимали шляпы и кланялись, многие дивились его организаторским способностям справляться с работниками чинно и справедливо на пяти десятинах земли. И всё один работал, как говорили тогда, без жёнушки. Померла в сорок пять лет, оставив ему в приданое дочку Лизавету, бабушку Елены.

А сейчас правнучка большого бизнесмена стояла в очереди, чтобы получить пропуск, и ни разу не заметила удивлённых глаз хотя бы одного человека, который улыбнулся бы просто потому, что фамилия была на слуху. Наоборот, быстрее других оформляли и уж точно не улыбались.

Но от дедушки у Лены только фамилия и осталась...

Организаторских способностей она у себя не замечала, да и организовать было, по большому счёту, нечего. Фермы те давно перешли государству из-за неправильного оформления наследства.

«Ведь нашли, гады, к чему придраться! Лишь бы захватить чужой пот и слёзы», – как рассказывала мама маленькой Леночке и гладила её по волосам, утешая свою несмышлёную дочку. Как тут ещё объяснить ребёнку, кто такие «комитеты

бедноты», и как они отбирали у зажиточных крестьян их богатства. Сама мама Лены тоже не застала «сытого» детства. Помнит лишь только, как снарядили её как-то в дорогу из села, в котором она родилась, в Брест. Там она и прожила полжизни, родила девочку.

Лене было 9 лет, когда крупная металлургическая компания предложила её матери должность инженера в Москве.

Мама до сих пор жила в их старой квартире в Митине, куда Лена часто приезжала. Отец жил вместе с ней, но никаких привязанностей к ней не имел. Он жили в разных комнатах, делили один санузел и холодильник, имели отношения коммунальных соседей по комнатам.

Лена же работала клерком в компании, организующей спортивное питание, в кадровом отделе. И уже давно не примиралась с мамиными советами, съехав в арендуемую квартиру в 23 года.

После работы Лена зашла в многоквартирный дом, где они жили с Алексеем и его мамой. В воздухе стоял спёртый запах непроветренного помещения. Когда у Лёши было плохое настроение, он закрывал все форточки и двери, чтобы не слышать людской суеты, и погружался в одинокие, молчаливые размышления, нарушаемые только естественным ходом старинных часов, что висят в холле.

Девушка обратила внимание, что сигаретный дым ещё до

конца не рассеялся и густым пластом лежит под потолком кухонного помещения. Так много Алексей курил, когда они с коллегой проигрывали крупное дело на работе. Тогда он отравлял свои лёгкие, стараясь отравить память. В такие минуты его поведение казалось агрессивным. Зарывшись глубоко в кресло и держа в руке рокс с неостывшим виски, он наблюдал за тенью его гражданской жены.

– Лёш, а где мама? – спросила она тихо. Только сейчас она увидела, как странно сложены в стопку вещи её свекрови. Та, будучи абсолютно неаккуратной женщиной, никогда не складывала своё бельё так прилежно. И этот запах... Первое, о чём она подумала – парное мясо, купленное три дня назад ею на рынке. Неужели она забыла его на балконе. Сейчас же +10 градусов. Оно просто-напросто стухнет. Или уже стухло.

– Ты знаешь, ка...кая ссамая главная прблема в нашей жизни? – неожиданно перебил он тень, так и не повернувшись к жене.

– Послушай, ты очень серьёзно относишься к своей работе. Если каждый адвокат будет переживать так за не выигранные и прогоревшие дела, какой из него выйдет профессионал? Когда ты уже поймёшь, что жизнь – это череда проблем и удач. Что, принимая всё так близко к сердцу, ты не вернёшь упущенного. Потом, своим отношением к этим твоим криминальным смертям ты доведёшь всех своих близких до истерики. Почему ты не можешь заниматься административно-хозяйственными делами, если не можешь справиться

со своими эмоциями?

– Ужж..е довёл, – буркнул Алексей. Голос его дрожал от выпитого.

Она подошла к окну и отдернула плотные синие портьеры, впустив в комнату угасающий дневной свет. Холодный и необходимый ветерок ворвался в закрытый «кукушник» и пролистал на книжной полке несколько страниц какого-то медицинского справочника, который не открывали уже много лет.

На кухне было чертовски грязно. В раковине валялись сковородки и приличная гора посуды, стол был измазан липким зелёным веществом, которое впоследствии оказалось стоматофитом. Елены Викторовны – мамы Лёши – нигде не было. Возможно, она уехала на дачу или пошла в магазин.

Лены не было дома три дня. Сначала она была у общей с Катой подруги Жени. Та устраивала в выходные в загородном доме девичник перед предстоящей свадьбой. А вчера весь день гостила у Шемякиных. Но её не удивило, что за это время в доме образовался такой бардак – Лёша был неаккуратным, как и его мама.

В квартире было три комнаты, каждая из которых была выполнена в определённом стиле. Ядовитые оттенки зелёного, красного и жёлтого навевали мысли о действующем на дороге правиле светофора. Зелёная комната – в этой комнате можно делать всё, что душа захочет. Жёлтая – смотри,

что хочешь, но вещи не трогай. И, наконец, красная – посторонним вход воспрещён. Наиболее объясняющим фактором служило то, что красная комната принадлежала как раз маме Алексея. Такие яркие и необычные оттенки для квартиры она выбрала совсем недавно, пригласив откуда-то извне именитого, по её словам, дизайнера интерьеров. Откуда у неработающей пенсионерки такие фантазии по поклейке и покраске стен, Лена догадалась с трудом. У женщин в период бальзаковского возраста часто возникают бредовые идеи. Но вот откуда у неё деньги на столь современные материалы и услуги – этого Лена так и не поняла. Алексей бы ей не дал их по определению. Он был против какого бы там ни было ремонта, аргументируя это тем, что копит деньги на своё жильё. При этом, именно от матери он и унаследовал свои прижимистые черты.

Возможно, копившая на ремонт дачи деньги свекровь решила, что нечего их откладывать, как это делают большинство матерей её возраста. А лучше бы переделать всё, что и так у тебя есть, на современный лад.

Так на кухне появился бар в виде глобуса, набитый бутылками недорогого содержания, но внешне вполне впечатляющий своими размерами; в коридорах – японские вазы и разукрашенный под сакуру зеркальный шкаф-купе. В ванной комнате, которая носила совмещённый с туалетом характер, Елена Викторовна установила телефон и радио. А комнаты, по задумке, перекрасила в кричащие оттенки. Что

только не взбрѣдетъ в голову женщине с еѣ характером.

Квартира получилась вполне авангардной, хоть и с некоторыми привычными деталями.

Лена давно уже смотрела на такие несуразицы достаточно равнодушно, стараясь не вмешиваться в чужие мысли. В конце концов, этого следовало ожидать от такой своенравной и упрямой женщины. Если бы не Ленин покладистый характер, они бы уже давно разъехались, тем более было возможно снимать квартиру и дальше. Но неизвестно, как сложилась бы тогда еѣ жизнь.

Правда, сейчас она ни о чём не жалела. Лишь иногда хотела и думала о чём-то менее возбуждающем, чем все эти странные оттенки и разговоры о том, как жили плохо в советские времена.

Она ещё раз осмотрела беглым взглядом красную комнату и обратила внимание на отсутствие маленького коричневого чемоданчика, который свекровь купила на рынке. Он стоял всегда под письменным столом женщины. А сейчас его не оказалось, как и не оказалось огромной, на Ленин взгляд, косметички, раскрытой постоянно для каждодневных процедур по уходу за лицом. Она в действительности занимала половину стола, когда мама Алексея начинала свой обряд по наведению макияжа, отдавая этому процессу два часа своей жизни в день. Со стола также исчезли несколько тюбиков омолаживающих кремов.

– Она уехала в Израиль, – неожиданно чётко выговорил Алексей. Глаза его застыли в стеклянном взгляде и выглядели из-под заплывших век, стараясь держаться ровно и не моргать. Сиреневые синяки рассказывали о продолжительности запоя, а мятая выходная рубашка – о нежелании заканчивать банкет.

– Да, – продолжил он, – я дал ей денег, и она укатила к Господу Богу на родину.

Лена была в замешательстве. Почему Алексей не сказал ей о том, что купил тур матери?

Лена удивилась, услышав новость об отъезде.

– Как? Ты ей дал денег? Мы же этим летом собирались поехать в Доминикану.

– Собирались – значит поеде-е-м, – пропел Алексей, – а маме нужно немного отдохнуть.

6.

Тонкие женские шпильки итальянских туфель с красной подошвой продефилировали по мокрому после поливочной машины асфальту и, задержавшись у высокого порога на несколько мгновений, забежали за стеклянное основание двери.

– Скажите, у вас есть зёрна робусты с ореховым экстрактом? – профальцетила Анна, соединив свой ласковый голосок с манерной, обведённой блеском улыбкой.

Продавец кофе и чая на углу мощённого центрального бульвара развернулся в поисках нужного пакетика бодрящих зёрен и, найдя соответствующее название, протянул девушке аккуратно завернутый свёрток.

– Сто грамм 350 рублей. Отсыпать побольше?

– Нет. Достаточно. Кофе должен быть свежим, не так ли? – улыбнулась Анна и оголила ровные белые зубки.

Аптеку в этих местах оказалось найти гораздо труднее кофе, продаваемый сорт которого был чрезвычайно редок и непопулярен в связи с низкой классовостью – робуста занимала вторую позицию после арабики.

Хотя вдвоем в составе их можно было увидеть часто. Робуста добавляла крепости душистой арабике.

Казалось, что в центре Москвы люди только читают и едят, а лечиться сюда никто не ходит. Вокруг возвышались трех– и пяти-этажные строения, на первых этажах которых снимали помещения кафе разной национальной кухни сувенирные лавки и магазины странных и антикварных вещей, книжные бутики и закусочные Аптеки нигде не было видно.

«Так вот кто заболел, так и не найдёт лекарства, – подумала девушка. Но ей-то фармацевтический магазин нужен был не для лечения, а скорее для «усугубления». Но последнее тоже считалось спорным, так как препарат, который она искала, в оптимальных дозах способствовал облегчению болей в организме человека, улучшению памяти и активизации мышечных двигательных процессов для тех, кто испытывал

в этом необходимость. Однако в увеличенных дозах препарат представлял, в самом что ни на есть доскональном смысле, угрозу для правильного восприятия действительности, в ином смысле, вызывал галлюцинации. Получить лекарство можно было только по рецепту, поэтому Анна подготовилась к предстоящей покупке весьма организованно.

Помог ей в этом знакомый профессор из университета.

Сергей Иванович Толбин работал фармацевтом в одной из сети аптек, разбросанных по разным округам Москвы. В той, которую сейчас искала его студентка, рассказавшая ему о болезненных передвижениях ее матери, – соврал, конечно, об этом – работал его компаньон, коллега и просто хороший знакомый.

Странно, что в центральном округе большого города Анна не могла заметить ни одной аптеки.

Наконец перед глазами мелькнула красная вывеска, и это оказалась как раз нужная ей аптека.

– Октаболлин, – перечитал фармацевт с листка и крайне удивленно перевёл взгляд на Черчину, – думаю, что Сергей Иванович что-то перепутал, девушка, – причмокнул он. – Такое лекарство выписывают людям с нарушенной нервной системой. Будет гораздо лучше, если вы обратитесь к психиатру. А ваша мама, по вашим словам – вполне адекватная женщина с...

Он не успел окончить, как Анна перебила его, пустила в ход свое фирменное обаяние и приблизилась к мужчине

поближе, чтобы что-то прошептать. Она рассказала фармацевту о том, что мама страдает редким случайным расстройством, которое не могут диагностировать в их поликлинике.

– Мама, конечно, на прохожих не кидается. Вы не подумайте, – улыбнулась она, – но каждый раз, когда у неё начинают ныть суставы в коленях, она (Анна пригнулась ниже, чтобы прошептать как можно тише) разговаривает с моей умершей бабушкой.

Анне надо было любыми способами одурманить своего босса. В голову лезли всевозможные варианты, исчезающие по мере осознания тяжести последствий. Об убийстве речь не шла однозначно. Благо, пример собственной жизни играл здесь главенствующую роль. Аня знала не понаслышке, как тяжело терять близких тебе людей. Суеверная на этот счёт, она полагала, что поступи она так же, как когда-то поступили с её родителями, она автоматически превратилась бы в героя криминального чтива. Тем более что моральные устои сложившегося характера не влияли положительно на такие раздумья. Она поступала на юридический, чтобы расследовать криминальные происшествия, а не участвовать в их подготовке. Но, тем не менее, подсыпать своему боссу галлюциногенный препарат в день проведения очередной презентации тоже считалось преступлением, и она это прекрасно осознавала. И только обнадёживание себя в том, что купленный ею препарат не усугубит жизненные естественные процессы Виктора Шемякина, успокаивало её и направляло созна-

ние на более приятные представления о готовящейся афере. Подставляя Виктора, она получала крупную сумму безналичного перевода, полную анонимность и уверенность не только в завтрашнем, но и последующих днях, ведь материальная сторона оплатит ей недостающие в финансовом отношении семестры и машину, а нежелание Левина засветиться в проекте – полный разрыв отношений с ним и начало своей новой безоблачной карьеры.

Препарат она не получила. Знакомый её профессора ей не поверил и отправил за рецептом.

С мыслью о галлюциногене и улыбкой на обведённых безупречно губах Анна прошла через стеклянную вертушку офисного здания, миновала ряд облачённых в синюю униформу сотрудников охраны и проскользнула в закрывающийся лифт.

– Куда же вы так спешите, девушка? – томно и одновременно строго спросил мужчина в полосатом костюме.

Черчина бросила на него равнодушный взгляд, но тут же поймала себя на том, что их глаза как-то странно остановились друг на друге, и невидимая искра, пройдя по всему телу и задержавшись где-то в середине, ударила обоих. Лёгкий холодок пробежался приятными мурашками по телу, сменив совершенно противоположный ему налетевший вихрем жар. Анна покосилась, как ей показалось незаметно, на глад-

кие блестящие туфли мужчины и брюки-карандаш. А затем заметила легкую щетину, под которой едва заметно вздёрнулись ямочки, что явилось знаком несомненной интриги и симпатии к ней.

Андрей Лукенко сегодня был одет с иголочки, подобающе заместителю проектного отдела своей весьма солидной компании. Аня почувствовала слегка уловимый аромат.

«Giorgio Armani Aqua Jio».

Он мог исходить от любого другого мужчины в этом лифте, но она уже знала, что этот притягательный и неожиданный набор свежих и сладковатых ноток принадлежит именно Лукенко.

Прошло всего лишь две минуты, как офисный лифт поднял их на пятый этаж. Но за эти сто двадцать секунд Анна посмотрела на Андрея совершенно иначе, нежели она смотрела на него до этого. И как это она раньше не замечала, как он хорош собой. Это же совершенно не его стиль – эти брюки, галстук, рубашка... Ах, как же они ему к лицу.

Вместе с Виктором он должен скоро выступать, представляя проект элитной «ЯТУ-345», у которой было второе – более привлекательное имя – ЯПС «Гавана».

На секунду Анна залилась багрянцем.

Но отнюдь не оттого, что ей понравился Андрей. Он же должен выступать с Шемякиным. Он отличный профессионал своего дела. Если Виктору станет плохо, и он удалится с арены, то Лукенко может не растеряться и произвести впе-

чатление на покупателей...

7.

Легче любить воспоминания, чем живого человека.

Пьер Ля Мюр

Лена лежала и смотрела в выбеленный в два слоя потолок. Её безразличные серо-голубые глаза смотрели в одну точку, точно стеклянные шарики с застывшей сердцевинкой. Губы немного подёргивались, будто повторяли какой-то текст; пальцы рук автоматически закручивали несколько волосков, создавая не получающийся, но воображаемый локон. В голове крутилась нескончаемая канонада отрывков фраз и предложений; значимых и незначимых звуков – шум капающей воды, взмах крыльев голубя за окном, реклама на телевидении и мужской смех. Казалось, конца этого шума не было предела, хотя в реальном времени проходили лишь короткие минуты.

Она думала о нём.

О человеке из её прошлого.

Мысль о котором была последним оплотом, который она не могла просто взять и выбросить; подарить и оставить. Эти мысли являлись её последней надеждой хоть как-то поддерживать с ним связь – пускай и на уровне воспоминаний, фантазий и воображаемых картинок. Николай Даримов был

тем самым героем её прошлого, к которому она каждый раз возвращалась, оставаясь подавленной сегодняшними неурядицами. Она придумала его нынешний образ, его внешний вид, взгляд и даже ответы на интересующие её вопросы. Когда-то, до встречи с Алексеем, он её очень любил и верил в их нескончаемый союз. Она была с ним 10 лет... Десять долгих лет, наполненных его любовью, уважением и преданностью. Он отдавал ей всё, что мог отдать, и любил её одну, как любят дети своих матерей, – беспричинно.

Как любят лебеди свою избранную лебедку, готовые чистить ей сухие от мороза перья. Он любил её за то, что она жила и дышала, – это всё, что ему было необходимо, не исключая верности ему...

Алексей явился той мужской непосредственностью, которой Лене всегда не хватало в Николае.

Она полюбила его за гордость и убеждение в том, что надо стремиться изменить мир к лучшему. Его идеалистические идеи влюбились в себя не только Елену. Алексей был как гуру и маэстро, рисуемый невозмутимые правила жизни, которым влюбившаяся в его внутренний революционизм женщина хотела потакать. Тогда он работал бизнес-тренером, был центром внимания хорошеньких девиц. И, посвящая каждую свою ученицу в свои глубинные познания о том, как правильно составить бизнес-планы и вырваться на рынок предпринимательских уловок в первые ряды счастливиц, он не заметил, как Лена начала в нём растворяться, рисуя

себе воображаемые иллюстрации их возможного будущего. Она чётко знала, что пришла тогда на эти тренинги, чтобы, наконец, поймать свою удачу и вылезти из круга усреднённых девиц гораздо выше. Но что она могла поделать со своим удваивавшимся желанием заполучить в качестве награды собственного бизнес-тренера? Он бы ей рассказал в частной беседе, как стать лучшей из лучших...

Она не пыталась гнать от себя эти романтические идеи вон. В ней зажглась искра, которая манила её к невероятно-му открытию, значение которого она сама пока не понимала, но верила, что оно будет колоссальным.

Она ушла от Николая к своему гуру.

Она не отвечала на звонки и смс Даримова.

На другие его переживания, выраженные в социальных сетях.

Она растоптала его веру, лишила себя святого избранника ради страсти и самоутверждения. Она оправдывала себя тем, что всегда нужна жертва.

А как иначе?

Николай же любил её, даже когда она его раздавила, превратила в ничтожное, сошедшее с ума от любви существо.

Она прикрыла ладонью готовящийся взорваться от жалости и любви к нему рот. Лёжа в своей маленькой комнатке, она всхлипывала, как девочка, потерявшая маму. Ей было невообразимо себя жаль, жаль, что она не предусмотрела

десять лет тому назад все возможные издержки своего бизнес-плана, главным фигурантом которого являлся Алексей. Он любил её, любил и желал, но иногда поступал так, как Николай никогда бы не поступил. Он вёл себя плохо и капризно, эгоистично; ограничивал Ленины желания и интересы.

Во многом она его благодарила за это, так как ничто не делало её сильнее, как эти самые ограничения. А во многом она возвращалась к мысли о том самом Николае, которого она посвятила в свои ангелы. Он появлялся в её жизни тогда, когда с Алексеем что-то не клеилось.

Не по-настоящему.

В её воображении.

Она придумывала себе картинки различной деятельности с ним и воображала, как они реализуются. «Вот они встретились спустя два года. Она рассказывает ему о том, как ей тошно на душе от того, как она поступила с ним, и просит у него прощения.

– Ты меня всё ещё любишь? – наивно спрашивает она, заведомо зная его ответ «ДА».

Он произнесёт это тихо, слегка моргнув, но всё же глядя ей в глаза. А потом добавит:

– Конечно, я не испытываю к тебе того, что испытывал раньше, потому что твоё поведение... – он прервётся, а Лена договорит:

– ...было отвратительным, я знаю.

А потом она расстроится из-за его ответа, как будто ей

будет мало того, что её хоть как-то любят спустя целых два года после того, как она его бросила.

Сама.

Потому что поддалась искушению и физиологическому зову, ну, и любви, наверно. А сейчас эта любовь её не раду-ет, не оправдывает своего романтического начала и даже не возбуждает. Потому что не понимает её...

– Да! Моя любовь к тому, из-за которого я тебя остави-ла, уже не та, – добавит она, – наверно, она иссохла. Пони-маешь, он настолько эгоистичен... – начнет она корить того, кто явился причиной их разрыва с Николаем, – что с ним просто невозможно даже отдыхать!

А потом поймает себя на мысли, что рассказывает всё это Коле не потому, что она понимает, что совершила жестокую ошибку и на самом деле всё это время любила его, а потому, что он сидит рядом, любит её и всегда выслушает и примет такой, какая она есть...

Вот и сейчас она воображала, как Николай сидел на кра-ешке её с Алексеем кровати, целовал её заплаканные глаза и гладил волосы. А чтобы она заулыбалась, даже рассказал ей историю:

«А ты знаешь, есть мир, в котором никто не плачет. Там нет горьких переживаний и эмоций. Там нет парочек – тех самых, что мы, люди, себе представили и сохранили в образе Адама и Евы. У них действительно цветёт великое дерево,

но оно не запретное. Хотя плоды его и вправду похожи на яблоки.

Они называют дерево любовью.

Стражники-ангелы его оберегают, но лишь только от излишней необходимости любить. Потому что в каждом плоде этого дерева содержится высокая концентрация любви, равная одной сотне дней высокого наслаждения этим чувством, в одном укусе! Мы все друг другом обожаемы, и ты почувствуешь это на себе тоже, когда придёт время...»

Вдруг Лена вздрогнула, очнувшись от своей фантазии и начала машинально искать рукой мужа. Его не было с ней в кровати. Возможно, уснул на кухне, как и она только что в спальне...

Маленькая стрелка часов перекатила на единичку, большая скользнула на шестую от исходной цифры 12 черточку.

Лена обнаружила себя лежащей в темноте и вдруг почувствовала невозможность пошевелиться.

Двигались только пальцы, но при этом ощущение работы кистей отсутствовало.

Казалось, и не она сама ими двигает.

Она попробовала поднять голову, но тщетно – голова будто приросла к подушке, и, что самое страшное, девушка ощутила нехватку кислорода услышав хриплость, исходящую из глубин своего горла, так отчётливо, будь у неё приступ астмы.

Хрипотные звуки участились, когда она захотела кричать от страха и непонимания того, что с ней происходит. Отовсюду послышалась канонада звуков непонятного происхождения, похожая на металлическое скандирование различных голосов.

Ей привиделся образ маленького человечка (таким она представляла себе домового – в длинном, как у гнома, колпаке, низкого роста и с пугающей жёсткой, словно проволока, бородой).

С его появлением дыхание стало прерывистее.

Она почувствовала, что это он чинит ей препоны и не позволяет двигаться.

Но зачем?

Странное видение и паралич продолжались, по подсознательным подсчётам Лены, полчаса – в реальности прошло пять минут. Странная реакция произошла от того, что мозг внезапно проснулся, а тело нет. Такое случается при «синдроме старой ведьмы». Пробуждение после быстрой фазы сна может сопровождаться «сонным параличом», галлюцинациями и нехваткой кислорода. Это состояние, при котором человек спит и бодрствует одновременно. Ощущение, как правило, зловещее и пугающее. Лена подумала, что вот-вот умрёт, но вовремя освободилась от чар «домового».

Она побежала на кухню, чтобы выпить стакан воды, в горле было чертовски сухо, что неудивительно – она так долго

пыталась кричать.

Включив свет, она увидела неподвижное, скрюченное от неудобной посадки на табурете тело. Алексей похрапывал над тарелкой с недоеденными колбасами и сырами, подёргивал от вдохов и выдохов плечами, присвистывая тоненько во сне. За его широкой, мясистой и голой спиной висели на стене завоёванные в недалёкие времена регалии. Это были предметы гордости и награды за участие в различных соревнованиях по стрельбе из лука, пневматики и ружья. Пять дипломов, обрамлённых в деревянные рамки, висели на кухне «ромбом», привлекая взгляды заходивших к Алексею и Лене на огонёк.

Что с ним случилось сейчас? Почему он так напился? Эти и другие вопросы неведанной вереницей пробежали в не остывшей ещё от испуга голове. Два прошедших года Алексей только и твердил, как вреден алкоголь, и сам никогда не нарушал незыблемое правило. Сейчас же он показывал другую свою сторону, превратившись из примерного мужа в пьяницу.

Напиться так сильно, да ещё и уснуть «в салате» влекло за собой основательные оправдания такого неприличного поведения. Хотя Лене даже чуточку понравилось, что идеализирующий себя муж наконец-то нарушил одно из своих жизненных утверждений.

Она не стала его будить и выспрашивать, в чём причина столь кургузного поведения, а просто присела к нему за

стол и улыбнулась.

8.

В девяноста девяти случаях женщины ведут себя, как дуры,

но на сотый оказываются хитрее мужчин.

Агата Кристи

Андрей Лукенко сидел в японском ресторане и рассматривал висевшие напротив него портреты юных японок различных эпох. Белолицые, с чёрными, как смола, узкими глазами японки, изображённые в традиционном кимоно с завязанными в канзаши волосами, отображали начало 20-го столетия. Они напоминали «правильно укомплектованных гейш», готовых и сейчас вылезти из своих портретов, показать свои маленькие – похожие на детские – ступни, и кланяться господину. Которым был любой из присутствующих здесь мужчин. Жаль, что эпоха предусматривалась ранняя, и невозможно было разглядеть оттенки атласных ленточек, так искусно вырезанных в причудливые цветы и украшенных бусинками.

Две картины являлись портретами современного искусства фотографии. Девушки с разными стрижками и далеко не бледнящим макияжем глядели на Андрея выразительными азиатскими глазами и кокетливо улыбались, оставляя за улыбкой манящие обаятельные ямочки.

Андрей Лукенко был родом из Украины, но совершенно не походил на хохлятского мужика. Напротив, в нём ощущалась доля европеизированного лощёно-холёного мужчины, который, в свою очередь, не являлся – как часто в таких случаях бывает – эгоцентристом. Андрей любил ухаживать за собой всегда, хоть и начал показывать это совсем недавно, но больше всего он любил ухаживать за своими женщинами, количество которых не превышало прилично допустимую норму «настоящего» мужчины – одна девушка в месяц.

Эта счастливица никогда бы не ушла от него сама, но спустя пресловутый месяц, который уже ассоциировался у Лукенко с испытательным сроком, он разочаровывался в новобранке и пробовал с другой, но ни одна из не догадывалась о предыдущей.

Проблема была в его щедрости. Он обожал дарить подарки. Часы, кольца, серьги, предметы одежды и нижнего белья из лучших бутиков Москвы его девушки получали регулярно. Так он расплачивался с ними за теплоту и заботу, уважение и, конечно же, за секс.

Охваченная невообразимым счастьем, претендентка показывала свое истинное отношение к деньгам как раз через месяц общения, начиная просто-таки доить своего мужчину, забывая о том, как на первом свидании она клялась и божилась в своем исключительном честолюбии и великой неприязни к материальным благам, без которых многие пары чувствуют себя куда счастливее.

Но Андрей не отчаивался. Когда-нибудь же должна была найтись та, которой его деньги были бы совершенно безразличны.

Он ругал себя за невозможность казаться бедным студентом, что могло бы в корне изменить всю сложившуюся ситуацию; оправдывал себя в том, что обман не сулит ничего хорошего, рисуя в своем воображении неожиданно узнавшую о его материальных благах девушку, которая возьмёт и не захочет его разуть.

Возможно, он сам был виноват в том, что открывался перед женщинами в первый же вечер, рассказывая о том, как сделал свой первый миллион, и при этом показывал свои идеальные мужские руки – с аккуратно постриженными ногтями и намазанные кремом от сухости. Но он был твёрдо убежден в том, что быть кем-то другим – это всё равно, что синему киту казаться касаткой. Врать нельзя.

Что плохого в том, чтобы показать свои лучшие качества сразу?

Конечно, он часто сожалел о том, что слишком себя идеализировал, потому что жертв его внимания и ласки хватило бы на центральный московский стадион, – столько же было и жертв непредсказуемого и стохастического прощания с ним.

Вот и сейчас он ждал своего нового первого свидания, надеясь в глубине души на чистосердечное создание, что останется с ним на более длительный срок. Может, даже навсегда.

Анюта Черчина сама приклеилась, как банный лист.

Поймала Андрея в коридоре и использовала свой обезоруживающий голос, наполненный долей иронии и даже вины.

– Андрей Михайлович, есть ли в вашем офисе немного горячей воды? Весь третий этаж обошла – здесь, видимо, только едят и ничем не запивают, – прочирикала она со смехотой.

Андрей посмотрел на её выразительные груди, лишь наполовину прикрытые обтягивающей блузой, скользнул взглядом к сужающейся юбке до колен и остановил взгляд на узких остроносых туфлях, каблочки которых прямо-таки впились в единственный на третьем этаже кусок линолеума. Если бы остальной пол в свое время не заложили плиткой, во всём коридоре не осталось бы и места, не пронзённого острыми, как шило, шпильками.

Он знал её, как и многие другие, только в одном амплуа – она была секретаршей Шемякина. Привлекательная, сексуальная и, в общем-то, неглупая на первый взгляд. Ещё её звали просто Анной, так как отчества её никто, кроме отдела кадров и бухгалтерии, не знал, а те находились в другом корпусе и редко появлялись в проектном отделе.

Найти себе постоянную девушку и, возможно, будущую жену мешало Андрею и то, что он ценил в женщинах отсутствие робости. Прошли, по его мнению, те времена, когда девушка, увидев симпатичного парня, улыбалась и пряталась

за портьеры родительского дома; сидела в компании нянечек, шептавших ей о первом поцелуе и угрожавших последствиями потерять голову после этого; ибо же, если девушка-крестьянка ткала для единственного своего Ивана рубаху, благоговей перед ним.

Безусловно, романтизм иногда влетал в голову Андрея Лукенко, забивал его перегруженные, унылые от работы мысли, сподвигавшие на беспричинные нежности и пробуждал в его сердце химические реакции. В такие моменты он мог даже отложить проект и поехать к желанной женщине в другой конец города, чтобы поужинать вместе с ней. Но чем чаще, Андрей бросал свои дела ради возлюбленной, тем реже она старалась для него самого чем-то пожертвовать. Впоследствии вообще теряла к нему интерес, изрекая философскую лирику: «Ничто не может длиться вечно». Или же: «Из того, что вечно, – самый краткий срок у любви».

Аня появилась неожиданно, но всё же позже назначенного времени на двадцать минут.

Ровно столько, по правилам этикета, мужчина должен ждать женщину, не требуя от нее объяснений и причины задержки. Ждать большее количество минут и даже часов считается безосновательным правом мужчины. Ожидание мужчиной женщиной правила этикета не предусматривают – это просто считается неприличным.

Андрей читал эти правила в те времена, когда считалось модным юношам четырнадцати лет поступать после восьмо-

го класса в кадетские училища. А правила этикета, так же как и умение танцевать вальс, считались необходимыми в образовании будущих офицеров, одним из которых он хотел когда-то стать.

– Я немного опоздала, – проговорила Анна, пытаясь отдышаться и показывая тем самым, что все-таки спешила на свидание, проявляя уважение к Андрею.

Последний суховато улыбнулся, и Анна немного опешила, пытаясь разгадать его реакцию.

То ли он всегда так сухо растягивал губные мышцы, то ли разочаровался в первом свидании и признал её опоздание неприличным. Хотя Анна опоздала совершенно ненамеренно, и предшествующие этому моменту двадцать минут она с чрезвычайно не свойственной ей скоростью изучала кафельные стены туалета местной клиники.

Аня там разыгрывала чокнутую любительницу кошек и разводила в неположенные стороны свои голубые зеркала души, намереваясь казаться неадекватной.

– Жалобы есть? – произнес врач сухо и тихо, оторвавшись от мнимого косоглазия юной пациентки в длинном до пола сером платье, подъеденном молью.

– Руки болят, – прошепелявила девушка.

Ногти она неаккуратно подстригла и для пущего эффекта покусала кутикулу, так как при онихофагии так сбрасывают напряжение. На свидание с таким юродивым нюансом она появиться не могла, поэтому позже надела ажурные перчат-

ки, под стать модному блейзеру с тонкими лацканами.

– Так не грызите их, дорогая, – всё с тем же спокойствием произнес врач. В вашем возрасте суставы у вас болеть не должны, да и работайте больше руками.

Займитесь рукоделием, постругайте капусту...

От последнего совета Анна съежилась, представив себя в переднике и набросив портретно несколько жировых складок для придания образа домохозяйки.

«Жировые складки» и сейчас были на ней. Она приобрела их в магазинчике с незамысловатым названием «Fancy shop» близ МКАДа. Неудивительно, что доктор советовал ей такие занятия, потому что, судя по её внешнему виду, ей больше ничего не полагалось, кроме как строгания капусты. А как ещё она должна была выглядеть, чтобы придать своей роли задрипанности и не веселости?

Притвориться психически неадекватной было просто необходимо для выписки психотропного препарата.

Знакомый профессор вряд ли доверился бы ей и в этот раз. Повторное обращение за октаболлином может вызвать подозрения, которые ей были ни к чему. Конечно, врач мог бы прописать и что-нибудь другое, но по всей теории вероятности это было бы аналогичного спектра лекарство.

Подсыпать его, предварительно раздавив обычной столовой ложкой, Анна намеревалась вначале дома у Лукенко. Вероятность того, что он пригласит её к себе домой, была невелика, но Аня постаралась на славу, потратив ещё десять ми-

нут на преобразование в больничном туалете. Парик с проседью и отвратным прямым пробором она выбросила, вспомнив, правда, о нём уже на пороге кафе. Благо, в засоренной мусорке ещё было достаточно места.

– Я дико извиняюсь, – прощebetала она, ещё не до конца отдышавшись – но такси задержалось из-за пробок.

Анну охватил тот самый сладковато-свежий букет мастера-химика, сочинившего столь возбуждающий оттеночный аромат знакомого, но неизведанного ею мужчины. К набежавшему от быстрой ходьбы жару прибавился другой – щемящий и приятный, сравнимый лишь только с желанием прикоснуться к красивому телу. Именно об этом Анна сейчас подумала, вообразив себе Андрея без рубашки. Она даже готова была подсыпать ему галлюциноген только после того, как посмотрит на него... Конечно, он мог бы и не пригласить к себе на огонёк, но если он взбрыкнёт, на этот случай Анна включит свое фирменное обаяние и даст почувствовать афродизиак в области шеи, приблизившись поближе. И тогда он не сможет отказаться.

«Пригласил же он её в это кафе! С явным намеком с её стороны, конечно, но пригласил же! А раз так, то дело остается за малым.

Презентация начнется завтра в десять. Это случится через 17 часов.

Неприлично много времени, чтобы поиграть...»

Кто заражён страхом болезни, тот уже заражён болезнью страха.

Мишель Монтень

Катя Шемякина вышла во двор и уныло огляделась по сторонам. Машины заполнили все тротуары и парковочные места, давя на российские узкие дворники, близлежащие школы и детские сады. Она прошлась от одной линейки автомобилей к другой, щурясь от утреннего солнца нового дня.

Она искала глазами черный «Pejout» соседа, замеченный ею накануне похода в клинику. Мест для стоянки в конце рабочего дня не наблюдалось, и, видимо, поэтому он поставил своего «французского пони», как называла его Катя, на небольшой кусок газона со стремящейся за весной и солнцем зелёной травой. Но обойдя на всякий случай сначала законные парковочные разметки и вернувшись к тому самому кусочку жизни, она заметила лишь примятый прямоугольник жухлой растительности с пробивающимся к солнцу клевером. Видимо, Георгий (так звали соседа) уехал на работу раньше, чем обычно и поэтому ей придётся ехать на автобусе в такую аномальную для мая жару.

Георгий никогда не отказывал Катерине подвезти её по дороге до метро.

Да и муж не ревновал, предполагая отсутствие основания

для этого.

А именно – Жорин возраст, который, как ему казалось, никогда бы не привлёк его жену. Георгию было 55. Пять лет – и заслуженная пенсия лежала бы в его кармане.

Да и нарушать непоправное правило верного мужа Георгию не хотелось, так как он сам был женат. Просто он всегда отвозил Катю до метро. Так сложилось. А она, в свою очередь, никогда не опаздывала к отправлению «французского пони».

Но сегодня она пойдёт пешком...

Вдоль длинного больничного коридора тянулись пупырчатые от шпатлевки стены бледно-розового цвета, который, на самом деле, при первичной покраске оказался сиреневым и ввиду неприятного вкуса районной управы был «очищен» колорантом.

Вдоль стен крепились сваренные друг с другом черные стулья – по шесть с каждого ряда со стоящими возле каждого шестого маленьким стеклянным журнальным столиком, на котором валялась разного вида реклама, в основном связанная с гинекологией и перемешивающаяся с лифлетами, кричащими названием «Ваша печень в наших руках», несмотря на то что отделение было пульмонологическое, а не терапевтическое.

Да и запах стоял традиционный для стоматологии и хи-

ругрии – карболка, хлорка и что-то ещё. Это «что-то ещё» не нравилось Кате больше всего. Было в этом запахе что-то отталкивающее, наводящее на ощущение брезгливости при посещении больниц. Так пахло и в зубном кабинете её детских воспоминаний, и в оздоровительном лагере в момент подгорания картофеля в столовой.

Странно, что она припомнила сейчас именно тот запах. Станным было и то, что здесь вообще чем-то пахло. Операционные находились не здесь, да и столовой здесь не должно было быть. Она находилась в стационаре, в другом корпусе.

Катя уныло листала «Робинзона Крузо», которого она взяла с собой, дабы убить время в больничном коридоре. Она обещала дочитать его в отпуске.

Специально купила Д. Дефо как автора классического представления необитаемого острова, с которым она сравнивала набитый бухточками греческий Крит. Она не дочитала сто страниц. Именно столько ей не хватило для того, чтобы выяснить, что станет с Пятницей и вернётся ли Робинзон в далёкий Йорк.

Но сейчас читать оказалось сложным. Так как сосредоточенность мыслей была довольно-таки рассеянной. Когда у тебя приём зубного врача, ты боишься боли, но знаешь, что чёртов зуб залечат или вырвут, и боль пройдет. Такая же ситуация со сломанной конечностью. Болит, зараза, но пройдёт время, и косточки соединятся друг с другом. Иная ситуация, когда у тебя сводит дыхание в общественном транспорте, и

ухватиться даже не за кого. Стесняешься этого и маниакально проглатываешь воздух, надеясь, что вот-вот станет легче дышать. Спасает сальбутамол, но действие его заканчивается, и ты снова активно рыщешь в своей сумочке, пугая расширенными глазами и хриплым дыханием окружающих.

Катя не рассказывала о приступах Виктору. Не хотела его пугать прежде, чем поставят диагноз. Начиталась в интернете, что прерывистое дыхание может быть связано с нервным возбуждением и скоро само собой восстановится.

Но не восстановилось.

И пришлось обратиться к пульмонологу, о существовании которого Катя и не догадывалась, как не догадывалась и о том, что бывают специалисты, занимающиеся дыханием.

– Екатерина Викторовна, заходите, – слышался голос женщины, доносившийся из щёлочки напротив. Посреди двери висела гордая табличка с фамилией Лебедевская Елена Анатольевна и ниже – пульмонолог.

– Я посмотрела ваши результаты, и вот некоторые детали. Прерывистое дыхание и чувство удушения у вас не на нервной почве.

Она взяла чёрные рентгеновские снимки.

– Когда вы последний раз делали УЗИ желудочного тракта, снимки поджелудочной железы? Мучают ли вас боли в желудке, в той области? Я спрашиваю это потому, что процессы в организме часто оказываются взаимосвязанными; одна боль перетекает в другую, третья может вернуться к ис-

ходной. И нарушения, вызванные...

– Простите, вы хотите сказать, что приступы удушья могут стать следствием болезни желудка? – отметила девушка, напрягшись немного от услышанного.

Она, безусловно, понимала врачебную тактичность и даже благодарила врачей за эту холодную устойчивость при постановке диагноза. Стальной, несмотря на женственность, голос пульмонолога дарил Кате основание полагать, что столь чёткая осведомленность врача в вопросе своей работы поможет ей так же чётко понять проблему болезни и, следовательно, прийти к уверенной победе над ней.

– Я хочу сказать, что разные нарушения могут привести к отёку воздухоносных путей лёгких, при этом всё это может стать причиной вашей проблемы и при сердечно-сосудистой недостаточности. Но так как последняя даёт о себе реже знать, я хочу знать, болит ли у вас желудок, бока?

– Я...я, – растерялась Катя, – даже не знаю. Наверно, как у всех. Когда переем или съем несовместимые друг с другом продукты. Хотя я в этом, честно говоря, ничего не понимаю.

– Вы не волнуйтесь, Екатерина Викторовна, – улыбнулась врач. – Я, наверно, испугала вас медицинскими терминами. Хотя поверьте, в нашей практике мы исключаем при разговоре с пациентом все «матные», как подростки выражаются, слова. Смотрите, – указала она на рентген, – на снимках видны сливающиеся друг с другом и образующие неправильные формы тени, которые и являются причиной вашего ощущение

ния удушья. Это отёки воздухоносных путей. Для них характерны отделение большого количества пенистой мокроты и появление влажных звонких хрипов в лёгких. Что мы с вами и определили, послушав, как вы дышите.

– Что же нам делать? – испуганно спросила Катя.

– Прежде всего, не накручивать себе недоказанных результатов и не рыться в поисках информации в интернете.

Сейчас Лебедянская Елена Анатольевна прочитала её мысли. Почувствовав первое недомогание, Ката сразу полезла в интернет, дабы найти ему объяснение. Так поступают миллионы людей на всей планете Земля и потом накручивают себе несуществующие диагнозы. И те же миллионы себя успокаивают, объясняя описанное, как что-то некорректное и явно к ним не относящееся. В частности, бывает и так. Но Ката дошла до врача. Потому что испугалась и сейчас сожалела лишь об одном – почему не сделала этого раньше.

– Я вам настоятельно рекомендую проверить кишечник и желудок. На регистрационной стойке спросите об УЗИ и запишитесь на ближайшее время.

В этот вечер Ката впервые помолилась. Она встала на колени и глазами попыталась найти хотя бы одну иконку в их общей с Виктором спальне. Были какие-то, присланные архимандритом из Ростова Великого.

Одни лежали на подоконнике, другие облокотились о сте-

ну возле телевизора.

Она подумала помолиться им, но тут же поймала себя на мысли, что даже не знает ликов святых. Она знала Матронушку, Сергия Радонежского... но эти вовсе на них не похожи. Их прислали по почте, самой обыкновенной почте, с марками и в заклеенных конвертах. Случись то по мейлу, Катя бы сочла их спамом, но на эти письма и даже с иконами, пускай и бумажными, тратилась бумага, марки, почтовый сбор. Поэтому она просто их оставляла. Иногда целый месяц не открывала конверт, а был случай – конверт не влез в почтовый ящик, и она не поленилась, сходила в отдел доставки и получила там целый церковный календарь. Он и сейчас лежал у нее справа от письменного стола, заброшенного сейчас пакетиками от чипсов, оберткой из-под мороженого и даже семечками.

Комната из-за беспорядка выглядела сейчас как подростковая, а не как спальня двух приличных взрослых.

Не остановив взгляд ни на одной бумажной иконке, она просто помолилась собственному висевшему на шее кресту. Потом также на коленях подползла к зеркалу и ещё долгое время всматривалась в собственное отражение, будто пыталась понять и выявить нечто новое, упущенное от самой себя. Там она видела спину Виктора, который то сидел, то вскакивал эмоционально от забитого на экране гола. Велась последняя борьба между Барселоной и Германией, и важность этого события можно было отследить по выкрикивающим с

трибун звериным, пронзительным голосам. Они крикнули: «Гол», и Виктор заплясал татарскую «гармошку», приподнимая пятку правой ноги и носок левой, отводя их в правую сторону, потом соединив носки, развёл пятки. Потом движения носков и пяток сменилось на противоположное положение.

Виктор был атеистом. Практичность и обоснованность существующего мира с точки зрения физики давали ему банальную точку зрения – всё подвластно научным законам, а то, что неподвластно – то недоказуемо, а раз недоказуемо, значит, не существует. Но с женой он не витийствовал на эти темы. Он знал, что Катя – человек верующий в той самой мере, которая не отвлекает его от бытового уровня, то есть не раздражает в их семейной с ним жизни. Он спокойно воспринимал, что она иногда говорит о Боге, но никогда не видел её молящейся. Не то чтобы его это разозлило бы. Скорее удивило бы, но не навело бы на отрицательные мысли.

Ему было всё равно.

Каждый человек во что-то должен верить. Он верил в материальность вещей и человеческую силу, трудолюбие и перфекционизм.

Может, зная его безразличие к Высшему, Катя и посматривала сейчас в то самое отражение, держась за крестик и немного этого стесняясь.

*Поистине, всегда там, где недостаёт разумных доводов,
их заменяет крик.*

Леонардо да Винчи

Источник запаха в квартире Алексея искали три дня. Им оказалась протекающая по причине изношенности морозильная камера. При этом наледь внутри была существенной, а вода в формах для льда не застывала, как и не застывали от холода куски охлаждённого некогда мяса. Они-то и протухли, одарив комнаты «телесным» ароматом. Оставленный накануне Лениного отъезда килограммовый ломоть телятины теснился, оказывается, с остальными соседями по составу и форме. Алексей удосужился убрать его в морозилку, но тем самым лишь усугубил качество продукта.

На дворе стоял май. Мухи, окрепшие и надоедливые, не стесняясь нежелания с ними встречаться, летали и жужжали сейчас в красной, зелёной и жёлтой комнатах. Алексей, наконец, протрезвел и вёл себя как ни в чем не бывало, осыпая Лену комплиментами, объятиями и улыбками.

– Пойдём сегодня в кино, – лепетал он, – заказов не будет до понедельника. Хорин сказал, что мы выжали максимальное из того, что могли выжать из процесса Синельникова. Несмотря на провал, обещанные десять процентов – всё же не малая сумма. Мы насчитали восемь тысяч лямов.

– Откуда ты понабрался этих словечек, – фыркнула Лена,

отбиваясь от засаленных от жары рук Алексея. – Ты очень изменился, – уклончиво сказала она.

– Из наставника и приличного человека ты превратился в усреднённого юриста, готового на всё ради прибыли. Неужели тебя не волнует то, что этот самый Синельников – мошенник! – выпалила она.

– Как можно так мелко к этому относиться? – Она повернулась к нему, и на глазах у нее выступили слезы.

– Лёшенька, давай ты вернёшься к тренингам... – прогундосила Лена.

– Ты так изменился, стал непохожим на себя. И вообще, вся эта грязь тебе не к лицу. Ты не для этого создан.

– А для чего я создан? – скрипнул голосом Алексей, будто тот сорвался от волнения. – Сопли ваши подтирать? Душевности раздавать? Да, пойми ты, мне надоело чувствовать себя центральным голкипером среди баб. Мне это с-к-у-ч-н-о, – протянул он на одном дыхании. Мне было это интересным, когда я только устраивался. Сейчас это пустая трата времени, мне ничего она не даёт. Другое дело – юриспруденция, в ней я нашел себя. Расцвел, осмелел, столько всего узнал, – заулыбался он. – Заинька, может, и тебе пойти на курсы? – спросил он так мягко, что Лену даже затошнило.

Этот Хорин уже ассоциировался у нее с адвокатом дьявола, а защита Синельникова, о котором гудел Басманный суд, – неприличной и даже унижительной. С каких пор её муж превратился в защитника «коррупционеров»? Она не таким

его знала, не таким его полюбила, не таким представляла.

Руководителя известной многим адвокатской коллегии Хорина очевидцы вообще называли «учителем», вкладывая в это понятие нечто сектантское и зловещее. Ведь он как будто специально выбирал только сложные дела, с наименьшим процентом выигрыша дела и с небольшой гарантией победы. Обычно такие дела принадлежали преступникам, чья вина казалась на первый взгляд неоспоримой.

Пока в них не вмешивался Сергей Хорин.

При этом у него всегда было много помощников из не самых престижных юридических заведений. Те с радостью соглашались работать чуть ли не бесплатно на своего «учителя», который с радостью предоставлял все возможности стажировки, но при этом ничтожный процент от сделок.

– Хорин берется за то, что не под силу остальным. Тем более, компенсация-то все равно существенная.

– Да?! Почему же ты тогда напился так? Не с горя ли?

Алексей причмокнул и отвернулся. Обсуждать дела с кем-то юридически неграмотным он не хотел, будь то даже его жена.

11.

*Коварный человек подобен обнажённому мечу:
внешний вид его привлекателен,
но малейшая неосторожность в обращении с ним грозит*

увечьем.

Вост.

На проспекте Вернадского остановилось жёлтое такси. Анна вышла на свежий воздух. Окинув ловким, незаметным взглядом Лукенко, который расплачивался с таксистом, сидя на переднем сидении, она поднялась по ступенькам подъезда отличающегося от других «кукушников» дома.

Она светилась и радовалась от осознания того, что наживка села на крючок.

В общем-то ей и не пришлось церемониться.

Андрей сам предложил после ужина поехать к нему.

Вокруг было все зелено.

Газоны привезли готовыми канадскими салатowymi порциями и расстелили на территории.

Перед ней прошла стая дворовых собак, запряженных в невидимую упряжку метисов, проследовавших в кильватере за чахлой старушкой лет семидесяти. Всего Анна насчитала шестерых – достаточное количество питомцев, чтобы превратить квартиру в домашний зверинец с соответствующим запашком. Правда, удивляться было нечему, так как подобная практика случается во многих уголках нашей родины, как некое представление о гуманности, хотя и имеющее с этим понятием противоположные результаты. Зачастую такие старушки в желании помочь хвостатым хлебом, водой и крышей, сами того не ведая, их уничтожают; бывает, не хва-

тает средств на пропитание (а во двор отпустить боязно – вдруг убегут), а бывает, умирают добрые старушки, а квартиру с четвероногими опечатавают до тех пор, пока не решится вопрос наследования, если у бабушки оказались незаботливые родственники, а то и полное их отсутствие.

«Даже интересно, почему дедушки не заводят себе стаи собак и кошек», – подумала Анна.

В хвостатых и четырёхлапых она и сама видела умиление и беззащитность, что отнюдь не проявлялось в Андрее Лукенко. Напротив, она как раз настроилась во что бы то ни стало лишить его чувств, дабы препятствовать отличному исходу презентации.

Её недавняя влюбленность как будто улетучилась так же быстро, как и пришла.

Такси мигнуло правым поворотником и скрылось с глаз на дороге, примыкающей к другим дворам. Ущипнув Анюту за ягодицу, мужчина «рыкнул» актёрской манерой из назойливой рекламы сексуального мужского дезодоранта и нажал ключом на сенсорный экран домофона. Знакомое «пи» проводило пару к лифту, в котором они соблюли положенную перед входом в квартиру прелюдию, и лишь не работающий на площадке свет препятствовал им дойти до нужной двери. Что явилось странным обстоятельством, так как частный дом, в котором жил Андрей Лукенко, производил впечатление достаточно ухоженного и образцового. А тут такая бытовая проблема!

В полураздетом виде заместитель генерального директора компании «ЯхтСтройТехнолоджис» оказался голенастым и не широкоплечим, каким казался в костюме.

Но в торсе Аня не ошиблась. Накачанный и поистине мужской, разделенный на несколько кубиков правильной формы, он, как кирпичная кладка, казался ровным и симметричным. Слегка выющиеся и растущие к шее волосы, которые она заметила ещё в офисном лифте за застегнутой чинно рубашкой, были по всей груди и спускались к животу, образуя ровную линию. Спина была гладкая и манящая, как после обработки её массажным маслом, шея худая и совершенно не примечательная без всего того, с чем она составляла единый силуэт.

Анна засмотрелась на кадык, острый и выпуклый, спустилась взглядом до белого махрового полотенца, прикрывающего гениталии, и вздохнула машинально, позволив себе хоть немного отвлечься от готовящейся трапезы для Лукенко.

– Тебе чего? Шампанского или виски?

Голос Андрея сейчас походил на бархатный баритон кота, готового сию минуту накинуться на лежащую перед ним самку.

– Я бы не отказалась от шипучего.

Анна, в отличие от ухажёра, была одета и немного смущена напористостью партнёра, но всё ж довольствовалась тем, что уже сидела у него в квартире.

Пока он ходил в поисках бокала и отламывал куски льда, она решила осмотреть интерьер квартиры, в которой присутствовала в первый и последний раз в своей жизни.

В глаза бросались занавешенные блестящие синие портьеры с квадратными узорами посередине. Приди она сюда днём, она бы их точно не заметила. Возле них, выпирающий слева, стоял дубовый стол, на поверхности которого лежало стекло. Под стеклом лежали фотографии – на них Андрей был одет в камуфляж цвета хаки и держал обеими руками чёрного усатого сома, который был настолько велик, что вмещался и в руки товарища по ловле, который стоял справа от Андрея; на другой фотографии мужчина в натянутом до шеи красном шлеме сидел в машине для картинга. Угадать, что это был Андрей, было практически невозможно, если не знать, как выглядят его руки, когда рукава предельно засучены.

Здесь была фотография с ребёнком, светловолосым мальчиком четырёх-пяти лет. Анна подумала, что он может оказаться племянником, так как точно знала, что собственных детей Лукенко не имел. Хотя завидев хорошенького мальчугана, начала всё-таки сравнивать черты его лица с чертами Андрея. Что-то похожее было.

Больше фотографий не было.

Можно было лишь догадываться, почему владелец квартиры выложил именно эти три карточки. Анна решила для себя, что та, которая с рыбой, символизирует силу, с ма-

шинкой – ловкость, а с ребёнком – заботу. Наверно, она была не единственной девушкой, заходящей сюда на огонёк, и Андрей знал, на какие рычаги надо давить, чтобы привлечь женское внимание.

Левее северной стены стоял, то есть висел ЖК-телевизор. Стоило Анне на него взглянуть, как из кухни раздался голос:

– Включи MTV, малышка. Или что-нибудь в этом роде.

И вот хозяин голоса уже стоял с бокалом в руке и каким-то предметом наперевес.

– Я думала, такие, как ты, смотрят только РБК.

– И дома ходят в костюмах с калькулятором под мышкой, – улыбнулся он.

– И уж тем более, – сказала она томным голосом, – не задумываются о свиданиях, когда на носу большие сделки.

– Это ты о ЯТУ-345? Так там уже всё на мази. Отрепетировано, как на театральных подмостках. Комар носа не подточит. Уплывет на Филиппины завтра же.

– Ну...это ты, конечно, преувеличиваешь. Оформление неделю точно займёт. Такая-то крупная рыба...

– Касьяс? Брось, он нам по плечу. Тем более что переговоры уже были и, насколько я знаю, прошли вполне успешно. Он купит её.

Глоток шампанского попал в дыхательное горло, и Анна закашляла. Она почувствовала себя неловко. Такая реакция – и на свидании. Краснея и сдерживая настойчивый кашель, она извинилась кивком и выбежала в ванну. Подсветка вдоль

зеркала выдала все недостатки, отпечатавшиеся на лице Анны, как на расплавленном сургуче. Глаза залились кровью, и нос начал шмыгать.

– Эй, Аннушка, что там у тебя? Не в то горло попало? – раздался голос из гостиной, и нотка обеспокоенности порадовала девушку.

Умывшись и взбодрившись, Черчина достала из сумочки, лежавшей в коридоре у санузла, косметичку и начала быстро орудовать ватными палочками, стирая растёкшуюся подводку и тушь. Потом достала пудреницу и нанесла на широкую кисточку разноцветную пудру, сочетание цветов которой оставляло на щеках эффект загара. Накрасив губы пурпурным блеском, разжимая и сжимая их, она собралась и в доказательство этому улыбнулась собственному отражению.

– Игривые вина иногда посильнее оборотов прибавляют, – вернулся к ней кокетливый голос, – давай я тоже за тобой поухаживаю. Что ты будешь: этот опасный напиток или в твоём баре есть что погорячее?

– Я разделю с тобой опасный напиток.

– Слушай, так значит «ЯТУ-345» уже продана? А как же презентация?

– Презентация завтра. Её никто не отменял. Но такие крупные сделки обсуждаются заранее, прежде чем выставить напоказ фотографии и чертежи. Сколько же ты у нас работаешь, малышка?

– Интересно, как же заказчик заранее на всё соглашается,

не увидев товара? – Анна проигнорировала вопрос Лукенко.

– Брось, Шемякин – настоящая бомба в этом деле. Созво-
нились, встретились, сходили в ресторан...

– Значит, презентация пройдёт для формальности?

– Отнюдь нет. Для полного согласия Касьяса взять товар
нужна его подпись. А как же он её поставит, пока не удо-
стоверится лично, что в каютах предусмотрены французские
кровати с коваными изголовьями, – хихикнул Андрей.

«Да, ну тебя... Опять туда же», – разозлилась Анна.

Её заглушила мысль о том, что презентация может ниче-
го не решить. Даже если она сорвется, Роберто Касьяс мо-
жет сделать принципиальный ход и подождать, пока члены
команды «ЯхтСтрой Технолоджис» не будут готовы к прове-
дению следующей. Тем более с уже оговоренными формаль-
ностями покупки яхты.

Она вспомнила разговор с Кириллом, все тонкости, ка-
кие он хотел пустить в ход, сорвись эта сделка; его собствен-
ный план – проект совершенно иной, но не менее достойной
покорительницы волн; передача этого проекта лично в руки
Серафина Родина и ущемление при этом прав Шемякина,
как недостойного называться руководителем столь серьёзно-
го предприятия и предпочитавшего сомнительные увесели-
тельные программы перед серьёзной сделкой, нежели подго-
товку к ней.

Анна вспомнила лицо Левина, довольного компроматом
на весёлого семьянина, закручивающего столондолларовые ку-

пюры в полоски для трусов в стриптиз-баре, и дату, отображённую на фото внизу, которую зарегистрировала стандартная мыльница: 27.05.2016 2:50 ночи.

В день – то презентации...

Серафин жутко этого не любил!

«Конечно же, это монтаж...»

День презентации. День, накануне которого можно лишь сидеть перед лэптопом и удалять неважные, несущественные мелочи проекта года. Когда Левин показал ей билеты в Барселону к Родину, с датой вылета на следующий день после представления Касьясу яхты, Анна удивилась, насколько тщательно Левин подготовился к отстранению соперника. Он даже рассказал, как долго искал источник информации, где именно владелец «ЯхтСтройТехнолоджис» любит обедать в испанском городке.

Она представила свой будущий «Mini Cooper»...

12.

Лена была в ярости. Она ходила по квартире и грызла кутикулу. Поведение Алексея не укладывалось у неё в голове. Сначала его мама неожиданно улетает в Израиль, побывав лишь однажды, в молодости, на Чёрном море; потом эти пьянки, как чёрные тучи среди ясного неба; и вот теперь эти криминальные дела.

С каких пор Лёша улыбается от радости получения «гряз-

ных денег»? Ему, что, там мозги промыли холодной водой, как лапшу после варки? Эти его ухмылочки легкомысленные...

Лена кипятилась и набирала номер Каты. Ей не терпелось поведать подруге о своих переживаниях. Как снежный ком, сошедший с лавиной, её мысли крутились из стороны в сторону и образовывали дурацкие, как ей казалось, фантазии.

Катя Шемякина вытирала волосы махровым полотенцем и постукивала ступнями о коврик в ванной, когда включился автоответчик в гостиной.

– Кать, ты там? Возьми трубку.

Молчание.

– Это Лена. Слушай, надо поговорить

Молчание.

– Я одна дома и не работаю сегодня, выходной взяла. Не выспалась и приболела.

Вздых.

– Я хотела поболтать. Тебя, наверно, нет дома.

Всхлипывание.

– Позвони на сотовый, короче, как время выкроишь.

Катя взяла трубку и услышала короткие гудки. Тут же набрала номер подруги.

Занято.

Она заметила, что Лена в последнее время была сама не своя. Раньше приходила улыбчивая, бодренькая, готовая тут же подбежать к Никитке и покружить его в воздухе, подбра-

сывая легонько вверх. А тут пришла и молчит. Кате даже стало неудобно – она пригласила её недавно в кафе и так долго уговаривала, таща буквально Лену за подол платья в увеселительное заведение. Она вспомнила, как говорила:

– Пойдём покушаем суши, выпьем шампанского, при заказе вот этого сета два бокала бесплатно, – указала она на рекламный буклет, – а с купоном ещё и пятьдесят процентов скидка. Пойдём.

Непривычно печальная Лена брыкалась до последнего, ссылаясь на плохое самочувствие. Но Катя её все-таки уговорила.

Сейчас она задумалась, не заболела ли та чем-нибудь серьёзным.

Как она сама.

И как только ей удавалось скрывать свою болезнь от всех окружающих? Она вдруг ощутила, что ей надо обязательно поделиться с Леной. Наверняка, у той тоже что-нибудь случилось. Катя решила мысленно поднять себе настроение, вспомнив про визит к врачу. Она представила, что Лена больна чем-нибудь похожим или того хлеще... и вообразила их сидящими на крыше Питера за столиком, притащенным из «Декатлона», и распивающими красное вино.

«А у тебя СПИД, пам-пам, а значит, мы умрём, – пропела она знаменитую строчку из песни. А они уже изрядно выпили и вдруг засмеялись над тем, что совсем и не смешно.»

Катя потрясла головой, избавляясь от произвольного

образа, и набрала подруге ещё раз. На этот раз она услышала: «Абонент временно недоступен».

13.

Самая лучшая юридическая уловка, как избежать наказания

– это не нарушать закон.

Тремя днями ранее...

Руководитель адвокатской коллегии «Юнона» Сергей Хорин разбирал почту. На конвертах пестрели марки со всех уголков России. Несмотря на эпоху компьютеризации и сетевого всеобщего хаоса, бумажная почта всё равно приходила, быть может, лишь в меньшем объеме. Хорин переключал конверты, сосредоточившись на адресатах. В сторону стола полетели письма Газпремиума, НТКИ (Нефте-топливная компания Интернешнл), РСИ (Российская система информатизации) – компании прислали отчёты по текущему состоянию акций. Сергей владел небольшой долей акций организаций-лидеров.

Потом были конверт из Гринворлда с благодарственным письмом за пожертвования и рекламные спамы в виде листовок.

Обычно почту разбирала секретарь, она же по совместительству юрисконсульт. Но сегодня она позвонила и преду-

предила о невыходе на работу в связи с болезнью ребёнка.

Хорин был предельно от этого зол, но будучи работником законодательной власти, не мог нарушить закон, обвиняя сотрудников в невыполнении ими должностных обязанностей из-за болезни родственников. Хотя уже неоднократно задумывался о неофициальном приёме на работу женщин далеко за сорок, чтобы иметь над ними более понятную ему власть. Ему не по душе были домашние сюсюканья, когда на кону стояли выигрышные или просто высокооплачиваемые дела.

Последним оказался конверт без обратного адреса и даже без марки, довольно плотный по содержанию. В верхнем левом углу было написано «Отдать лично в руки».

Достав из конверта сложенный вдвое лист А4, он с привычной ему жадностью начал изучать напечатанный текст.

Уважаемый Сергей Геннадьевич,

Обращаюсь к Вам как руководителю одной из лучших юридических организаций в Москве. Мне нужно встретиться с Вами для решения юридических формальностей своего бизнеса. Цена вопроса 20 тысяч долларов. Для моей уверенности в том, что я имею дело с профессионалом, просьба приехать самому. Вы найдёте меня в ресторане «Хемингуэй» на Крестовом проезде послезавтра в 14:00.

К.

25.05.2016

Хорина трудно было удивить. Однажды он гулял по улочкам Манчестера, когда к нему подошёл пьянчужка и замулил что-то на родном языке. Собираясь было уйти, он вдруг одёрнул Сергея и спросил по-русски, не хочет ли тот выпить со старым товарищем по Таганке.

Да, Хорин сидел.

«Но кто тогда не сидел, – размышлял он, вспоминая девяностые. –

Когда это было.

Кому какое дело до мошенничества».

А тут на тебе, друг со школы собственной персоной. Ещё и в Англии. Тогда они весело провели время, от души покуролесили.

...Бывает же такое.

Не бывает.

А с Хориным бывает.

Авантюрные приключения по его адресу, это ему интересно. Это аутентично. Поэтому приглашение он заглотил с открытым ртом, не боясь попасться на удочку. Он лишь залез в интернет и удостоверился в существовании кафе, указанного в записке. С ежедневником он не сверялся. Плевать, какие ещё встречи у него были запланированы на 27 число, если речь шла о 20 тысячах долларов! – деньги не шуточные и интересные Хорину.

Этой ночью Сергей размышлял о тюрьме, вспоминал свой

первый день в камере. Взяв в каптёрке матрац, подушку и одеяло (наволочку, простынь и пододеяльник никто ему не дал), он зашёл за решетку с номером 236. Ощущение было из неприятнейших: бритые и татуированные зеки косились, как на бутерброд с колбасой после недельного недоедания. Кто-то ковырялся в зубах зубочисткой и смотрел исподлобья; кто-то поднял и тут же опустил глаза, привыкнув, видимо, к новобранцам; кто-то загадочно улыбался, и только Богу известно, что таил на душе.

Хорин спросил, где ему можно кинуть матрац, как учили следователи, и услышал ожидаемый ответ – возле унитаза. Улыбнулся нехотя и кинул вещи в правом свободном углу у решетки. Как и уверяли в полиции, сокамерники мирно отвели от него взгляд.

Вторая проверка случилась на третий день пребывания. Сосед попросил обменяться свитерами и фруктами, ссылаясь на неприглядный вид того и другого у себя в тумбочке. Тогда Сергей тоже ослушался, извинился перед просителем и благодаря этому стал уважаемым.

Соглашение и подчинение тебе подобным сулили бы неуважение со стороны сокамерников, и следователь об этом предупредил. Хорин благодарил его за это, потому что, откажись он тогда от этих советов, стал бы рабом своего положения.

В тюрьме не любят пресмыкающихся. А таких много, и иначе быть не может, так как от одного вида этих злобных,

на первый взгляд, лиц за решёткой в человеке включается режим поклонения, лишь бы не трогали.

Но тот, кто перешагнёт через страх, окажется в выигрыше.

В тюрьме случались разборки, и у Сергея чесались руки вмешаться, как и принять участие в восстании против несправедливых беспорядков. В большинстве случаев он играл нейтрального наблюдателя, прекрасно понимая, что в таких местах ни в коем случае нельзя кого-либо защищать, дабы не нажить врагов. Но однажды он не сдержался.

Молодому новоприходцу предложили чифирь. Тот любезно отказался, мотивировав тем, что не пьёт ничего подобного, так как есть проблемы с желудком. После минутных пререканий с лидером «хаты» завязалась словесная перепалка, потом она перешла в рукоприкладческую. Хорин помог молодому парню на правах бывалого зэка, попросил не трогать его из-за неприязни к продукту. Так он подружился с товарищем по имени Николай.

После тюрьмы Сергей Хорин работал мелким бизнесменом – продавал металлолом, собранный с товарищами на свалке, и продавал за копейки, коих хватило на учебу в институте. Пять дней в неделю собирал, в субботу учился на заочном отделении, в воскресенье гулял. Было сложно, но он справился. Практику решил проходить со строгим намерением поменять жизнь к лучшему, остаться работать в юридической фирме и продолжать карьерный бой. Тяги к мошенничеству больше не было.

Прошёл соблазн девяностых обманывать на всём, что приходило в голову. Даже печатать на первых лазерных принтерах фальшивые чеки для бухгалтерий предприятий стало невыгодно с появлением устройств, распознающих обман. Да и выгоднее стало защищать интересы людей, а не обманывать их.

Хорин видел в этом уже своё призвание, ощущал высокое положение, когда к нему обращались заплаканные граждане с рассказами о бесчестных вмешательствах.

Он рос медленно, но верно.

Всё зависело от законодательных поворотов со стороны власти. Но до сих пор его всё устраивало. Не каждому преступнику удавалось подняться так, как поднялся Хорин. Вот и сейчас ему предлагали 20 тысяч долларов, как опытному и знающему толк в своей сфере адвокату. О другом Хорин и не помышлял.

14.

В день презентации...

Чёрный «Рейндж Ровер Эвок» мчался по МКАД. За тонированными стеклами сидел Виктор и сосредоточенно смотрел на поток машин, скользящих и перестраивающихся впереди и сзади, как гоночные машинки на трассе. В салоне приятно пахло морозной вишней и освежающими мужскими

духами, подаренными женой. Радио пропело 9 часов утра, и ведущий начал рассказывать новостные интересности:

Серебристый «Volvo» сбил насмерть сегодня утром двух пешеходов, переходящих на запрещающий сигнал светофора в районе реки Яузы в сторону Медведково. По предварительным данным, пешеходы были пьяны. Сам водитель не пострадал.

Группа «Звезда Полюнь» выиграла номинацию «Лучшая рок-группа года» на фестивале в Краснодаре.

Известный предприниматель, владелец известной во всем мире крупной строительной сети «Орион» и просто коллекционер Роберто Касьяс прилетел сегодня утром в Москву для ведения переговоров. Бизнесмен специализируется на проектах быстровозводимых зданий на основе несущих стальных каркасов и ограждающих конструкций из сэндвич-панелей. Последний клиент из Москвы построил с его помощью известный шопоголикам торговый центр «Venyd».

Виктор не успел сделать погромче, как ведущий начал зачитывать другие новости. Успешность и желание встретиться с человеком, чье имя обсуждается на волнах радио, отразились на лице Шемякина.

Он надавил на газ.

Часы показывали 9:10.

Офис виднелся за промышленными трубами, и сегодня в него должен был зайти известный предприниматель. Мало кто знал, что Касьяс заинтересован в покупке яхты, а не в

металлических листах, и от этого Виктору стало по-настоящему тепло на душе. Он представил, как пожмёт Роберто руку и пригласит в конференц-зал. Ещё 2-3 часа, и он подпишет договор о продаже одного из лучших своих творений. Гордость загасила остальные чувства, и Виктор расплылся в блаженной улыбке.

Анюта надела сегодня красный костюм. Обтягивающая до колен стрейчевая юбка сжимала её ноги. От этого при ходьбе бёдра виляли из стороны в сторону. Чёрная блузка без рукавов была заправлена в юбку, а поверх неё сел по фигуре красный пиджак. Сегодня она надела очки в чёрной оправе без диоптрий, специально для работы за компьютером. Волосы она решила распустить, накрутив их предварительно в легкие локоны.

Виктор вошел в офис и тут же распорядился разложить договора и описательные характеристики яхты. Каждому слушателю полагалась характеристика на ЯТУ-345, её фотографии, сделанные с разных сторон, но не повторяющие изображение, расчеты размеров двух палуб и кают; далее шла инструкция по эксплуатации и копии договора купли – продажи. Оригинал договора должен был находиться только у Шемякина и Касьяса.

Виктор не вёл до этого столь серьёзных презентаций, поэтому, ознакомившись предварительно с составом делега-

ции, заранее продумал, кто как сядет. Он не был уверен, придет ли Роберто один с переводчиком или со своим помощником, поэтому, на всякий случай, отвёл последнему место возле окна с левой стороны от предполагаемого места Касьяса. В компании предпринимателя должны были приехать его адвокат и сюрвейер. Последний уже проверил судно, но его присутствие было обязательным для подписания страховых бумаг и конечного определения стоимости судна и его страховой суммы. Степень мореходности Касьяса устроила заочно.

Адвоката и сюрвейера Шемякин разместил справа от начальника. Ещё оставил два места слева для Лукенко и возможного члена организации «Орион». Хотя, по правде говоря, Виктор не был уверен, что сотрудники могут относиться именно к этой компании. Касьяс – крупная рыба, а такие могут привлекать консультантов со стороны. Шемякину это было безразлично. Главным для него являлось беспроигрышное проведение презентации и её исход.

Он в последний раз посмотрел в зеркало в поисках застрявшего в зубах завтрака или мятой складки на штанах. Ничего такого не обнаружил, лишь застегнул пуговицу обтягивающего его силуэт коричневого пиджака. В голову влетела мысль о возможной замене галстука. Благо, на этот случай в ящике стола всегда лежали два дополнительных. Но отсёк эту идею, так как Аня сообщила о приезде Касьяса.

Виктор выпрямил спину, как будто в комнату должен был

войти генерал вооруженных сил. И растянул губы, обнажив ровные, сверкающие зубы.

В переговорную вошёл лысеющий мужчина в очках и Виктор догадался, что это адвокат Роберто. Адвокаты часто лысеющие и в очках. По крайней мере, он встречал именно таких. Хотя, безусловно, критиковал собственную ограниченность в данном вопросе. Адвоката звали Костес. Грек по происхождению, он вошёл, держа спину прямо, словно палка была привязана сзади. Сухо улыбнувшись, он пожал Виктору руку. Тот сразу проводил его к столу, где пестрела табличка « Lawyer Mr. Ladas». Потом вошли двое мужчин, имён которых Виктор не помнил, но вежливо переспросил. Это оказались англичане, представившиеся знакомыми компаньонами Роберто Касьяса. Смекнув, что заместителя или личного помощника предпринимателя, присутствующего на показе яхты, сегодня не будет, так как за двумя компаньонами шёл сам Касьяс, Виктор подал дружелюбный жест рукой присесть на свободные места всем вошедшим.

– Glad to meet you in our company, Mr. Kasias. How did you get here? Is everything alright? Hope you're not disappointed in the weather. Please sit opposite to me (4) – улыбнулся Виктор и направил предпринимателя к месту у окна с ожидающей его табличкой «Mr. Kasias».

– There's no bad weather, there are bad clothes. And if you have such beautiful secretaries, all the world is appeared to be warm and pleasant. (5)

Касьяс оказался оптимистичным и дружелюбным человеком. Ложбинки на лбу не скрывали его возраст от 40–45 лет, а чёрные густые брови, не тронутые сединой, этот возраст уменьшали; глаза зелёного цвета лучились молодостью и жизнерадостностью, а улыбка искрилась непревзойденным хирургическим вмешательством. Виктор задумался, не носит ли тот линзы. Испанец от рождения и международник по совместительству, он считался мужчиной без возраста – такие нравятся и молоденьким, и зрелым женщинам. Побывать в его теле хотели бы десятки, а может, и сотни бизнесменов и работяг. Этого хотел и Виктор.

Но сейчас ему вдруг захотелось лежать с любимой женой на острове, заросшим пальмами, и пить «Пину Коладу» со льдом, чокаясь за непревзойдённый план-проект, реализовавший его амбиции.

Компаньоны зашушукались, обсуждая бутылку в середине зала, внутри которой покоилось парусное судно с белоснежными парусами. На стекле чернела подпись легендарного Арфа Покола – создателя наикрасивейших панорам морской тематики. В этом произведении он изобразил русский порт в Мурманскеи спешащих на судно моряков.

– This masterpiece helps me in moving backward to my reminiscence, when I decided how usefully could be your dream to become an essential part of this world. It's in Murmansk where I encountered Arf, who gave me idea to be that man who I am.

Виктор не был хорош в английском, но подготовил несколько фраз, повторенных им накануне в преддверии презентации. Ещё ни один вошедший в его офис не остался равнодушным к выставленным на переднем плане человекам и немного грязному (что, несомненно, не вызывало сомнений в реалистичности) кораблю.

Касьяс рассказал, что видел подобное в Париже, и там бутылка охраняется государственной властью. Он также был впечатлен картинами на персиковых стенах конференц-зала, не представлявшими никакой ценности, но при этом искушающими смотреть на них и оценивать. Виктор был поражён находчивостью Роберто. Не сказать, что ему польстило его внимание, сколько обнажившаяся доброта к пока ещё чужо-му человеку зажгла ещё один огонек в душе. Многие интересовались «Мурумчанкой», как ласково про себя называл проект в бутылке Шемякин, но никто не обращал внимания на картины, написанные «арбатским» художником, чье имя он даже не запомнил.

Он просто как-то прогуливался по новому Арбату, когда увидел те самые картины и просто купил четыре штуки, попросив привезти те прямо в офис за дополнительную плату. Стены нового офиса были пустыми. Их нужно было чем-то украсить.

Виктор решил для себя, что если сделка пройдет успешно, в чём он уже не сомневался, он отыщет того бородатого живописца, картины которого обсуждал сейчас сам Ка-

сьяс. Виктор тоже посмотрел в их сторону. На одной была изображена девочка, похожая на эмблему шоколадки «Аленка», с трикотажным, на первый взгляд, платком на голове, большими, как озера, глазами и наливными щеками. На другой был портрет – репродукция Петра I – «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе». Такая же висит недалеко от станции метро Охотный Ряд. Но только сейчас Виктору показалось, что эта разительно отличается от той, что висит на здании в центре Москвы. Взгляд у Алексея другой, менее подавленный, и скатерть на столе более яркая. Виктор пообещал себе посмотреть оригинал картины и сравнить. Ещё две картины были пейзажными: осенний вид в парке и весенний в деревне.

Шемякин был поражён, насколько эмоциональным оказался Роберто Касьяс.

В зал вошла Анюта и раздала с подноса чашки с кофе. Взгляды мужчин тут же скользнули по её точёной фигуре, на которую Шемякин, конечно же, тоже обращал внимание, но оно было мимолётным, как и все другие косые взгляды в стороны для любого здорового мужчины.

Помните рассказ Ирвина Шоу «Девушки в летних платьях»?

«Я смотрю на всё», – говорит муж жене, когда та уже не может молчать, что ей неприятно, что её мужчина буквально ломает себе шею следующие семь шагов, изучая симпатич-

ную девушку. – Бог дал мне глаза, и я смотрю на женщин и мужчин, на котлованы под новые линии подземки, на экран кинотеатра и на маленькие цветочки на полях».

Закончилось плохо. Жёну удалось обидеть дальнейшими словами после выпитого в кафе «Курвуазье»: «Я люблю тебя, но при этом хочу их. Такой вот расклад. Я изучаю окружающий мир».

Герой той истории был страстно влюблён во всех женщин Нью-Йорка, так как сам был из маленького городка и не видел таких прекрасных женщин в своем родном провинциальном Огайо.

Нет. Виктор не относил себя к данному персонажу вовсе. Он никогда не говорил и не сказал бы жене такие слова в знак уважения, но физиологические позывы любого самца были сильнее человеческих чувств. Поэтому не признать того, что он иногда мельком заглядывался на Черчину, было бы неправдой.

Касьяс поднял вверх большой палец за спиной секретаря, сидевшего сразу за ним. Это явно означало, что у Шемякина хороший вкус на секретарей.

Конечно, Катя его жутко ревновала к Черчиной. Последняя иногда звонила даже поздно вечером. Все разговоры сводились к работе, к планированию командировки или внезапной остановке процесса работы в связи с тем, что производство не может разобрать тот или иной чертёж и требует

немедленного согласования или изменения координат. Иногда жена появлялась в офисе и после этого визита напоминала Виктору о том, что его помощница чересчур молода и хороша собой. Чем вызывала негодование обоих. Так как за этим следовали если не обвинения, то явные намёки на то, что он спит с Анной. Но у Виктора был принцип – не увольнять сотрудников.

Тем более вот так. По причине «Слишком хороша собой».

Он деликатно относился к данному обсуждению с женой и всегда выигрывал тот самый небольшой спор по поводу увольнения и не увольнения симпатичных сотрудниц с помощью ласки, внимания и поглаживания.

Оголяя в улыбке свои ровные и точёные зубы, Роберто сделал глоток из маленькой фарфоровой белой чашечки с тягучим, черным напитком.

«Следовало предложить всем чай и кофе на выбор» – подумал Виктор, поймав себя на том, что легкомысленно попросил Аню налить всем своего любимого орехового эспрессо. Он был так увлечен презентацией и подготовкой к её протеканию, фотографиями и расчётами, что совершенно упустил наиболее важный момент – поинтересоваться о предпочтении напитков для гостей.

«Может, они пьют только виски на таких встречах!»

«Какой я кретин, что попросил секретаршу внести кофе сразу.»

– Прошу меня извинить за не предложенный выбор на-

питков, – улыбнулся он слегка смущенно, но этого никто не заметил. – В нашем баре есть не только кофе, но и чай с молоком.

Он перевёл взгляд на переводчика английского языка и понадеялся, что тот, будучи русским, все же переведёт так же шутливо «в нашем баре», как это только что прозвучало. «Хорошо, что язык английский. Я хоть понимаю его.»

Переводчика нашли сразу. Именитая компания по подбору персонала порекомендовала его, как билингва. Русский и английский были его родными языками, и к тому же он знал испанский, что не помешало бы в данный момент, так как Касьяс был испанцем. Но его адвокат, то есть переводчик адвоката, рассказал о том, что Роберто привычнее обсуждать покупки на английском.

Касьяс вернул чашку с кофе на место сразу, как ему предложили альтернативный напиток. Не успев ответить на любезное предложение, он поменял выражение лица.

Его улыбка померкла, и Виктор заметил, как недавно розовые губы поменяли оттенок и пересохли. Зрачки расширились и стали темнее. Смуглое, загорелое лицо приобрело землистый оттенок и стало похоже на припудренный бледно-серый экспонат из музея восковых фигур. Рот приоткрылся и начал издавать звуки удушья, сопровождающиеся всхлипываниями. Руки машинально потянулись к шее, схватили её и судорожно начали елозить по всей её поверхности,

обнажая выступившие вены.

– Medicamento! – выкрикнул Касьяс едва внятным голо-
сом, – в сумке! – проскрипел он с акцентом.

Кофе пролился на договор, покрыв его коричневыми глу-
бокими пятнами с непереваренными черными песчинками
на дне. Коллеги, видевшие своего руководителя веселым и
энергичным, находящимся в полном здравии, подпрыгнули
со своих мест и уронили стулья. Виктор замер и не понимал,
что предпринять. Он бездействовал и не понимал происхо-
дящего. Ком в горле встал поперёк и мешал говорить, кри-
чать и даже двигать головой.

– Где его сумка? – выкрикнул кто-то.

– Он разве был с сумкой? – отозвался другой.

– Ищите все!

Виктор автоматически потянулся к карману Роберто Ка-
сьяса.

– Что ты делаешь? Не трогай его! – взревел знакомый Вик-
тору мужчина, появившийся, как маг, из воздуха. Он схва-
тил Касьяса под руки, служа тому опорой.

– Я хотел взять ключи от машины! – протороторил Вик-
тор, изумляясь скорости, с которой этот мужчина примчался
в зал заседаний, – он говорит про лекарство. Где оно? Мо-
жет, оно в машине! Что за лекарство? Чем ему помочь?

Лица собравшихся казались озлобленными. Все переме-
нились в лице. Сейчас взгляд окружающих были прикован к
его персоне, он буквально испепелял и душил своей прямо-

линейностью.

– Я просто подумал, что лекарство может быть в машине. – Голос дрогнул, и Виктор осел неожиданно на пол.

Он увидел, как кто-то достал аэрозольный баллончик из кармана пиджака предпринимателя и направил его в рот. Глаза Касьяса закатились, и приступы начали сокращаться. Виктор привстал в надежде увидеть, что его покупатель приходит в себя.

– Он не дышит, – сказал чертовски знакомый индивид, и посмотрел на Шемякина, лицо которого застыло как после шоковой заморозки. Он не мог пошевелить губами. Сердце забилось сильнее, и Виктор понял, что произошло самое страшное из того, что он когда-либо видел в своей жизни.

15.

– Что это за Высший Советник?

Не он ли превратил тебя в наёмного заштатного громилу?

– Я покажу тебе «заштатного»!..

– Отвечай! Сейчас же!

– Хорошо, давай поговорим...

О проблемах, в которые ты только что влип.

Виктор Стоун (Киборг)

Хэл Джордан (Зелёный фонарь)

Из-за случившегося Виктора, как и некоторых других, кто присутствовал на встрече, отвезли в полицию.

Предположительно.

Потому что на самом деле местоположение, как и название учреждения было неясным.

Все сели в полицейскую машину, но оперуполномоченные, хоть и показали удостоверения, были в гражданском.

А на самом здании, куда Виктор попал через полчаса, таблички он не разглядел. Хотя внутри «кипела жизнь». И служащие в униформе всё же встречались. Они сновали туда и сюда, из одной двери в другую.

Прошло вот уже три часа с того момента, как Касьяс умер. Маленькая стрелка двигалась к четырем, и Виктор поймал себя на мысли, что даже не завтракал, но есть ему совершенно не хотелось. Ему хотелось исчезнуть в своё недавнее воображение, где он с женой пил «Пину Коладу» и прятался от солнца в тени могучих пальм. В голове стало пусто. Лишь шум бирюзового океана отдавался в ушах и не уходил, стараясь будто успокоить своего владельца-мечтателя. За плечо кто-то тронул, но он даже не обернулся. Какая-то женщина села с ним рядом и приобняла худыми и тонкими пальцами.

– Не переживайте так, они во всем разберутся, – сказала она. Она смотрела на него сочувственными глазами и гладила себя по волосам. Виктору понравились её духи, с ароматом зеленого яблока – такого сладкого и кислого одновременно. Он был рад, что она сидела подле него. Сидеть с этой

незнакомкой в неприятном для Виктора здании оказалось спокойнее.

Она взяла его за руку, пытаясь приободрить.

Телесное прикосновение показалось неуместным, но Виктор смолчал и не отдёргнул руку.

Каждый выражает сочувствие по-своему. В современном мире люди забывают об обычном человеческом тепле, которое может дать совершенно незнакомый человек. Все вокруг чужды друг другу. Чужие проблемы никого не волнуют. Потому что полно своих. Или так кажется, что их полно, а на самом-то деле их и нет.

Здоров – и Слава Богу!

Родные есть – и Слава Богу!

Работа есть – и Слава Богу!

Остальные переживания люди себе придумывают.

Спустя три минуты женщина убрала руку и ушла.

– Значит, Вы утверждаете, что не понимаете, от чего умер Роберто Касьяс? – спросил его голос, исходивший от мужчины в синем костюме.

Виктор понял, что он не в обычном участке. Вокруг были тёмные стены, напоминавшие стенки маленькой квадратной коробочки.

Посередине стоял стол, в котором зияла продолговатая дыра – отверстие, из-под которого тянулись железные це-

пи-наручники. Виктор подвигал ими из стороны в сторону, и они неприятно лязгнули. Он был прикован.

Напротив него находилось зеркало, в котором он наблюдал самого себя. Конечно же, за ним находилась оперативная группа и записывала его голос на диктофон. Он в этом не сомневался.

– Нет, – коротко ответил он, – я до последнего не верил в то, что Касьяс умер. Он мой покупатель, я его толком не знаю... Он хотел приобрести у меня яхту... Вот и все...

– Как давно Вы знали Роберто Касьяса?

– Не так давно. Может, полгода или 8 месяцев. Около того. Нас познакомил мой дядя. Он рекомендовал ему мои яхты.

– Вашего дядю зовут Ростислав Шемякин? – спросил допрашивающий и положил на стол пачку сигарет.

– Да. Только после переезда в Испанию он сменил фамилию на более созвучную там – Жункейра.

– Итак, Касьяс прибыл к Вам издалека, с Филиппин – райского острова, – усмехнулся допрашивающий, и Виктор вдруг услышал гул прибора.

– Он хотел купить у Вас яхту? Не далекоовато ли переправлять, или он собирался плавать на ней здесь?

– Это не моё дело, – вздохнул Виктор, – но мне известно, что яхту должны были переправить на Филиппины.

Служитель закона засунул руки в карманы и стал расхаживать по маленькому помещению. Слева за поясом у него висела кобура с пистолетом, на груди был заметен серебри-

стый значок.

Когда он сел, Виктор рассмотрел надпись «Центральное управление по Москве» и ниже «ФСБ РФ». Ощущение важности ситуации вызвало больше страха. Шемякин не сомневался, что распутывать смерть такого человека, как Касьяс, соберётся не только российское ФСБ, но ещё и испанская служба безопасности.

В голове промелькнула искажённое лицо Роберто.

– В разлитом кофе, в чашке Касьяса, обнаружен октаболлин. Что Вы можете сказать по этому поводу?

Виктора передёрнуло. Он не понимал, о каком октаболлине шла речь, но сотрудник безопасности явно ему намекал, что тот умер именно из-за него.

– Что это? – спросил осторожно Виктор. – Это послужило причиной смерти?

Мужчина в синем костюме улыбнулся. Виктор не понял, что такого смешного он ему сказал или спросил. А между тем перед глазами возникла «Мурумчанка».

– Это галлюциногенное средство, которое выписывают психически больным людям. В малых дозах оно безопасно и успокаивает склонного к панике человека, подавляя его страхи. В больших – может вызвать серьёзные галлюцинации и нести в себе наркотическую угрозу.

Виктор сглотнул.

Он чувствовал себя в живом кино. Вокруг него были мрачные декорации, перед ним расхаживал знаменитый ак-

тёр, любимец телезрителей. Он играл в эпизоде, который ему совершенно не нравился и, наверняка, не приносил гоноров.

– И что? Роберто Касьяс умер из-за этого октоб..ина? – невнятно отметил Виктор.

– Октаболлина, – поправил его офицер, – он умер от остановки сердца, Виктор Геннадьевич, вызванной именно октаболлином.

– Но Вы же только что сказали, что этот препарат не вызывает страшных побочных действий, кроме галлюцинаций...

– Да, если на него нет аллергии. Вам известно же было, что Касьяс страдает аллергией на психотропные препараты?

– Что? Вы намекаете на то, что я его убил, зная, что он страдает аллергией на галлюциногенный препарат?

Мужчина в костюме присел и зажёл сигарету. Запах серы разошёлся по всему помещению, и Виктор почувствовал никотиново-смоляной аромат.

Мужчина протянул сигарету Виктору, предлагая тому затянуться.

Впервые после нескольких лет завязки Виктор почувствовал сигарету у себя во рту и, совершив непривычный глубокий отравляющий глоток, ощутил лёгкое головокружение.

– Я не привык намекать. Я лишь говорю то, что вижу. Меня зовут Антон, кстати.

– Я буду откровенным, Виктор Геннадьевич. Я верю, что у вас не было причин травить вашего покупателя, тем более

что он должен был вас наградить существенной суммой. Вы бы не стали так рисковать до завершения сделки. Но мы не можем вас так просто оставить в покое, не допросив остальных подозреваемых.

– Но кого вы ещё подозреваете?

– Нам понятно Ваше недоумение, но, видимо, вы молодой пока бизнесмен и не сталкивались с возникающими на вашем пути препятствиями. Мы опросим весь ваш персонал и всех присутствовавших в зале заседания сегодня утром, а пока я не имею права Вас здесь держать. Но попрошу подписать подписку о невыезде из Москвы.

Дежурный проводит вас до выхода.

В комнату вошёл молодой парень в тёмно-синей форме и открыл замок, соединявший наручники со столом. Положив свою правую руку на плечо Виктора, он повёл его из зала допросов.

– Это точно из-за кофе? – успел выкрикнуть Виктор, когда дверь, за которой он только что находился, захлопнулась у него перед глазами.

В маленькой тёмной комнате было жарко и душно. Температура воздуха за окном перевалила за 22 градуса по Цельсию. Но Анна Черчина тряслась и дрожала от невыносимого холода, который бил по её коже, как мелкий холодный

дождь. Она сдерживалась от колотившего внутри страха, но в какую-то долю секунды теряла самоконтроль, и её начинало колотить снова. Она боялась замкнутых пространств, её пугала тяжёлая железная дверь, а выхода из комнаты Анна не видела. Её бы спасла сейчас порция самбуки, налитая горячей струной, с брошенными в стакан ароматными кофейными зёрнышками. Руки, которые наливали ей анисовую настойку, были красивыми и мужественными.

В мужчинах ей нравились руки – сильные, крепкие, способные обнять и защитить от несправедливости. Не из-за той ли самой несправедливости она сейчас находилась в этом отвратительном месте? Что она могла сказать, если всё, что слетит с её губ, сулило ей несчастье и безысходность.

Она попросила воды.

И когда ей принесли воду, представила самбуку, которую наливает знакомый ей бармен. Ей же всего двадцать четыре, и она не обязана отвечать за такие серьёзные поступки. Её место в институте, в клубе, за ресепшеном, наконец.

– Что Вы можете сказать по произошедшему? – спросил неумолимо мужчина, допрашивавший недавно Виктора.

В голове завертелись червячки растерянности. Анна опустила голову, стараясь не показывать слабости, и сдержала солёную слезу.

Она отлично понимала, что если она сейчас наврёт должностному лицу, получит привилегию лишь ненадолго, а потом её схватят и повесят ещё одну статью за ложные показа-

ния. Она могла лишь чего-то недоговорить, ускользнуть от этого испепеляющего взгляда сотрудника федеральной безопасности.

Она подумала, что сейчас ей так плохо, и это могло бы стать решающим фактором для открытия всех секретов, и больше всего на свете ей захотелось сдать Левина, который не предупредил о таких возможных последствиях. И услышать новость о том, что его посадили. Она не одна во всём этом виновата и не может нести горечь вины на себе, когда тот, кто подвигнул её на это, будет ходить пушистым и незапятнанным.

Но как же её мечта?

Это ведь она подмешала октаболлин в ненавистный ей теперь ореховый эспрессо...

«Я не хотела никого убивать. Я не понимаю, что произошло. Я ничего не понимаю. Я налила совсем чуть-чуть. Я сама пробовала октаболлин. Он безвреден, клянусь... Побочный эффект – слабость желудка. Всё! – прокричала она про себя и закрыла лицо руками, – если б я только знала, я бы никогда, никогда, никогда...»

В комнату вошел светловолосый мужчина тридцати пяти лет. Черчину начинали пугать синие костюмы со знаковыми иллюстрациями на плечах и манжетах. Каждый из сотрудников выглядел суровым и настойчивым. Анне снова стало не по себе.

– Там тот, второй, – спокойно указал на дверь вошед-

ший, – тебе будет это интересно.

Анна подняла взгляд и в испуге покосилась на дверь.

О ком они говорили?

Какой второй?

Шемякин?

Антон вышел из каморки, оставив девушку наедине со своими мыслями, раздиравшими внутри до предела. Её преследовал тот день в центре города, когда она покупала ореховый эспрессо. Лишь в одном месте продавался этот кофе, лишь один человек из тех, кого она знала, любил его так сильно пить по утрам. Она потянула на себя скользкие цепи, но те отозвались лязгом, не выпуская затёкшие запястья из ловушки. Камера под потолком повернулась, и Анна поняла, что шоу «за стеклом» продолжается.

Ей казалось, что она раскроет свои мысли сейчас. Что сдастся.

Она всё расскажет.

Да.

Иначе будет хуже. Она слышала много раз про чистосердечное признание.

Прошло много времени, прежде чем сотрудник ФСБ вернулся к Черчиной на допрос. Может, минут двадцать. Может, все тридцать. Всё это время Анна медленно сходила с ума от негодования. Она знала, что за ней наблюдают, и представляла, как им там хорошо – сидеть на своей пресловутой службе и хихикать над обвиняемыми, которых можно,

как собак, посадить на поводок, чтобы те не сбежали.

Когда служитель закона зашёл к девушке, та сделала вид, что спала.

Она так притворялась в детстве.

Услышав приближающиеся из коридора шаги отца, она часто опускала голову на скрещенные за партой руки, притворяясь, что очень устала.

Спустя пятнадцать минут можно было заслуженно наслаждаться просмотром мультиков и предаваться такому чарующему после уроков отдыху, так как отец жалел свое чадо и внимал спящей позе дочери как мольбе оставить её в покое с домашним заданием.

Дать ей отдохнуть.

– Вы можете идти, – сказал Антон и открыл ключом недавние браслеты. – Внизу в отделе доследования возьмите подписку о невыезде. И будьте осторожны с химическими веществами, этот день послужит для вас уроком. И ещё, – продолжил он наставляя удивленную от происходящего Анну, – я вызову Вас для дачи показаний в скором времени. В ваших интересах быть на связи. – Антон заметил, как девушка потирала затёкшие от наручников руки.

– Вы мне скажете, что будет дальше? – спросила она. Но тот улыбнулся и скрылся из виду.

Человек уезжает, и это может оказаться непоправимым. Хлопает дверью, и это тоже бывает непоправимо. Любое предательство непоправимо. Подлость непоправима. Вероломство непоправимо. Нет, это всё пустой разговор. По-настоящему непоправима только смерть.

Эрнест Хемингуэй

Вечером 27 числа Сергей Хорин зашел в кафе. Юрист сразу почувствовал неотягощённую изысками атмосферу просторного зала по сторонам которого были разбросаны широкие тёмные дубовые столы с квадратными текстильными салфетками с защитным покрытием. На каждой салфетке стоял перевёрнутый бокал под пиво и бокал под вино, называемый в народе винником. Хорин огляделся в поисках клиента, которого никогда не видел, и всё же постарался углядеть знакомое лицо. Прямо перед входом справа сидела светловолосая девушка и курила. Дым поднимался над её головой, так как она сидела спиной к Сергею, и расходился тонкими невесомыми пластами в сторону бара. Откуда-то изнутри ресторана к ней подошла ещё одна девушка и присела за стол.

Сергей посмотрел влево. Там стояли сплошь пустые столы, с белеющими на них табличками «Зарезервировано».

Пройдя немного вперёд за колонну, он увидел ещё несколько столов со скатертью и без.

В середине зала сидела молодая женщина и пила красное вино. Голова у неё была опущена, и Сергей не мог её разглядеть.

Подойдя поближе, он удостоверился, что не знает её, как и то, что она здесь одна.

– Не меня ли вы ждёте? – любезно улыбнулся он, удивляясь немного тому, что подпись К. могла оставить женщина. Он посмотрел ещё раз в сторону бара и окна, но не обнаружил там живой души.

Пустующее кафе-ресторан разделялось на две зоны: ту, в которой сейчас находился Сергей, и ту, которая служила открытой верандой.

Народ предпочитал проводить жаркий день снаружи, несмотря на работающий внутри помещения кондиционер. Жара стояла аномальная для Москвы.

– Если вы тот самый знаменитый адвокат, что работает в криминальной среде и пользуется не баснословным, но всё же успехом, то, возможно, я жду именно вас, – пококетничала девушка со светло-каштановыми волосами.

– Присаживайтесь.

– Зачем такая конспирация?

Девушка улыбнулась и глотнула заранее заказанного вина: Вы что-нибудь будете? Я проголодалась. Здесь готовят восхитительные колбаски.

– Колбаски? – улыбнулся Хорин, – сразу вспоминается анекдот не к столу.

– Рассказывайте. Не особо тонкий юмор я пойму.

– Два соседа встретились в парадной.

«Привет! Откуда ты?»

«Да из магазина. Вот, закупился. Колбаски взял, курочку копчёную да рулон бумаги туалетной.»

«Эх, я как-то такой колбаски тоже купил, так мне одного рулона не хватило...»

Девушка засмеялась.

Нынче такие анекдоты не ценились. Народ жаждал цинизма и сарказма куда серьезнее. Но она знала эту шутку, поэтому смех был искренен, несмотря на всю тяжесть текущего дня. А он ведь только начался.

Она протянула Сергею руку.

– Катя, – представилась она. – А вы про любой продукт анекдот придумаете или только про колбаски?

Сергей покраснел. Над его анекдотами, которых он знал в приличном количестве, уже давно никто не смеялся. Но рассказывать их он считал особой необходимостью. Раньше они помогали завоевать симпатию собеседников.

Со временем, когда в мир так стремительно вошел интернет и реалити-шоу по телевидению, чувствительность окружающих к шуткам Сергея значительно убавилась. Потому что юмор стал просто другим. Человека уже невозможно было насмешить анекдотом про Вовочку или тещу с евреем, американцем и русским.

Народ жаждал нового! Но рассказывать старые душевные

анекдоты Сергею хотелось.

Хотя, быть может, он просто к этому привык.

Катя понравилась Сергею.

Не только как женщина – слаженная, стройная и с очаровательной улыбкой, а ещё открытостью и простотой, отсутствием задиристости и придиристости. Такие женщины всегда завоёвывают места в сердцах мужчин и не оставляют надежды не думать о них и не рисовать в своей памяти положительные моменты встреч и разлук.

Они долго ещё шутили на тему анекдотов и немецких колбасок, рецепт приготовления которых в кафе-ресторане «Хемингуэй» был строжайшим секретом, так как ни один из официантов не желал открывать достоинства фирменного блюда, заказанного Сергеем и Катей.

Смех последней был приятным, и Сергей так и не заметил за ним боли и беспокойства.

Потому что на самом деле сегодня выдался тяжёлый день.

Муж убежал на свою презентацию – не было и семи, лишь чмокнув жену на ходу. Сама она встала не позже семи, чтобы сделать УЗИ по направлению врача, и результаты были не самыми хорошими.

Она ничего не смыслила в медицине, но помнила что-то про левожелудочную недостаточность, которая то ли включала лёгочный отёк, то ли так или иначе могла на него повлиять.

Результаты показали непонятные для Каты медицинские

вычисления, соотношение которых вело к тому, что у неё проблемы с лёгким или лёгкими. Она от ужаса ничего и не поняла.

Сергей заказал себе пива и обменялся с официантом любезностями касательно уюта в кафе «Хэмингуэй». Потом он скрупулёзно выбирал закуску. Безумно хотелось жареных крылышек барбекю, но встреча была деловая и измазать рот красным острым соусом было бы, как минимум, неприлично. Да и не только рот. Традиционно крылышки едят руками.

Поэтому он выбрал тот же самый салат, как и его таинственная собеседница напротив. Женщины любят, когда мужчины поддерживают их даже в мелочах.

Вдруг Катя раскашлялась.

Хорин решил, что она просто поперхнулась. Он привстал и по-дружески похлопал её по плечу. Катя залилась багрянцем, и от глубокого кашля на щёки тут же хлынули две солёные слезы, появившиеся совершенно неконтролируемо. Так бывает, когда подавишься чем-то.

– Не в то горло попало. Спасибо. – Её глаза заулыбались вновь, и Хорин присел на место.

– Я позвала вас для дела, – сказала Катя и выпила остатки вина. Официант тут же забрал бокал.

– Мне нужен адвокат, который первым делом отсудит у меня дом.

– Не понял. Как это, у вас?

– Дело в том, что я больна, – буквально шёпотом сказала

она, так как хриплость снова подкатила к горлу, но Хорин её прекрасно услышал, – и вы – последний человек, который об этом узнает, если согласится на сделку, – Катя посмотрела на Хорина и дождалась одобряющего кивка. – У меня есть недвижимое имущество в городе Озёры, доставшееся мне не совсем честным способом...

Далее Катя рассказала Хорину о событиях семилетней давности. Ей было 24 года, когда она буквально спустя полгода после свадьбы изменила своему мужу с известным бизнесменом.

– Это было помешательством... Я поссорилась с мужем. Почувствовала себя ненужной и просто ушла, хлопнув дверью.

Все всегда считали наш брак таким нерушимым...

...Мы едва поженились. Наверно, притирались друг к другу, вот и случались ссоры. Я ревновала его к работе, симпатичным коллегам, к друзьям, с которыми он предпочитал проводить пятницу вместо того, чтобы провести её со мной. Я даже поймала себя на мысли, что он мне изменяет. Конечно же, он негодовал из-за этого.

И тогда я совершенно случайно познакомилась с вашим тезкой. Ему было сорок! Он мне в отцы годился! Но его позиции и рассказы о том, какая крепкая должна быть семья, меня искусили. Я влюбилась в персонажа сорокалетнего семьянина, который, ко всему прочему, воспитывал двоих де-

тей. Он так внушительно утверждал, что главное в жизни – это семья и дети, что я даже не обращала внимания на то, что, по сути, являлась разрушителем этой гармонии. Ведь он был женат.

Я вбила себе в голову, что этот мужчина мне нужен. Мало ли, что у него есть жена – я тоже замужем!

А Виктор со своим равнодушием ко мне бросит меня все равно. Тогда эти мысли буквально захламляли остальные. Я вбила себе это в голову. Да и секс был раз в неделю. Я посчитала, что мой мужчина просто-напросто потерял ко мне интерес.

Что-то щёлкнуло в голове... Я изменила мужу.

Катя рассказала, как забеременела в те дни. Но когда опомнилась и поняла, что Сергей с ней просто развлекался, пока она идеализировала его, то до последнего молилась, чтобы ребенок оказался сыном Виктора, так как по срокам это казалось вполне ожидаемым.

Лишь впоследствии она, к своему горю, обнаружила, что Виктор не отец Никитки.

Она нашла того бизнесмена и рассказала тому о случившемся. Было бы лучше, если бы она ничего не говорила, тем более что разбивать ни свою, ни его семью не намеревалась, но прошлого не воротишь – он всё узнал бы и так благодаря своим связям.

Она боялась жить с этой ложью, но аборт делать не реши-

лась. И не сожалела об этом ни на миг.

А когда ребёнок родился, счастье было неопишным. Виктор плакал и подбрасывал, как ребёнка вверх отошедшую от родов жену ещё два года.

Тот предприниматель купил Кате дом – в уединенном и скрытом от людской суеты глаз. Сергей хотел, чтобы у его ребёнка была приличная крыша над головой. При этом он не хотел воспитывать мальчика, аргументируя, что у него и так двое детей от законной жены. А в узком кругу он пользовался весьма почтительным положением семьянина.

«Плата за ребёнка и молчание», как назвала эту покупку Ката, стоит в экологически чистом месте. Дом оборудован достойной обстановкой для отдыха, но Шемякина там не появляется.

Как это ни странно, но от глубокого чувства вины, которое навалилось на неё огромным грузом, Кате удалось не просто наладить отношения с Виктором, но и стать для него самой желанной и любящей женщиной. В особенности после рождения Никитки их союз можно по праву назвать нерушимым.

Кате, как и тому бизнесмену, не хотелось разглашения тайны. Ни в коем случае!

Виктор так изменился с рождением малыша. Он перестал задерживаться на работе. Бежал домой к жене и сыну, как ошпаренный.

Тем не менее, когда «подарок у озера» был преподнесён, мысли горе-любовницы об этом злосчастном месте нарушили её покой.

Тот дом напоминал об ошибке каждый день.

Катя туда не ездила. Но само существование того места приближало её к мысли о неизбежной беде.

Тот Сергей буквально настоял на передаче Кате договора, к которому были прикреплены документы на право собственности загородного дома и близлежащего к нему участка стоимостью 200 000 долларов.

Она отказывалась, но он угрожал, что расскажет обо всём её мужу. Говорил о своём намерении всучить эту недвижимость по причине любви к Никитке. Которого он никогда и не видел. Аргументировал тем, что раз беременность произошла, то «его» род должен жить в приличных условиях.

Катя оказалась в клетке.

При этом, чтобы оградить себя от раскрытия правды, Сергей указал в договоре, что Катя являлась его сумасбродной фанаткой и, во избежание нежелательных с ним встреч, он дарит ей подарок, в случае получения которого она обязуется его больше не беспокоить и не угрожать появиться в тех местах, где находится известная личность.

Она умоляла его просто забыть о ней и родившемся сыне. Но её слова о том, что она и не собирается разрушать ничью семью, на него не подействовали, и ей пришлось согласиться. Безо всякого корыстного интереса.

Сергей Хорин слушал её историю не без интереса. В первый раз он был впечатлен суммой, которая ему предлагалась за «некую» работу. Теперь сама история, явившаяся причиной самого дела, ошарашила его. От волнения он опрокинул в себя оставшееся пиво и заказал сигарет.

– Странно, что ваш горе-любовник не подумал о тесте ДНК... Предположим, что вы бы захотели огласить о ребёнке того «известного» предпринимателя и заявить права на алименты или прочее. Результаты такого теста неопровержимы для суда, будь вы даже сумасшедшей фанаткой.

– Да, бросьте. Какое там разглашение ДНК... Меня прижали к стенке. Я молчала и продолжаю молчать. Да мне бы и самой хотелось избежать этой процедуры...

Я люблю Виктора. А сын – только наш с ним, ничей другой. Муж его воспитал. Я не признаю обратного.

Катя поведала Хорину о её желании похоронить эту тайну навсегда. Она не желала особняка с четырьмя спальнями, гостиной со шкурами редких животных и бассейном с бильярдной комнатой. Ей было страшно там появляться, и вся эта роскошь сулила ей мрачные воспоминания о прошедших днях, о случае, результат которого мелькал у неё перед глазами в виде шестилетнего мальчика.

Она рассказала, что у нее обнаружили подозрение на рак, и она во что бы то ни стало была обязана испепелить свой прошлый проступок, так как боялась неуспокоения собствен-

ной души даже на том свете, если любимый муж и сын признают правду.

– Надеюсь, вы не против? – Катя спросила риторически о возможности закурить тонкую сигарету – одну из тех, что заказал в кафе Хорин. Потом она попросила у официанта пачку и курила до тех пор, пока ей не стало так плохо, что губительный кашель предательски заглушил тишину безлюдного помещения.

Кашель был болезненным и сиплым, сильным и слабым попеременно; Катя кашляла со слезами и запивала приступы глотками минеральной воды и вина.

До этого она не курила. Покуривала, но не курила. Думать об этом при раке было бы, как минимум, странно.

Но кто-то ей рассказывал, что у прабабушки был рак. Поэтому вред табачного дыма как причина болезни отнёлся сам собой.

Она замотала головой, гоня неприятные мысли, как если бы была здесь одна. Воображение её заиграло, и она вошла было в роль, представив лишь на миг, что диагноз подтвердится.

Через минуту ей всё же удалось отогнать от себя гнетущие мысли.

Не сказать, чтобы Хорин был ошарашен предательскими уловками Кати много лет назад, сколько глушил в себе нотки неодобрения к ним. Красивая внешность женщины не сочеталась с рассказанной ею историей жизни и болезни. Сер-

гей старался смолчать при возникающей ненароком обидной для девушки мысли.

Его желание узнать, что же она предлагает, пересиливало другое любопытство – понять, почему она просто не продаст этот дом и не отдаст деньги в благотворительный фонд, раз считает, что чертовски его не достойна.

Откашлявшись от ядовитого дыма, Катя просидела в молчании ещё две минуты, как вдруг буквально прочитала мысль адвоката.

– Я не могу его продать. Это было условием договора. Ни при каких обстоятельствах я не имею права продать этот чёртов дом! – прокричала она так громко, что вошедшие в кафе новые гости, предпочли всё же открытую веранду и тут же удалились прочь. – Тот мужчина, – сглотнула она и покачала головой... ну, в общем, он хотел, чтобы дом был мой. Да, он увлекся мною, как и я им. Но он не хотел разрушать семьи. Ни одну, ни другую. А мой сын – всё же его биологический сын. Ему нужна была гарантия на то, что последний не будет нуждаться хотя бы в жилье... А дом огромный!

Последнее предложение Катя проговорила так эмфатически, что Хорину удалось представить объемы помещения.

– Вы сказали, что вам нужен адвокат, который первым делом отсудит у вас дом.

– Что же должно стать вторым? – деликатно спросил Хорин, елозя на стуле, как школьник за партой.

– Вы должны поговорить с людьми, которые каким-то об-

разом прознали об этом случае.... Назначьте им встречу и угрожайте раскрыть всю правду. Или сделайте что-то ещё... Я плачу хорошие деньги. Придумайте что-нибудь.

– И ещё... Дело не только в деньгах.... Поймите меня. Или постарайтесь понять. По-человечески. Я знаю, что могу умереть, – Катя опустила глаза, и Сергей заметил стекающую тонкую струйку слезы по её щеке.

– Я люблю свою семью больше всех на свете, и если я умру, я не позволю правде разрушить судьбу моему сыну и мужу. Они любят меня. Но вдруг в связи с моей смертью в дверях нашего дома появится нотариус и сообщит моему мужу о том, что наш сын наследник многотысячной недвижимости. Тот наведёт справки. Всплывёт договор! Я не знаю что ещё...

– Вы что-то не договариваете, Катерина... – Хорин намекнул на то, что не знает её отчества, но девушка дала понять, что эти формальности ни к чему.

– Какой бизнес у того мужчины? И как вы можете быть уверены в том, что он до сих пор влиятелен... да, и вообще живой, ведь, как я понял, вы не общаетесь.

– Газеты читаю, – Катя выдавила из себя смех, – да и с мира по нитке собрать информацию тоже можно.

Она кинула Хорину черно-белый экземпляр газеты, передовицей которой была статья с фотографией мужчины. Заголовком гласил: «Кто будет управлять бизнесом Жеребцова, пока он находится в тюрьме? Может, его любовница?»

– Скажите, а вы с ним не виделись все эти годы?

Катя отхлебнула заказанного недавно кофе.

– Нет.

Потом подумала немного и добавила:

– К счастью.

– А вы знали, что он сидит в тюрьме до того, как открыли газету?

– Нет. Я не просто не знала, я была в ужасе от того, что прочла в заголовке. Первое, о чем я подумала, – Сережа рассказал журналистам сам о том, что я у него была. Но зачем ему было это делать?

– Может, он решил наладить с вами связь, чтобы общаться с ребёнком?

Катя поморщилась. Ей стало не по себе от этой ситуации.

– Вы даже не в курсе, по какой статье он идет?

Катя пожала плечами. Что-то там было написано о присвоении себе чужого имущества, и это было всё, что она запомнила.

17.

«На каждый рот не угодишь прекрасными словами»

Кирилл Левин сидел у иллюминатора и смотрел на кучерявые облака, бегущие по небу на высоте пять тысяч километров.

Самолет садился.

Внизу проносились коричневые и зелёные земли, извитые кривыми и волнистыми линиями рек; иногда виднелись квадратные крыши бесцветных зданий, тесно насаженных друг к другу, как семена фасоли.

Минут за десять до этого погода менялась каждые двадцать минут: то за облаками не было ничего видно до такой степени, что щипало в глазах от желания разглядеть хоть какие-то ориентиры, то, наоборот, небо было усеяно перистыми облаками, пропускающими достаточно много света, чтобы разглядеть землю и стоящие на ней здания с бесформенными крышами.

Левин заглядывал в стекло иллюминатора, когда ему становилось скучно и он хотел отвлечься от раздражающих из-за волнения о предстоящем плане мыслей.

Весь полет он вставал и ходил между рядами задремавших соотечественников, коих было предостаточно.

Но большая их часть не хотела спать, а предпочитала сладкому храпению бутылочку виски, купленную перед полётом в Дьюти Фри.

И вот когда самолет уже начал снижение, Левин воспользовался этим временем и дабы не сидеть впустую, погрузился в дрему.

Перед тем, как сознание отделилось от тела, ему показалось, что он увидел Андрея Лукенко, шагающего по узкому проходу в сторону бортовой кухни. Тот шел бодрой поход-

кой, лицо было сосредоточено. Левин повернул голову, провожая его взглядом, когда спина проходящего мужчины зашла в отсек для стюардов.

Через какое-то мгновение оттуда вышел уже другой мужчина, напоминающий походкой, ростом и цветом волос Андрея Лукенко.

И Кирилл убедился, что ему показалось.

Погода в Барселоне стояла чудесная. Прилетевших встретило солнце и влажный ветер. За бортом было 20 градусов тепла – идеальная температура для осмотра достопримечательностей без измора.

Купаться в это время рановато, но насладиться щедрой весенней палитрой и европейским воздухом – в самый раз. Правда, Кириллу было не до купания и даже не до осмотра достопримечательностей старинного города.

Направленность на результат мешала сосредоточиться на отдыхе.

Поэтому он поспешил в отель «Казинак», где собирался принять душ и привести себя в порядок перед встречей с Серафином Родиным.

Дорога из аэропорта Барселоны до города Каталонии заняла два часа. За окном мелькали садово-парковые ансамбли цветущей столицы.

Но Кирилл проезжал мимо неё. Иногда из окна можно было увидеть испанское побережье с желтыми и синими полосками пляжей. Пару раз Кирилл заметил причудливые дере-

вья с кривыми стволами, переплетенными, словно влюбленная парочка.

Номер достался приличный – с видом на бурлящую испанскую улицу. Кирилл вышел на балкон и невольно глотнул воздуха с ароматом цветущих деревьев. В минибаре он нашел бутылку виски и налил содержимое в стакан, набросав предварительно льда.

Он позвонил в приемную Родина и оставил сообщение о прибытии. Развалившись на мягкой кровати с белоснежными простынями, он уснул, позволив стакану с коричневым напитком расслабить свой мозг.

Звонок телефона был отвратительным. Он вырвал из глубокой фазы сна и ввел в минутную растерянность своим резким звуком. В приёмной ответили, что его ждут через два часа.

Левину понадобился час, чтобы принять душ и закусить мятную зубную пасту ореховым печеньем. Его предусмотрительно оставили в номере вместе с шоколадными плитками.

Такси прибыло через пятнадцать минут ожидания в лобби, и Кирилл отправился по уже знакомому маршруту с некоторыми изменениями.

Дорога заняла полчаса и, заблаговременно прибыв в офис по улице Carrer de Joan Güell, Левин присел у ресепшена, над которым красивыми каллиграфическими буквами было вы-

ведено названии фирмы «Melodía marítima», что по-русски значило морская мелодия.

Серафин был пунктуальным до хруста костей, поэтому ровно в назначенное время пригласил Кирилла к себе.

Секретарь внесла в переговорную чашки с прозрачным чайником чёрного кофе и маленьким чайником с чаем.

Во главе стола сидел мужчина в сером костюме. Область под глазами была изрезана глубокими морщинами. Седая удлиненная стрижка с чёлкой гармонично смотрелась с овальным лицом своего владельца; ухоженные длинные пальцы слегка тарабанили по столу. Во взгляде чувствовалось недовольство и равнодушие, отчего Кириллу стало сложнее начинать разговор.

Чувство неуверенности отразилось на его лице, и мужчина в костюме это заметил. Он встал и стал расхаживать по комнате, скрестив за спиной руки. Голова была опущена, а походка казалась отрепетированной годами раздумий.

– Итак, – начал он первым, и Кириллу стало намного легче, – сегодняшней звонок меня очень расстроил, – сказал он, – и не потому что он был связан с моей фирмой, а от того, что он был связан с моей фирмой и моими друзьями. Я не знаю, что вы задумали Кирилл, но знайте, если я узнаю, что вы как-то к этому причастны – сдеру три шкуры. – Взгляд его стал волчьим и напряженным, желваки запрыгали на ли-

це. – Я не привык подавать людям руку просто так. Человек не обязан отдавать завоёванное другому.

– Не понимаю.

– Поймёте, – продолжил он. – Признаюсь, что вся эта ситуация кажется мне довольно странной. Роберто был моим другом и остается им, земля примет его тело, как я когда-то принял его дружбу. Его смерть меня покорежила неожиданно. Я не осознал её до конца.

Серафин подошел к графину с чистой водой и налил её в стакан. Потом какое-то время смотрел в окно с двадцатого этажа.

– Как если бы я сейчас взял и спрыгнул из окна собственного офиса, так и эта встреча в Москве, кажется мне неразрешенной и чужой. Вы понимаете, о чём я сейчас говорю?

Серафин Родин повернулся к Кириллу, и тот увидел изучающий его взгляд – взгляд питона на кролика. Серафин заострил взгляд на лице Кирилла, а потом резко повернулся к каталонской панораме за окном.

– Да, – коротко ответил Левин.

– Я понимаю твою обиду тогда, когда я попросил тебя уйти из «ЯхтСтройТехнолоджис». Но и ты меня пойми, – Серафин неожиданно перешел на ты, – Виктор – достойный кандидат, я получаю хорошие отзывы о нём. А прошло столько лет, столько воды утекло...

– Послушайте, – отважился наконец Левин, я вас отлично понимаю. Он встал и стал тоже расхаживать по комнате,

положив в свою очередь руки в карманы. – Родственник Ростислава, вашего друга, действительно, надежный человек в компании – и это даёт огромный потенциал в продолжении пути к совершенствованию его карьеры. Мой отец когда-то мне сказал: «Запомни, сын, не объёмы продаж усиливают адреналин в сердце, а доверие и любовь». Эти слова подзадо-рили меня относиться тогда ещё и к его бизнесу трепетно. Он когда-то владел небольшой сетью книжных магазинов... и я ему помогал.

– Молодость... – вздохнул Левин. – Вообще, когда свои люди принимают участие в правлении, это не может не ска-заться на увеличении прибыли, и главное, на поддержании спокойствия высшего звена фирмы. Но вы же не будете отрицать, что СМИ могут раздуть из мухи слона, и всех собак сбросить на порядочную до сегодняшнего дня репутацию «ЯхтСтройТехнолоджис». Газетчики не оставят вас в покое, обвиняя во всех смертных грехах. И первый вопрос будет – почему вы не уволили генерального директора после инцидента. Что вы им ответите?

– Я им отвечу, что чертовски доверяю тому самому гене-ральному директору.

– Серафин, вы же предприниматель с рождения, у вас в крови выигрышные сделки. Эта ситуация убьёт ваш капита-л! Кто купит яхту у того, в чьём офисе отказывает сердце?! Влиятельные люди не пойдут к человеку, который порос дурной репутацией.

Левин увидел нескрываемое сомнение на этот счет. Оно отразилось на лице Серафима легкой ухмылкой.

– Я исправлю расклад, – уверенность в голосе Кирилла возросла молниеносно. – У меня есть знакомый журналист, работает на газету «Московский предприниматель». Передовицы две недели будут шуметь рейтингом продаж «Яхт-СтройТехнолоджис». Но сменить руководителя надо! Хотя бы на время. – Кирилл изменился в лице. Глаза сияли от собственной речи, он почувствовал, что ситуация не так безнадежна, и только он – бывалый пират знакомых морей – приведёт свой корабль к искомым островам. – Дайте мне шанс! И я изменю ситуацию в обратную сторону. Смерть Касьяса станет рекламой!

Сказав это, он понял, что переборщил, и извинился перед Серафином за неосторожно брошенное слово.

– Я подумаю, – ответил тот сухо и велел оставить его одного.

– Стойте. Прошу пять минут всего... Я вёз его почти 3500 км.

– Что у тебя там?

Левин достал из тубуса, всё это время незамеченного Родиным, ватман. Подошел к белой доске и повесил его на борд. На бумаге были нарисованы три изображения : самое крупное посередине, два остальных были рядом, но под другими ракурсами.

Глаза Левина уставились на одинаковые красные яхты,

как глаза быка на красную тряпку. Цвет был поистине притягательным. Агрессивным. И вкусным одновременно.

Левин знал, чем можно завлечь такую крупную фигуру бизнеса, как Серафин. Не зря он трудился над эскизом и корпусом так долго. Когда у Родина горели глаза – а бывало такое нечасто – это означало, что тот заглох наживку. Яхта, изображённая на ватмане, ему понравилась.

Под разными углами она напоминала акулу. Весь её силуэт ассоциировался с творением океана: продолговатый корпус с тонкими и нужными для быстрого передвижения изгибами; плавники посередине – один побольше для стабилизации хищницы в пространстве, своего рода киль, другой поменьше, но также предотвращающий ненужное вращение, и, конечно же, следующий за хвостовым плавником – рулём.

Посередине красовались две серебристые продольные линии от хвоста до самой «пасти». Даже похожие на жабры выполненные полусферой полоски возле головного отдела ассоциировались с одним из опаснейших обитателей планеты Земля.

– Я назвал её Сиреной. Она разгоняется до 60 узлов, но её преимущество в другом. Я работал над ней полтора года. Какое там? Даже два! – пфыкнул Левин. – И много раз менял внешний облик яхты. Но сейчас она красотка, не так ли?

И с самодовольным видом он плюхнулся в плетёное кресло возле борда. А потом по-родственному налил себе в кружку горячего и вкусного чая.

Но что это было? Почему Серафин отвернулся?

Он заметил сомнение на лице Серафина.

Хотя, быть может, это было связано с тем, что он вообще редко улыбался.

Многие думали, что Родин был из тех бизнесменов, которым в принципе трудно было угодить.

Но это было неправдой.

Просто он чертовски хорошо умел скрывать собственные чувства. И лишь поэтому он играл в... покер.

Именно в этой настольной игре он чувствовал себя как рыба в воде, как крокодил в Амазонке, как фарватер на море.

Научившись играть ещё в молодости у друзей, Серафин мало-помалу пристрастился делать ставки в интернете на мировых покерных сайтах и, делая небольшие ставки, удачей Бога добился приемлемого для тех дней капитала.

– Я понимаю, что сейчас не самое подходящее время, Серафин. Смерть Касьяса – серьёзный повод отстраниться от привычного нам течения. Я оставляю вам рисунки и чертежи. Я остановился в гостинице неподалеку.

Левин вдруг подумал, что не скажи он это сейчас, Родин прогнал бы его со всеми его работами. Но он отлично знал Серафина. Знал, что тот обязательно посмотрит его рисунки, даже если сейчас не в настроении.

«Сирена» была шедевром! Любая верфь захочет построить такую. Не «ЯхтСтройТехнолоджис», так любой другой рассмотрит проект».

Но Кириллу нужна была именно эта компания, именно та должность, именно то призвание. Всё то, чего он был лишен, было нужно ему психологически – он хотел мести и возврата своего права быть главным.

«Тем более, что даже ЯПС «Гавана» не сулила бы такого сокрушительного успеха, как «Сирена», так как такого потрясающего во всех смыслах дизайна мог достигнуть лишь самый талантливый художник».

В переговорной воцарилась тишина.

Родин молчал, и молчание его было чрезмерно волнительным для Кирилла. О чём он думал в этот момент? Хотел ли он позже поговорить на эту тему или не хотел вовсе? Понравилось ли ему или просто было всё равно?

– Мне давно хотелось уйти на пенсию, – Серафин прервал молчание, – и не связываться со сворами акционеров и вкладчиков, бухгалтеров и советников, пестрящими своими идеями на каждом шагу, будто я сам не могу ни до чего докопаться.

Вчера утром, когда я узнал, что Шемякина арестовали, как и причину ареста, я попросил забрать его в ФСБ.

Как никак, он мой подчиненный и, зная, как работают районные копы, я сначала попросил товарища поговорить с ним и его секретарём.

Конечно, можно было бы арестовать и его заместителя, и всех к чёртовой матери! – Он направил свой взгляд прямо-

ком на Левина, и тот ненароком задумался, не подозревают ли его во всём случившемся.

– Но я освободил Виктора спустя пару часов. То есть просто позвонил и попросил, чтобы его отпустили, потому что не поверил в его виновность. И скажу больше... Даже если это было бы и так – я всё равно бы его вытащил.

Спасибо Антону – подполковнику запаса и одновременно другу, с которым они некогда вместе, бритоголовые, носились по просторам Афганистана и получали адреналин от подрывавшихся мин.

«А та девица. Черчина. Посмотрим, куда она нас приведёт», – подсказал вчера вечером Ростислав, когда они вместе встретились у Серафина дома.

И эта мысль по-кошачьи пролезла в голову Родина прямо сейчас.

Ростислав же был не только коллегой, способным отработать самый креативный из всевозможных дизайнов проект. Они дружили, и Серафин верил, что у такого человека, как Ростислав, просто не может быть «гнилого» родственника. Поэтому, когда тот попросил его вмешаться и оградить Виктора от недоказанных обвинений, Серафин, зная, что поступил бы точно так же, уже ни на минуту не сомневался. Помочь парню надо было обязательно. Другое дело, дать свобо-

ду сомнительной секретарше, которую ни он, ни Ростислав хорошо не знали. Этого не было в целях гуманного работодателя, ведь та девочка могла привести Серафина к догадкам произошедшего, а Антон всё проверит – сердце его молодо, желание избить и закопать врагов отечества могучее.

Серафин догадывался также о нечистоте намерений Кирилла Левина. «Тот явно не просто так пришел к царю кланяться», – думал он и смотрел сейчас на Парк Гуэль, расположившийся под фиговыми и миндальными деревьями.

Он вспомнил, как в этом парке, в «пряничном домике»(7) любил пообедать. Добираться туда было не самым приятным занятием, так как лишь из окна собственного офиса она видел парк воочию, а расстояние до него измерялось ни одним извилистым километром. Что-то в этом парке напоминало ему детство и дарило спокойствие и блаженство при виде покрытой мозаикой ящерицы – символа Барселоны. Он бродил там на правах обычного человека, не нуждающегося в суетной обстановке и каких-нибудь изысках. Там ему хотелось бродить без пиджака. Чтобы легкий ветерок ласкал тело и обнимал в минуты печали. Ему захотелось пройтись до знаменитой в том парке глиняной скамейки – сооруженной по размерам и силуэту человеческого профиля.

«Вот как надо обращаться с предателями», – пришло в голову Серафину. – «Сажать их в глину с головой. А потом не с отпечатка лепить и вырезать скамейки, а прямо с живой скульптуры. И пускай люди сидят на их шеях до скончания

веков».

Кирилл молча вышел из офиса, пока Родин стоял лицом к прозрачному стеклопакету и что-то, казалось, говорил.

А Серафин, конечно же, это заметил, но не придал значения.

18.

Как женщины любопытны. Почти как мужчины!

Оскар Уайльд

В квартире по улице Старообрядовая, где жила Лена, Алексей и его мама, раздался металлический треск. Это был звук поворачивающегося в замочной скважине ключа. Алексей всегда звонил, иногда даже трезвонил, прислонившись буквально носом к кнопке вызова, когда руки были заняты продуктовыми пакетами. Лена ворчала, отчего он не может поставить эти пакеты и открыть дверь своим ключом, дабы не тревожить остальных квартирантов.

А вот мама Алексея открывала дверь своим ключом постоянно. Как будто стараясь застать кого-то в неприглядном или постыдном виде, она и после открытия двери шла по коридору то ли на цыпочках, то ли просто нарочно слишком тихо, заставая врасплох буквально за всеми каждодневными занятиями, какие только можно было придумать в малометражной квартире.

Однажды Лена резала салат и чуть не отрубила себе мизи-

нец заострённым до крайности большим кухонным ножом, подпрыгнув от неожиданного присутствия. Это голова мамы Алексея выглянула из-за стены, как бесплотный Каспер, и изобразила при этом довольную до отвращения внушительную улыбку.

Вот и сейчас ключом открывали дверь. Только на этот раз Лена оказалась в прихожей, когда услышала металлический треск. Два оборота, и ручку кто-то дёрнул, впустив на порог круговорот блаженного запаха распустившейся за лестничной площадкой сирени.

Сначала Лена увидела спину одетого во всё чёрное силуэта, потом чемодан на колесиках шотландской раскраски вкатился в прихожую, первоначально перепрыгнув за порог и скрипнув от старости и изношенности.

На пороге стояла новоявленная Ленина «свекровь» и озиралась по сторонам, словно недавно родившийся котёнок в картонной коробке. На голове у неё был повязан платок – тоже чёрного цвета, и кофта с длинной до пола юбкой. Если бы не бронзовый загар, пробивающийся через глубокие морщинистые щёки, Лена решила бы, что та вернулась с кладбища.

– Ленуся, – кинула она с порога приветствие, – ты даже не представляешь, где я была!

«Куда уж там представить такое» – подумала Лена, натянув вполне искреннюю улыбку. Она была рада, что мать Алексея жива и здорова, и значит, муж её не обманул, рассказывая о том, что он отправил родственницу в Израиль.

Далее Елена Викторовна не замолкала ни на минуту. Рассказывала про Стену Плача, про женщин – совсем юных и совсем не уродливых, как ей казалось – проходивших службу в армии.

– Они там ходят с автоматами, как будто на дворе война, представляешь?

Про багели – булочки в форме колечек, про еврейские маленькие головные уборы на затылках, которыми, как она в шутку думала, закрывают лысину.

Про готовящиеся мероприятия ко Дню Независимости Израиля.

– Они к этому дню готовятся с религиозной внимательностью.

И, конечно же, про море... Море, море, море...

Лена уже помыла посуду и собиралась прилечь отдохнуть, а тема «моря» никак не покидала уст старой женщины.

Отдельная тема была отведена раздаче сувениров Лене и рассказы про сувениры, которые она купила Алексею и непосредственно самой себе на кухню.

В ход пошли тарелочки с изображением Яффы – порта Израиля – с граничащим Тель-Авивом, Модиины с курганами, называющимися ещё «телями», и монастырями с красивыми пейзажами.

В кучу были свалены магнитики – про изображения на каждом из которых Елена Викторовна тоже поведала, платки и, наконец, бутылочки с вином.

– Как здорово, что Алексей вам сделал такой подарок! – воскликнула Лена, перебирая диковинные сувениры в руках. – Вы же совсем никуда не выбирались. Я очень рада, что отдых удался, и ещё с такими потрясающими впечатлениями!

– Дождешься от него! – возмутилась Елена Викторовна. – Сама накопила, продала кое-что... Помнишь шкатулку-то мою расписную. Эх, – вздохнула она, – на кой, подумала я, мне бабкины цацки. Кому их? Внучке, которой ещё и нету, – ухмыльнулась Елена Викторовна и посмотрела соответствующе на Лену.

– Небось, и не понравятся кощеевы украшения – старые уж больно.

А колечко помнишь рубиновое, – и она показала левый указательный палец, на котором действительно всё время было надето кольцо.

– Надоело оно мне, – махнула она рукой.

– Зато такие чудеса повидала. Ох! Наверно, заболела я теперь набегамы в ломбард. Кто бы мог подумать, что путешествие так затягивает.

– Вот, – достала она прозрачный небольшой пакетик из сумки, которая ещё не до конца освободилась от подарков, – свечи со Святой Земли, – и протянула Лене свёрток соединенных друг с другом нескольких голубых свечек.

– Говорят, не надо отсоединять. Это для домашней молитвы. Пламя огромное от такого количества фитилей. Осве-

тим накануне квартиру и комнату вашу. Может, улетят к чёрту все нечистые духи, прости меня Господи, мешающие вам с сыном малыша зачать, – перекрестилась она.

Лена повертела в руках кулёчек тонких продолговатых свечей и сжала его так сильно, что воск чуть весь не развалился, как просроченный пластилин.

– Осторожнее, – сказала Елена Викторовна, – у меня один такой. Подумала, хватит нам. И так всего накупила.

А потом вернулась вновь к своим туристским переживаниям, оживавшим в её памяти снова и снова. Она рассказывала Лене об экскурсиях и дорогах, в то время как Лена все больше и больше погружалась в круговорот своих собственных мыслей насчёт Алексея.

«Сказал, что проплатил путевки матери, когда той пришлось продать украшения ради поездки на море... Что же ты мне наврал?» – гневалась душою Лена.

Алексей должен был вернуться поздно. Он сообщил жене, что задержится сегодня на работе – надо было раскопать очередное дельце и просмотреть для его решения груды информации. Сигнал был дан, и Лена тихонько заперлась в их комнате, провернув аккуратно защёлку на двери.

Искать надо было везде, по возможности всё, что могло вызвать у неё хоть каплю любопытства.

Пока она искала в шкафах доказательства странного по-

ведения Алексея, в голову лезли кусающие и отталкивающие бытовые мысли.

«Что если он одурманен рассказами своего руководителя – Хорина, – как когда-то она сама помешалась на лекциях мужа?»

Он мог начать играть в азартные игры...

Это, конечно, маловероятно, но человек он увлекающийся, а лёгкие деньги могли бы стать причиной безумия.

Как она не подумала об этом раньше?

Общение с Хориным, который, как она знала, путался в криминальной среде, вполне могло привести Алексея к дороге, усеянной однорукими Джеками, рулетками и покерными столами.»

Она представила крупье в белой рубашке с его аккуратно собранными сзади волосами. Он деликатно диктовал правила богатой жизни.

Один из шкафов остался позади, и Лена приготовилась рыться в тумбочке. Бумаги, бумаги и снова бумаги – стопками валялись в различного цвета папках и скоросшивателях, с печатями и без. Договора на оказание юридических услуг по правам человека; расписки о признаниях в совершенных грабежах и разбоях как гарантия доверительности к обвиняемому; чеки фискальные и чеки товарные; записная книжка с рядом незнакомых Лене адресов и телефонов; даже дорожные ручки в бархатных футлярах.

Но всё это не интересовало её.

Она искала вещи, взаимосвязанные с предполагаемым до-
сугом.

Бельевой шкаф тоже пошёл в оборот. Лена аккуратно сдвигала в сторону поглаженные полотенца и покрывала, потом начала вытаскивать их стопками и класть на кровать. Не заметив ничего необычного, она вновь все убрала в шкаф.

Когда Лене Ярис было шесть, неизвестные ограбили их квартиру в Бресте и вот так же неразборчиво рылись в вещах. Её тогда оставили одну дома, прям как того мальчика из фильма «Один дома». Одна лишь разница – родители её не забыли в кровати и не улетели в другой город. Они работали в этот день, как и в четыре последующие, с утра до позднего вечера. Приставленная на попечение бабушка – как помнила Лена, сказавшая, что собирается на 2 часа в поликлинику, – дала наставления девочке ничего не трогать, сидеть смирно и смотреть телевизор.

Тогда у советских киноящиков не было даже пульта, каналов было всего шесть, а регулировка громкости так гремела и трещала, что маленькая Лена даже боялась переключить канал, кабы не перепутать что и не нажать на устрашающее её колесико громкости.

Но когда она услышала шорох за дверью, она постаралась как можно быстрее выключить телевизор, чтобы лучше рас-

слышать незнакомые и пугающие её звуки, исходящие от входной двери.

Она пробежала на цыпочках на кухню и взяла лакированную сосновую табуретку, поставила под глазком и шурилась в него, пока не заметила поднимающуюся за дверью чёрную спину. Человек выпрямился и посмотрел на глазок, будто почуввав посторонний взгляд.

Лена сдержала крик, слезла с табуретки и помчалась в комнату, когда дверь кто-то открыл и две пары ног прошли на цыпочках в глубь квартиры.

Она спряталась за потёртым, обитым пенополиуританом креслом, приняла позу эмбриона и старалась не дышать.

Страх окутал её от головы до пальчиков ног. По мере того, как дыхание вырывалось наружу, она глушила его потными от страха детскими ладошками.

Ей были видны только ноги – мужские, одетые в тёмно-синие спортивные штаны, с такой же непримечательной тёмной обувкой. Она видела, как к этим ногам сыпется содержимое полка её родителей – книги и видеокассеты. Последние стояли в шкафу в три ряда, создавая существенную киномобиблиотеку последних мировых блокбастеров, комедий и мультиков. К креслу буквально подскочил четвертый выпуск «Ну, погоди», но так и остался там.

Лена поняла тогда, что это грабители. Они пробыли в квартире каких-то десять минут, но шума и беспорядка на-

вели много. Когда все утихло, испуганная девочка ещё долго не вылезала из-за кресла. Только после услышанного бабушкиного возгласа она решилась показаться и тем самым осчастливила родственницу.

Вокруг была куча разбросанных вещей, а главное, полка с её любимыми видеокассетами была пуста. Лишь оставшаяся «Ну, погоди» валялась у кресла-спасителя.

Вообще Лене часто приходилось оставаться в том возрасте одной. Родители все время работали, папа месяцами мог пробыть в военной командировке – тогда ещё он служил по контракту. Бабушка тоже отлучалась по своим делам и даже жившая ещё в квартире тетя – сестра мамы, будучи неработающей, тоже исчезала из дома, прикладываясь где-то в соседних подъездах к бутылке.

У Лены ещё был двоюродный брат, который был старше её на пять лет и все время норовил обидеть младшую сестру. Он уже ходил в школу, и его тоже не бывало дома.

И вот когда маленькая Лена Ярис оставалась одна, она развлекала сама себя, мечтая о большем внимании со стороны мамы...

Развлечений было мало, иногда они были опасными, но она этого не понимала. Она могла взять пятак с иголкой и перебирать их языком несколько минут. Иногда этот пятак застревал у нее в горле, – тогда она запивала его большим количеством воды с пшеничными сухарями, но все обходилось, и маленькая Лена снова возвращалась к привычному

занятию.

Она с грустью вспомнила об этом и продолжила искать то, о существовании чего и не догадывалась. Может, просто придумала это из-за грусти и тоски по прошедшим дням. Внизу шкафа она наткнулась на квадратную велюровую коробочку синего цвета. – Вот и нашла! Что же там?

Внутри лежала золотая подвеска с камнями, похожими на рубины.

В руках Лена держала явно дорогое, чертовски красивое и элегантно украшение, выполненное, определённо, из золота. Сбоку виднелась 999 проба. По телу пробежали мурашки... Это была самая дорогая проба в мире...

19.

*Бывает, только подумаешь, «какой хреновый денёк»,
а он становится хуже некуда.*

Фильм «Кадры»

В день презентации...

– Всё пропало, – бросил с порога Виктор. Вид у него был подавленный, глаза опущенные и залитые. Он сбросил с себя чёрные кожаные туфли, буквально выталкивая перед этим свои ноги из них. Они разлетелись по сторонам, как разлетались часто носки.

Галстук сжимал раздражённую от щетины шею, и Виктор был рад сбросить его, как хомут. Тот полетел в сторону высокого фикуса, стоявшего в уголке прихожей. Он протёр лицо пахнущими кожаным рулем руками и погрузил в них свое бугристое и бледное лицо.

– Что случилось? – спросила с волнением Ката. В руке она держала кухонную лопатку. Масло начало стекать с неё, и пол покрылся маленькими жирными пятнами.

– Презентация прошла не очень?

– Хуже. Она даже не началась, – истерически улыбнулся Виктор.

– Что это значит?

– Это значит, что мне можно вставать в очередь за пособиями по безработице.

– Я серьёзно! Что случилось?

– Касьяс умер, – сказал Виктор и прижал лицо ладонями, – прямо в начале презентации. Ты представляешь? Остановка сердца или того хуже.

Катя зажала вырывавшийся из неё крик и опустилась на стул, приготовленный как будто специально для плохих новостей.

– Нет, Виктор, этого не может быть. Но как? И причём здесь ты?

Виктор рассказал ей о возможном отравлении, подозрении и задержании. О том, как провёл день в ФСБ.

– Представляешь, что он за человек? Его смерть отожде-

ствили с государственной важностью. Это клеймо на моей карьере.

– Не говори так! – воскликнула Ката и заплакала. Она не сдержала слёз из-за навалившихся на нее в последнее время волнений. Чёрная полоса наступала на пятки, и слабость вылезла наружу в виде солёных и мокрых волнений.

– Ты ни в чем не виноват. У него, наверняка, было больное сердце, и это выяснится совсем скоро, вот увидишь. Надо просто подождать. Тебя отпустили не просто так, они знают, что ты невиновен.

Виктор был благодарен жене за столь ярую поддержку. Именно за неё он её так сильно любил, каждый раз сталкиваясь с обороной ласки и внимания, когда что-то не клеилось. Ката ему была нужна сейчас, как глоток воздуха, который он почувствовал сильнее обычного при выходе из здания ФСБ. Пять минут до этого ему казалось, что он оттуда никогда не выйдет – возможно, Роберто Касьяс был известным лицом на государственном уровне, а какому-то инженеру об этом никто не расскажет и уж тем более не объяснит, откуда корни растут.

– Почему они меня отпустили?

– Они тебя отпустили, потому что ты ни в чём не виноват. Это же очевидно. Ты выступил продавцом во всей этой истории, а Касьяс покупателем. Тебе же ни к чему его убивать. Ни к чему? – переспросила она и посмотрела прожигающим взглядом на мужа.

– О чем ты?! – скукожился он, – я думал, что сегодня один из счастливейших моментов в моей жизни. Я продам яхту Роберто Касьясу, местные газеты напишут об этом статейку, я..., – закатил он глаза, – быть может, появлюсь на обложке какого-нибудь дешёвенького издания. И мы поедем отдыхать. С тобой и Никиткой. Прямо на Филиппины. Как и эта чёртова яхта!

То ли в комнате потеплело, то ли жар сам резко приблизился к её вискам, но Ката почувствовала, что предметы в комнате поплыли в разные стороны, а на веки упало что-то тяжёлое, из-за чего картинка перед глазами завертелась каруселью. Тошнота и тревога ворвались внутрь и предательски забили там в свои барабаны. В ушах зазвенели тромбонны, и воздух наполнился невидимой пылью, от которой захотелось закрыться руками.

Катя закашляла. Закашляла предательски громко. Так громко, что хрипота сравнялась с кашлем и вместе с ним начала давить на лёгкие. Глаза прослезились, и в мозг снова ударило опасение, что этот приступ не на пару минут. Она кашляла и кашляла, пока не упала от слабости на тот самый стул – подготовленный как будто специально для таких неожиданностей.

Виктор взял её на руки и отнес в спальню. Она слышала отдалённые, сказанные им, но как будто где-то вдалеке слова:

– Да ты простудилась, малышка. Ложись-ка на кровать, отдохни, а я вызову врача.

Он подхватил её под руки, когда почувствовал, как всей тяжестью она спадает на пол и выскользывает из его рук. Схватив руками под колени, он поднял её худое, но такое тяжёлое сейчас тело и отнёс в спальню. Там он вызвал Скорую и, объясняя соблюдающим требования приёма вызовов диспетчерам, изложил то, чего сам не понимал и отталкивал, как если бы симптоматика плохого самочувствия его жены была чем-то омерзительным и зловонным, тем, чего не должно было бы быть в их квартире.

– Она просто упала, – шептал он, – а потом задыхалась. А потом кашляла. И этот кашель был назойливым. А потом обмякла...

– Скорая выехала, – услышал он и, не положив трубку на место, начал трясти жену, как если бы она умерла.

Виктор начал сравнивать произошедшее с его заказчиком сегодня и плохое самочувствие Кати. В голову полезли самые худшие мысли. Он задрожал и выкрикнул её имя, как если бы она умерла. Он был поразительно уверен, что его жену тоже отравили.

Эти мысли, как тараканы, забегали в голове и не давали покоя до того, как жена не начала с ним разговаривать.

Она что-то говорила о спокойствии, о том, что она болеет. Но Виктор её не слышал. Он бегал по квартире и искал того, кто мог отравить его жену.

Он забежал во все комнаты, в туалет и в ванну.

И не найдя там никого, побежал на кухню, пытаясь отыскать следы отравы.

Он разбил две чашки, когда искал то, о чём и сам не догадывался. Он открыл мусорку и рылся в пакете.

Открыл холодильник и нюхал продукты.

Но через десять минут после того, как увидел, что Ката улыбается, он целовал её в лоб и просил её больше никогда не уходить. Он обещал бросить работу и уехать отдыхать, он говорил про какой-то поход и про то, как Никитка давно просился в него всем вместе.

Она дышала, и это было главным.

Она улыбалась, и в этом было счастье.

– Ваша жена не говорила вам о том, что у неё проблемы со здоровьем? – спросил приехавший врач, отведя стетоскоп в сторону и проведя указательным пальцем по почти облысевшей голове.

– Нет, – испуганно вымолвил Виктор.

Настолько сильны были переживания последних событий, как снежный ком свалившиеся на голову. Кусая кутикулу во круг пальцев и сдерживая слезу волнения, он безропотно выслушал первоначальную визуальную диагностику своей жены.

– Конечно, нужно сдать свору анализов перед тем, как де-

лать какие-то выводы, – отпечатал врач, – но странно, что вы не были в курсе того, что у вашей жены такие серьёзные проблемы с дыханием. Дай Бог, что это пневмония, а не ряд длящихся годами заболеваний. Безусловно, надо было бы раньше обратиться за советом к специалисту. Может, у жены всё же были какие-нибудь визиты в клинику. Вы посмотрите в ящиках. На моей практике жёны, как, в принципе, и мужья, частенько скрывают серьёзные проблемы от своих половинок. Вы работаете много? Какой у вас график?

График...сейчас это слово не было знакомо Шемякину. Вот будучи зелёным карьеристом он работал 5/2 – это он помнит.

Помнит, как вошел в забитый бумажками офис и сверкнул улыбкой чеширского кота, будто бы полагая, что так произведёт больше впечатления. В тот момент угрюмые «белые воротнички» лишь на мгновение посмотрели на него и тут же принялись что-то чертить на своих огромных ватманах. Он продержался при таком графике ещё год, а после ушёл в свободное плавание, назвав себя настоящим фрилансером.

– Я работаю каждый день. Понемногу, – добавил он, чтобы не выглядеть в глазах лысеющего доктора незаботливым мужем.

– Но мы часто ходим куда-нибудь вместе, – будто в оправдание подытожил он, поймав себя, правда, на мысли, что не так уж и часто.

– И вы не замечали, что у вашей жены такая серьёзная

отдышка?

– Нет, – Виктор потупил глаза.

– Ну, вот что. Давайте не паниковать. Возможно, ваша жена просто простудилась. Я вам выпишу направления на анализы и рентген, и чем скорее вы все сдадите и врач посмотрит снимок, тем лучше и для неё и для вас. Но, – он сменил тон на более тихий и мягкий, – я всё же советую вам поискать какие-нибудь клинические бумажки в ящиках. С таким затруднённым дыханием, как у неё, обычно не гуляют, не посетив врача. Наверняка, вы где-нибудь найдёте результаты последней флюорографии. Удачи!

Виктор смотрел на спящую Катю и перебирал нежно её волосы.

– Что ты совсем за собой не следишь, глупенькая моя, – прошептал он, а голос был предательски дрожащим.

Удостоверившись, что Катя крепко спит, а Никитка смотрит мультики в соседней комнате, он начал аккуратно выдвигать и задвигать ящики.

Бумаги какие-то были и принадлежали непосредственно Кате, но то были ИНН, справки с места учёбы о готовящейся сессии, заявления о принятии её на курсы иностранного языка, договоры об оказании спортивных услуг в двух фитнес клубах. Все эти бумаги перемежались с мешочками из Вьетнама, в которых хранился речной жемчуг различных оттенков; с канцелярскими принадлежностями; оставленными от косметических наборов косметичками; шкатулкой с игол-

ками.

На дне одного из широких выдвижных ящиков Виктор наконец-то нашел рентген. Это, безусловно, был рентген лёгких и раз не его, значит, жены.

Он повертел два чёрных прямоугольных листа в руках, посмотрел их на свет, но всё же не смог определить, опасный ли снимок или нет. Виктор ничего в этом не смыслил, как и в нашедшихся позже анализах на кровь и УЗИ.

Он лишь видел, что опасения есть, так как даты на этих анализах были недавними и различались буквально одной неделей.

Все направления были датированы весенними датами, датами сегодняшней весны.

На дне последнего выдвижного ящика, встроенного в шкаф-купе, в котором хранилась одежда, он нашёл договор передачи собственности на имя его жены в городе Озёры.

Виктор жадно начал его читать. Три листа мелким шрифтом гласили о том, что Екатерина Шемякина является владельцем огромного дома с приусадебным участком, и передавал ей это право собственности никто иной как Жеребцов Сергей.

Глаза расширились так, будто Виктор увидел привидение. Договор дарения был оформлен семь лет назад. Виктор схватился за голову руками, потом снова перечитал договор. Третий раз он прочитал его на диване, в гостиной. Стараясь

уснуть, он ворочался, положив его под подушку до пяти утра.

А когда уснул, увидел во сне Никитку.

Он бежал ему навстречу и кричал:

– Папа, папа... Бежим скорее домой. Там мама. Она в доме.

Виктор помчался за ребёнком и был поражён большому и светлому дому, окружённому металлическим забором с висящими по бокам камерами. Одна из них направила свою неживую голову на него и поморгала красным огоньком.

– Скорее же, – закричал Никита, – она там, ну же!

Виктор вбежал в дом, пробежал за ребёнком лестничный пролет, ведущий на второй этаж, и увидел спальню. В двуспальной кровати с бельём кремового цвета лежала Ката, его родная Ката – бледная и безмолвная, с чёрными волосами, которые расплзлись по подушке своей хозяйки.

– Она умерла, – сказал сын таким тоном, будто его мама пролежала там много времени, а он только сейчас решился об этом сообщить.

20.

– Папа, – дёргал его Никитка, – папа. Рукав оттягивался, ребёнок звал, а ощущение отстраненности не давало Виктору расслышать своего сына.

Он всё ещё спал...

Он лишь кивал и смотрел на маму – такую умную и красивую, неподвижную и стройную, но всё же бездыханную одновременно. Никита дёргал его сильнее и пытался куда-то оттащить. Только когда тот завопил, Виктор посмотрел на него. Он уже не стоял, а сидел полулёжа у него в ногах и дёргал за руку, поднимая её то вверх, то вниз. Он улыбался и хмурился, хихикал и перебирал ногами, облачёнными в тапочки в виде Бакса Банни.

Виктор очнулся и понял, что он уснул и ему всё приснилось. Он по-прежнему лежал на диване.

На кухне работал телевизор, на плите явно шкварчало растопленное масло, и до Виктора добрался запах оладий и брауншвейгской колбасы.

Ката стояла у плиты, в переднике, который подарила ей бабушка, и усердно переворачивала подлипшие оладьи на сковороде.

Волосы были затянуты в конский хвост, а на теле болталась майка Виктора и старые детские шорты.

Она нравилась ему такой – естественной, простой и домашней. Глаза сосредоточенно смотрели на пылающую ярко-розовую конфорку, и от этого на лбу проступала глубокая от нахмуренности морщинка.

Виктор был бесконечно рад, что жена себя хорошо чувствует. Но болезнь ему явно не приснилась, как и договор

передачи собственности от какого-то Жеребцова, что лежит под подушкой.

Он посмотрел на часы, что висели над входной дверью на кухне. Чёрные стрелки на белом циферблате простучали семь. На работу сегодня он идти не собирался. Вчера он разговаривал с дядей и тот сказал, что будет лучше, если он возьмёт отпуск за свой счёт на какое-то время. Этот период явно намеревался продлиться дольше привычной недели или двух. По голосу Ростислава стало ясно, что он недоволен тем, что произошло в офисе. Он сообщил, что Серафин хочет какое-то время управлять «ЯхтСтройТехнолоджис» сам; для этого ему не понадобится приезжать в Москву – после похорон Касьяса он продолжит работу в компании виртуально. Попросил от его имени прислать список действующих сотрудников и их должностные регламенты.

Виктор не стал задавать ему вопросов, подозревая, что Серафин не захочет, чтобы Ростислав на них отвечал, по крайней мере, в ближайший период. Лишь предательски меланхолично извинился за то, что не смог уследить за работой персонала, просил передать эти слова Серафину. Виктор искренне не понимал, кто из сотрудников мог повлиять на исход работы сердца испанца. Но не спросить о составе инженеров на время своего отсутствия он не постеснялся.

Ответ был президентский: «Состав работников не изменится до выяснения причин трагедии.

А отстранение от должности не стоит считать увольнени-

ем.»

Более того, Ростислав успокоил Виктора в том, что Серафин принимает это решение на объективной основе, а Виктору советует хорошенько отдохнуть и набраться сил, потому что талантливые инженеры нужны миру здоровыми и счастливыми.

Виктора совершенно не смутило то, что передать всю информацию о дальнейшем делопроизводстве руководитель верфи попросил именно его дядю. Он лишь удивился звонку Ростислава, тем более, когда тот заговорил о подробностях произошедшего, ведь не видел его буквально с тех самых пор, когда тот помог ему в карьерном росте и свёл с Родиным. Но слухи о его дружбе с Серафином доходили до Шемякина и, конечно же, ему было вдвойне приятно знать о том, что его есть кому защитить и оградить от несправедливости. В голове промелькнула мысль, что всё вокруг строится на взаимоотношениях друзей и коллег и, возможно, благодаря знакомству его дяди с владельцем «Яхт СтройТехноЛоджис», Виктору удалось так быстро и без угрозы для здоровья выйти из здания ФСБ, миновав их каверзные вопросы.

Сейчас ему надо было сосредоточиться на жене

Касьяс умер, его не вернуть, а секреты, появившиеся вокруг Кати, набирали крутые скорости и заставляли соображать скорее в поисках нужных ответов.

Сегодня она выглядела здоровой, хотя и довольно бледной и похудевшей. Из-за многочасовой работы Виктор не видел

её часто и просто не замечал изменений.

– Милая, как ты себя чувствуешь? Вчера ты меня чертовски напугала. Приходил врач. Ты сильно закашляла, побелела и вдруг... упала. Рассказывай. Хуже мне уже не будет.

– Давай завтракать, – вдруг улыбнулась она и стала спихивать поджаренные и румяные оладьи на тарелку. Потом щёлкнула кнопкой пульта, и на экране появились жёлтые анимационные человечки. Она сделала погромче, и человечки запрыгали под знакомую заставку знаменитого мультика.

– Я безумно рада, что мы, наконец, можем вот так позавтракать вместе, без суеты и скорых поцелуев.

Только она это сказала, как на кухне возник Никита и прыгнул на свободный стул.

– А что, обязательно есть оладьи с кленовым сиропом? – спросил он звонко и скорчил гримасу отвращения, когда мама налила ему в тарелку коричневой жидкости.

– Можешь есть с вареньем, – сказала Ката и поставила ему чистое блюдо.

– Кто вообще ест эту гадость? – не унимался он.

– Канадцы, – ответил Виктор. – Они любят его, как ты шоколадную пасту.

Никитка шмыгнул носом, и тот покрылся недовольными складками.

– Они что, дрожать любят?

– Почему? – улыбнулась Катя.

– Ты мне все время говоришь, что я дрожу, словно клено-

вый лист.

– Не кленовый, а осиновый.

Все засмеялись, и Виктора кольнуло глубоко в сердце. Как долго он не уделял внимания семье. Никитка рос и всё больше становился похож на маленького мужчину – любознательного, симпатичного и весёлого паренька. Ему сейчас было всё интересно, он задавал вопросы один за другим. Он не спрашивал больше о том, почему трава зелёная, а небо голубое – эти вопросы он задавал два года назад, или два месяца... Виктор понял, что совсем этого не помнит. Сейчас его интересовало устройство велосипеда и айпэдовские девайсы. Ну, вот и кленовый сироп.

– Это папе привезли из Торонто – столицы Канады, там это традиционное лакомство. Его варят из сахарного и чёрного клена. А вообще в мире много продуктов, которые нравятся отнюдь не всем. Например, индийская еда очень острая и не каждый может осмелиться её есть.

Виктор сразу вспомнил, откуда ветер дует и почему Ката вспомнила именно Индию. Гоа был их последним совместным путешествием. Никитку они не взяли. Он остался с Леной. Тогда они провели неплохие каникулы, не считая того, что местную еду можно было лишь запивать и заедать рисом – настолько острой и однообразной она им показалась.

– Да уж, это вездесущее карри.

– А почему всем не нравится одинаковое? – не унимался Никитка.

– Потому что все люди разные. Вот ты – маленький. А мы с папой – большие. Ты любишь сосиски, а папа брауншвейгскую колбасу, – и Катя передала Виктору тарелку с сырокопченой колбасой.

– Не просто колбасу, – ухмыльнулся Виктор, – а завернутую в лаваш колбасу. – И потянулся за армянским лавашом.

– Папа тоже ест сосиски, с картофельным пюре.

Они могли так проговорить целый день. И Виктору бы это не наскучило. Он смотрел в голубые с зелёным отливом уже совсем большие глаза сынишки и был предельно счастлив. Ему лишь очень хотелось, чтобы вчерашний день не начинался, и он не находил сомнительных документов в гардеробе их совместной с Катей спальни. У него к ней было море вопросов, но сегодня он решил о них забыть и провести настоящий семейный день. Как раньше. Вместе.

– Как насчет того, что в детский садик ты сегодня не пойдешь? – спросил он сына, у которого тут же от радости выросла широкая неподдельная улыбка.

Катя удивилась не меньше. Давненько муж не устраивал семейных подрядов. Конечно же, она соскучилась по проведённым вместе дням.

Она лишь боялась, что кашель может все испортить, но мужественно старалась об этом не думать. Возможно, все обойдётся. А бледность профессионально скрывается косметикой. Она посмотрела на мужа и подмигнула ему. Сегодня их ждал пикник, а потом зоопарк, а потом и океанариум. Она

поняла, что совсем размечталась, но надо было всё успеть наверстать.

21.

*Правда – это нечто такое,
что каким-либо образом может кого-либо дискредити-
ровать.*

Г. Менкен

В парке Гуэль царил весенняя и радостная атмосфера: солнце пробивалось сквозь густые рощи пиний и пальм, небо пестрило почти прозрачными облаками.

Как колокольчики, повествующие о начале спектакля, звучал детский смех. То, отдаляясь, то приближаясь, этот смех окружал со всех сторон, по мере того, как малышня носилась вокруг извитых дизайнерских скамеек, на одной из которых сидел Андрей Лукенко.

Он просматривал газету, которую оставил седой мужчина десять минут назад на той самой скамейке. От нечего делать он перелистывал страницу за страницей, ругая себя за то, что не учил порядком испанский в вузе.

Газета была цветная, и он, как маленький ребёнок, изучал картинки. В основном, мелькали знакомые политические лица, футбольные игроки и вот – его-то он знает точно – Энрике Иглесиас.

Когда Андрей был в Доминикане, в Пунта-Кане тоже везде висели плакаты, восхваляющие его концерты и повествующие о скором приезде кумира. В общем-то, ничего удивительного, если считать, что он поёт испанские песни.

Андрей долистал до гороскопа и анекдотов.

«Неужели, и в этой стране они печатают рубрику астрология? Возможно, это массовое помешательство на звездах и их характерах.»

А ведь он и сам в это верил. Вчера он поймал себя на мысли, что все Стрельцы любят хвастать. Зашел в социальную сеть и сделал выборку по дате рождения, так как искал старого друга, о котором внезапно вспомнил.

Почти все профайлы пестрели изображениями с модными авто, людей в солнечных очках известных брендов и панорамами морей и океанов. Конечно, эта была субъективная точка зрения, но он также полагал, что все Овны – упрямые создания, пластом лежащие, но не впускающие в свой мир идеи, отличающиеся от их собственных. Все это, конечно, являлось условностью, как и вера в китайские и восточные календари. Но разглядывать и судить чужие характеры всегда было чертовски интересным.

«Вот и он, – подумал Андрей, когда заметил приближающегося Серафина Родина, – значит, обаяние Скорпиона скорее работает, чем не работает. Очаровал же секретаря. Поделилась белокурая испанка, куда любит сходить погулять шеф. Или её лучше назвать билингом – по-русски говорит

хорошо и испанский свободный. Вот бы мне так!»

– Здравствуйте! – Андрей встал со скамейки и направился навстречу Серафину. Родин обернулся вправо и влево, пытаясь увидеть кого-нибудь за своей спиной. Но понял, что обращение направлено к нему, так как никого рядом не оказалось.

– Вы меня знаете? – спросил он удивленно и указал пальцем на самого себя, все ещё стараясь увидеть стоящего за его спиной человека.

– Вас знают многие, – улыбнулся Андрей и протянул руку с завернутой по локоть рубашкой, – и это счастливая случайность встретить вас здесь – совершенно одного и... – он посмотрел на свободные руки Родина, не занятые по обыкновению фолдерами и другими бумагами, – явно совершающего прогулку.

– Мерседес? Это она вам сказала, где я? – Серафин причмокнул и перевел взгляд куда-то вверх.

Выдавать союзников было не в привычке Андрея, и он тут же придумал байку о том, как ждал Серафина тут с самого утра, предположив буквально, что тот может пойти прогуляться по красивейшему в этих местах парку, тем более что тот находился недалеко от его офиса.

– Вы репортер? Что вам нужно? – спросил весьма раздраженно Серафин.

– Я работаю на вашу компанию «ЯхтСтройТехнолоджис», – защитился Андрей, чувствуя момент, в который лег-

ко соскочить с крючка. – Вы извините, что я вам помешал пройти по парку. Наверно, редко выпадают такие случаи? Кхх-кх-кх, – откашлялся он, чувствуя, что зря лезет так глубоко.

– Давайте по делу, – отчеканил Родин в своей обычной манере и присел на лавочку, на которой недавно сидел Андрей, – что вас сюда привело? И кстати, – он изменил тон на более удивлённый и умеренный, – даже не надейтесь, что я вам оплачу дорогу или гостиницу, что вы там ещё заказали..., если вы по этому поводу. Видите ли, многие хотят со мной встретиться и, бывало, доезжали до самой Барселоны, чтобы показать мне лично свои проекты. У меня есть уполномоченное лицо в Москве. Он в этой сфере большой профессионал, я всё равно сначала спрошу у него, подходит чертеж или нет.

– Вы меня не поняли, – попытался утихомирить его Андрей, – я не собираюсь показывать вам свои проекты. Хотя без лишней скромности могу считать их неплохими, – в кошачьей манере заявил он.

– Что же вам нужно?

Серафин присел на скамейку.

– Речь пойдёт об убийстве вашего друга.

Родин вскочил со скамьи, как будто по ней проползла ядовитая змея.

– Кто вы?

– Меня зовут Андрей... Лукенко. Я много времени про-

работал бок о бок с Виктором Шемякиным. Я его личный помощник и заместитель.

Дальше Андрей поведал историю о том, как произошёл несчастный случай с Роберто Касьясом.

Он рассказал, как его самого заманили в ловушку. Как он вместе с Шемякиным должен был проводить презентацию, но недоброжелатели хотели этого избежать.

По плану Левина, его «подставная утка», которая до сих пор работала секретарём в компании, должна была соблазнить Лукенко и подмешать тому октаболлин – вещество, которое нашли в крови у Касьяса. А на следующий день дать его Виктору, чтобы тот уснул и сорвал тем самым сделку.

– Октаболлин действует щадяще. Со стороны может показаться, что человек устал и решил вздремнуть. А что о таком работнике подумает партнёр? Как минимум, обидится за не радужный приём, как максимум – порвет с таким нерадивым деловые обязательства. Кириллу было необходимо их поссорить.

Что он готовил после, оставалось загадкой. Изначально предполагалось, что смертельного исхода не должно быть ни у кого из жертв заговора, так как лекарство являлось не смертельным.

А о побочном эффекте, вызванном в момент наступления аллергической реакции, заговорщики узнали лишь в день смерти испанского ценителя яхт.

Никто из них и не предполагал, что дело примет такие обороты. Андрей рассказал, как Анюта Черчина соблазнила его, напросилась к нему домой, а он случайно застал её за действием, которое должно было лишить его сознания на энное количество часов, коих явно хватало для того, чтобы проспаться презентацию.

Он вытряс из неё всю правду, и она со слезами умоляла её простить, объясняя ему совершенно идиотские, на его взгляд, причины – ей нужны были деньги, и поэтому она решила пойти на преступление. Кирилл платил ей за любую информацию.

Оказалось, что он сперва пытался изжить Шемякина более либеральными способами: менял чертежи, высылал ложные факсы о переносе встреч с важными клиентами.

Конечно, Черчиной не всегда представлялось возможным справиться с объемом «секретарской» работы, тем более что Виктор загружал её, бывало, до полуночи, когда на носу висели выгодные сделки. Поэтому не только Черчина помогала Левину вернуться на пьедестал. Были и другие люди, работающие на Левина в инженерном блоке.

– Но с чего Левин решил, что его план удастся? – спросил Серафин. – И что, задвинув Виктора на задние ряды, как не справляющегося со своими должностными обязанностями руководителя, он получит потерянную должность?

– Вы, кажется, сегодня принимали у себя Кирилла. И, на-

сколько мне известно, тот вышел из офиса совершенно довольный.

– Так-то это так... – смутился Серафин, до сих пор удивляющийся, насколько парню, сидящему подле него, удастся так быстро сыпать фактами. – Как я могу быть уверен в том, что вы не подставляете Кирилла? Почему я должен вам верить? Может это вы все подстроили с отравлением...

Андрей не повел и бровью, а лишь рассказал, как заставил Анну Черчину отменить зловещий план, одуматься и уйти работать в другую компанию. Даже обещал помочь той с трудоустройством. Но в назначенный день на презентации неожиданно возник сам Левин и буквально заставил студентку подмешать галлюциноген своему противнику. – Никто не думал, что он там появится. Какой дурак! Видимо, совсем обессилел от зависти, – причмокнул Андрей, рассказывая, казалось бы, неправдоподобную историю для слуха Серафина.

– Он буквально вырвал из её рук злополучную чашку, но перепутал в суете с другой – совершенно такой же.

Чашки с кофе Аня должна была отнести в переговорную. Она так и сделала, как только нужное количество чашек оказалось на подносе. Левин лишь указал, которую она должна была поставить перед Шемякиным.

– Но откуда вы все это знаете? Вы что, присутствовали при том, как они подсыпали лекарство в чашку? Вы же сказали, что отговорили девушку от преступления.

– К сожалению, это единственное, от чего я кусаю локти. Если бы я знал, что все так обернётся... Мне и в голову бы не пришло, что после столь эмоционального разговора, который состоялся у меня с этой девицей, она не выбросит этот галлюциноген к чёртовой матери! – вспыхнул Лукенко, и Родин заметил багровые пятна, как будто лёгкая рука художника поставила их осторожными мазками на лицо Андрея. – Мы договорились, что меня не будет на презентации – таким образом Левин должен был удостовериться, что я в отключке после его приказания.

– Серафин, ну, вы же понимаете, насколько глупыми могут оказываться женщины, когда буквально бросаются с головой в денежные купюры или хотя бы в не материализованные мысли о них. Я сейчас говорю об Анне... Видимо, она забилась в истерике, боясь, что если сейчас пойдет наперекор Кириллу, то может быть уличена во всём. Но это не помешало ей набрать мой номер телефона и рассказать о случившемся. Она испугалась, и этот испуг будет стоить ей дорого, потому что она была единственной в офисе, кто мог предотвратить страшный конец. Не подумайте, что я её в чем-то защищаю... Моя вина в этом деле значительная – я должен был непременно присутствовать на продаже, но я решил, что игра стоит свеч, и совершил тем самым непоправимую ошибку.

– Значит, зря мы её отпустили, – буркнул себе под нос

Родин.

– Что, простите?

– Да, так...

– Что вы намерены теперь делать? Зная всю правду, – спросил после пятиминутного молчания Андрей.

Но ответа не последовало.

22.

Виктора Шемякина ждал дома сюрприз. Сразу же после возвращения из зоопарка всей семьей, на пороге его застал телефонный звонок. Он успел буквально вырвать трубку с базы, когда автоответчик записывал следующее послание: «Виктор Геннадьевич? Это Антон. Мы встречались с вами вчера утром. Думаю, нам нужно ещё кое-что обсудить. Жду вас в том же месте завтра в 10:00. При входе стоит телефон, наберите на нем внутренний номер 567, я отвечу.»

Поднеся трубку к уху, он понял, что это был весь разговор – на другом конце трубки слышалось знакомое частое «пи».

Приехав в ФСБ на следующий день, он был приятно удивлен, что разговор состоится не в камере допроса, а во вполне уютном офисе. Это оказалось светлое помещение с кремовыми стенами и высокими растениями у стола – замиокулькасом и драценой компакта. Последняя была похожа на ма-

ленькую пальму.

Слева на стене висели грамоты и награды различных величин, полученные самим Антоном и его (как Виктор узнал позже) отделом в целом. Справа висел ковёр, судя по всему, шелковый – с изображением китайских домов с загнутыми углами крыш и далеко выступающими свесами.

Посреди помещения, как положено, сидел тот самый Антон, с кем привелось беседовать вчера в более тяжком для общения месте.

– Я думал, что всё Вам рассказал, – сказал неловко Виктор, и выражение его лица приняло слегка озабоченный вид.

– Да, но в деле появились новые подробности. Расскажите мне о своих взаимоотношениях с Кириллом Левиным. Как долго Вы его знаете?

Виктору стало интересно, какое отношение в этом деле имеет бывший руководитель «ЯхтСтройТехнолоджис», но тут же опешил, припомнив мужчину, появившегося совершенно из ниоткуда в момент смерти Касьяса. «Конечно! Это был Левин! Отрастил бороду, вот я и не понял сразу...» Теперь он точно вспомнил. «Неужели он имеет ко всему этому отношение...»

– Вы видели Кирилла Левина на презентации в день гибели испанского покупателя? – перевел вопрос Антон в другое русло.

– Дда.. – неуверенно заговорил Виктор, – я ещё удивился, что он там делал... и кто его туда впустил. У него не должно

было быть пропуска в здание. Вы хотите сказать, что он может иметь отношение к смерти Роберто Касьяса?

– Скажите, как долго Вы знаете Левина? – переспросил его Антон, не обращая внимания на понятные догадки бизнесмена.

– Пять, семь лет, может, дольше... Приходил к нему на собеседование, когда ещё не работал в компании. Он раньше ею руководил.

– Вы можете утверждать, что между вами могут быть какие-то разногласия? И были ли они раньше?

– Нет... то есть да. Но очень давно. Я же сместил его, получается, тогда, когда занял руководящую позицию в «Яхт-СтройТехнолоджис», но навряд ли он бы копил злобу длительный срок, – ухмыльнулся Виктор. – Или мог бы? – посмотрел он на абсолютно серьёзное лицо офицера.

– Но даже если это и так, то Роберто Касьяс здесь явно ни при чём, – всё тем же удивленным голосом заявил Шемякин.

Антон встал и походил некоторое время взад, вперед. Потом неожиданно сказал:

– Вы можете идти.

23.

– *Какой план, Гарри?*

– *Хорошо. Нам нужно кое-что найти. Спрятанное здесь, в этом замке.*

И это поможет нам победить.

– *Ясно. И что это?*

– Мы не знаем.

– Где оно?

– Этого мы тоже не знаем. Я понимаю, сведений мало...

– Их вообще нет.

«Гарри Поттер и Дары Смерти. 2 часть»

Такое могло бы случиться в маленьком городке, в котором все друг друга знали и здоровались, пожимая руки, ну, или хотя бы кивали головами и улыбались в ответ.

Случись в маленьком городке загадка или тайна – она бы развеялась, как пыль, на следующий день. Или через день.

В таких городках вообще редко встречаются неразрешимые вопросы и загадки, потому что сторожили таких городков – бабушки-пенсионерки. А уж они-то найдут пути решения очередного ребуса, будь-то сложные взаимоотношения влюбленных, уход молодых в армию, невесть откуда взявшаяся беременность – да, в общем, невесть что, – бабушкам-то уж точно всё под силу. Да и не только бабушкам – дедушки тоже не лыком шиты и развяжут гордиев узел проблем и заговоров – в маленьком-то городке.

А что касается большого города с населением больше десяти миллионов?

(Для сравнения – во всей Словении живут не более двух.)

Как в таком муравейнике, например, случайно встретиться? Здесь, если и скажешь слово «здравствуй», то обязательно тому, кто связан с тобой по работе, учёбе, увлечениям на-

конец. Но не случайному пешеходу. Потому что их миллионы – они идут сплоченным составом по улицам и бульварам, а лица у каждого, как у терминатора, – скупые на эмоции и безжизненные. Попробуй такому сказать «Здравствуйте».

На такой источник размышлений Алексея – гражданского мужа Лены Ярис – навёл его разговор с начальником. Хоть Хорин и представлялся ему лучшим в своей сфере, и Алексей имел колоссальные заработки благодаря ему, сейчас задача, разрешение которой поручил его собственный наставник, казалась Алексею непосильной.

Как можно было отыскать человека без имени и без адреса в городе-миллионнике?

«Вот тебе ориентиры во внешности. В социальных сетях всегда под фейковыми страничками. Другого фото нет. Говорят, бывает часто в кафе-баре «Белый Конь». В руках он держал два изображения, снятые камерой наблюдения. Картинки были размыты, и понять очертания лица почти не предоставлялось возможным. Скорее всего, распечатки предоставили знакомые Сергея из полиции.

...Найти то – не знаю что. Лишь потому, что кто-то написал о Жеребцове, и статью удостоили вниманием в газете. Теперь из-за этой статьи они будут работать как частное сыскное агентство, вместо того, чтобы заниматься привычными для юристов делами.

И почему Хорин не попросил кого-нибудь из полиции заняться этим?

В руках Алексей переминал чёрно-белый «портрет» мужчины. Короткие волосы, бритые под несколько миллиметров, обходили стороной лысеющие по бокам «эрудированные» стороны лба; брови были густыми и нависали над узкими глазами, посаженными друга от друга ни широко, ни узко. Нос был маленький и прямой, губы тонкие и широкие. На обратной стороне листа А4 были даны точные описания мужчины, которому должно было быть на вид около 35 лет. Среднего телосложения, он должен был оказаться чуть ниже самого Алексея.

Хорин рассказал, что тот работает «блогером» и журналистом, и подписывается исключительно псевдонимом – Лукас Белый. Наверняка, основной заработок получает через вполне приличную газету, но, по неизвестным причинам, нигде официально не трудоустроен. Вот и трудно его найти.

Крупные издательства не открывают сведений о собственных «инкогнито», подписывая статьи именем кого-то, официально на них работающего.

Некоторые издательства платят ему хорошие деньги за предварительно опубликованные статьи в интернете. Но организации всегда разные, и найти «рассказчика» так же сложно, как отыскать Пугачёву в московских ресторанах.

Но Хорин платил пять тысяч долларов за работу, и это не могло не оживить интерес к искомому объекту. Тем более, Лукаса видели в одном и том же кафе не раз.

Но кое-что ещё всё же не могло не раздражать Алексея. А

именно то, почему Хорин не рассказал ему о подробностях дела. Что за конспирация? До этого он считал босса товарищем. Тот всегда излагал детали по работе ясно.

А тут... «Отыщи этого журналогу и сделай всё, чтобы тот больше не писал о Жеребцове С.»

Алексей шёл по бульвару. Мимо проскакала полицейская лошадь. К седлу её была приторочена дубинка – черная, гладкая и визуалью мощная. Алексей представил, как всадник борется с преступностью, не вылезая из стремян, и сходу сметает дубинкой попадающихся на его пути негодяев. Картина, надо сказать, пришла в голову яркая и отвлекла Алексея улыбкой.

Время было обеденное, и Алексей брёл в поисках Лукаса.

Кафе-бар, про который ему рассказали, расположился недалеко от центра Москвы.

В интернете Алексей прочёл, что там часто бывают журналисты. Атмосфера заведения отличается уединением и богатыми стеллажами книг разных тематик и направленностей. Сидеть можно на подоконнике, оборудованном специально под сидение, любоваться прохожими и внутренним двориком, читать те самые книги и вообще заниматься любым творчеством, если таковое связано с тишиной и покоем.

Это было белое угловатое фасадное здание, с выпуклыми плитами со стороны улицы. Дверь входная была чёрная и вы-

делалась на белом фоне, как муха на снегу. Почти такие же белые, как и само здание, ступеньки поднимались в небольшом количестве к парадному входу. Над дверью красовалась изогнутая линиями коричневая вывеска с белым конём посередине – отсюда происходило и название заведения – «Белый Конь».

Внутри помещения народу оказалось так же мало, как и бывает обычно в это время суток в немногих кафе и барах Москвы. Самым недорогим обедом здесь служит так называемый на современный лад бизнес-ланч, но и он превышает среднюю стоимость других таких же ланчей по городу, поэтому и посетителей здесь немного.

Алексей сразу прошел к стойке, и, не ходя вокруг да около, показал изображение бармену, протирающему бокалы для вина. Тот посмотрел на фотографию и тут же отвёл глаза.

– Да, он был здесь, – сказал бармен, не отвлекаясь от процесса натирания стекла, – но я давненько его не видел. Хотя если он приходит не в мою смену, то могу и не знать.

Алексей подождал пару минут, пока бармен позовет официантку, которая работает в «Белом Коне» без выходных.

Но та не узнала посетителя. Уверенно добавив при этом, что всех здешних резидентов знает хорошо. А человек на фото к таковым не относился.

Разочарованию Алексея не было предела. Он и не представлял, как теперь искать этого Лукаса: ждать ли его тут сутками, опрашивать остальных посетителей и работников.

Надо было попробовать поискать в других местах, расположившихся поблизости.

С этой мыслью он вышел из «Белого Коня» и направился восточнее в поисках другого кафе-бара.

На пороге кафе «Медаль», которое соседствовало с «Белым Конём» неподалеку, он обратил внимание, что там кружит больше народа, судя по тому, насколько плотно стояли столы друг к другу внутри. Это Алексей заметил, ещё стоя снаружи, когда смотрел сквозь широкие и прозрачные стёкла здания.

Зайдя в кафе, он заказал себе латте и сел возле окна. Он решил почитать газету и немного расслабиться, потому что считал, что, по большому счёту, работа могла затянуться не на один день. Нужно было раздобыть хотя бы нормальную фотографию, потому что с этой он чувствовал себя ищейкой из западных фильмов. Даже как-то неудобно было при таком количестве народа спрашивать персонал о человеке с аляповатого фото. Стыдно из-за отсутствия опыта в таких делах.

Когда к Алексею подошла официантка, Алексей дружелюбно наклонился и спросил как бы невзначай, не видела ли она у себя в кафе такого мужчину. И добавил, что тот является, возможно, постоянным посетителем «Белого коня». Но та лишь изобразила гримасу удивлённости и ушла.

После того, как Алексей допил кофе и прочитал статейку о меценатстве в России из газеты, что была бесплатным дополнением к времяпровождению в данном кафе, он задал

интересующий его вопрос двум барменам. Но те тоже развели руками. Ссылались на огромное число посетителей, и даже если искомый человек и заходил, то не запомнили бы.

С таким успехом было бы проще обратиться в полицию. Возможно, там бы незнакомца отыскивали быстрее. Оставалось надеяться на везение.

Третье кафе оказалось запрятанным в стройке и расстроило тем самым юриста, впутавшегося в очередной раз в частную подработку. Вокруг фасада бара «Крыло Фазана», принадлежащего к другой половине здания с расположенными внутри различного рода магазинами, велась стройка, самая что ни на есть активная. Вокруг дробили старый асфальт и раскатывали рядом новый. Шум стоял непреодолимый. Наверяд ли «журналист» решил бы уединиться в таком неуютном местечке. Единственное, что подтолкнуло Алексея зайти туда, было то, что стройка носила временный характер, и совершенно не означала, что Лукас сюда тоже никогда не заходил. Алексей сразу подошел к бару и показал фото. Молодой человек, как обычно, покачал головой, выдвинув при этом нижнюю губу вперёд верхней.

Алексей сполз с высокого табурета и увидел уборщицу, активно орудующую тряпкой. Та вытерла рукой засаленный от пота лоб и убрала за ухо прядь тёмных волос. Запыхавшись от протирания тряпкой взад-вперед, она также потрясла головой и продолжила мыть пол. Алексей пошёл к выходу, когда услышал за спиной вопрос:

– Нагадил вам чем-то этот журналист?

Ошеломленный, он обернулся и увидел перед собой невысокого шатена около сорока лет. Тотпил пинту пива и даже не привстал, когда Алексей придвинулся к нему вплотную.

– Вы его знаете? – испуганным от волнения голоса продышал буквально Алексей.

Новоявленный собеседник лишь улыбнулся и глотнул горького напитка.

– Наверно, насолил какой статейкой?

– Ну, да... – соврал Алексей.

– Могу подсказать, где бывает, но..., – и он потёр большой палец левой руки о подушечки остальных, показывая тем жестом, что не прочь за это что-нибудь получить.

– Конечно, – сказал Алексей, не отводя от того взгляда. Он просто не верил в такую удачу. – Но в «Белом Коне» я был. Там парня давно не видели.

– Я и не знаю такого заведения. Но видел твоего дружка в другом месте.

Алексей достал из левого наружного кармана портмоне и извлек оттуда тысячу рублей. – Вот, – он положил деньги на стол его спасителю.

Тот дал понять, что этого маловато и вытянул «утиные губы». Алексей достал ещё одну тысячу и положил её к первой. – И пиво за мой счёт, – улыбнулся он.

Мужчина сгрёб деньги и убрал в задний карман джинсов.

– Здесь есть ещё одно кафе неподалеку, – сказал он, –

синяя вывеска. Рядом туристическая контора и пекарня. Сейчас выйдешь, поверни направо и через триста метров уткнёшься в заведение. Там как в ресторане – ну, для бомондов, понимаешь. Название ещё такое английское – «Фортуна», кажись, по-нашему.

– Fortune? – переспросил Алексей.

Собеседник ухмыльнулся и покачал головой в знак согласия.

– Я видел его там несколько раз. Небось, и сейчас там обедает. Время как раз обеденное.

Алексей поднялся и попытался поблагодарить мужчину, но тот лишь отмахнулся.

Выбежав из бара и миновав на бегу порог, Алексей помчался направо и вперёд.

Погода начала портиться. Ветер с воем пролетел у ушей, которые уже почувствовали первые капли начинающегося дождя. Закутавшись потуже в пальто, Алексей шел на встречу к Лукасу Белому и подбирал слова, которые ему скажет при встрече, чтобы тот уделил ему внимание и, быть может, прямо сейчас ответил на интересующие его вопросы. Желательно бесплатно. Потому что при ином раскладе задаток, выданный Хориным на непредвиденные траты за счёт общей премии за дело, слишком быстро испарится.

Захлестал дождь, и Алексей поторопился уже с поиском «Фортуны» – удачи, как он про себя отметил. Но никаких вывесок синего цвета он не увидел.

Вокруг стояли лишь продуктовые и хозяйственные магазины. Ко всему прочему, проезжающая мимо машина облила его водой из лужи. Алексей спросил пробегающего мимо под стеной дождя прохожего, не знает ли он, где здесь ресторан «Фортуна», но мужичок лишь помотал отрицательно головой.

Потом на пути попалась женщина. Она спокойно в отличие от многих, кого дождь застал неожиданно, шла под синим цветным зонтом. Алексей даже обрадовался на мгновение оказаться под защитой от ливня, напугав, правда, при этом своим неожиданным появлением в личном пространстве. Женщина предложила провести Алексея под зонтиком до ближайшей крыши, но на вопрос о желаемом кафе-ресторане ответила, что здесь такого нет.

Отбежав от неё под крышу, Алексей дождался, когда дождь закончится, и вышел из-под укрытия.

Лить перестало так же неожиданно, как и начало.

Такое часто случается, когда ливень сильный. Гораздо монотоннее и дольше идет мелкий, накрапывающий дождик.

Когда уже очередная женщина ответила, что поблизости нет никакой «Фортуны», Алексей скис не на шутку. Подтвердил эти слова пожилой мужчина, выгуливающий двух болонок, как статная дама выгуливала бы двух пуделей.

– Я живу здесь всю жизнь. Нет здесь ресторана «Фортуна», – заявил он.

Алексею захотелось задушить того мужчину, который

только что ни за что заработал две тысячи рублей, но возвращаться надо было дворами, и он поленился.

Тот хитрец уже наверняка скрылся, побежал в другой бар отмечать с друзьями халяву. Алексею ничего не оставалось, как продолжить поиски.

А испорченное настроение навело на тревожные мысли.

И что он здесь делал, в этом огромном городе? Разве об этом он мечтал?

В своих детских фантазиях он рисовал себе единение с природой, душа которой покоится в можжевеловых лесах Крыма. Там бы находился его дом, бревенчатый и двухъярусный, в котором царило бы натуральное, рожденное русской печкой тепло. Окутав два этажа своим невидимым одеялом, это тепло хранилось в толстых слоях многолетней древесины и лишь изредка разгонялось прохладным ветерком из лесной чащи. Летом Алексей обязательно бы пил чай из фарфоровых чашечек, подаренных его мамой и хранимых ею пятьдесят лет как наследство. А зимой ходил бы на кабана и зайца. В его фантазиях уже было приготовлено специальное местечко для ружья. Над камином в центре гостиной, в защитном футляре.

Подобные мечты явились самыми что ни на есть невинными сакралиями детских картин. Вырисовывая в них фантазии, такие переплетённые, что и самому ему чудилась скрытая и неведомая сила убеждения в правильном будущем, он шёл, как ему казалось, к осуществлению своей мечты, про-

должая год за годом жить... у мамы.

Дело в том, что Алексей убедил себя в том, что копилка, которую он вот-вот разобьёт, пока ещё не забита до тех самых стен, которые хранят в себе запах можжевельного леса. На радость Алексея, у Лены и мамы сложились хорошие отношения, какие только могут сложиться между свекровью и невесткой. Зачем было разрушать такой прекрасный союз?

Вернувшись из фантазий, изрезанных колеями мыслей, Алексей погрузился в настоящие переживания настоящего задания, данного ему боссом.

Надо было вернуться в «Белого Коня». Надо было ждать Лукаса Белого там.

24.

*Если позволишь себе признаться в том,
что ты чувствуешь на самом деле,
может, ты и перестанешь этого чувства бояться.
Нил Гейман. «Смерть. Цена жизни. Время жизни»*

Лена спешила встретиться с Катой. Ей было просто необходимо выплакаться и рассказать о том, что её брак не случился лишь потому, что ему не суждено было случиться, как и родить ребёнка от Алексея. Ей было необходимо поделиться с лучшей подругой жизни тем, что рисовало сейчас на её лице безобразные фиолетовые круги под глазами, выплаканными до того, что соль сделала кожу вокруг них жёсткой и

зудящей от лишнего прикосновения. Она набирала её сотый, а руки тряслись и нажимали ненужные клавиши – за это она терпеть не могла сенсорные экраны.

Гудок, второй, третий... седьмой – Ката взяла трубку, и Лена начала истерить.

Сквозь сопливые отрывки Ката туго слышала обрывистые фразы: обманывает... пил, или бил... задержка... измена.

Она не стала слушать подругу дальше, просто перебила её и назначила встречу через час на улице Кандрашовой – та была ближайшая к Лене, и Катя решила, что лучше прокатится она, чем эта зарёванная истеричка, которая вещала нечленораздельные слова на том конце провода. Так и подмывало узнать, что произошло у подруги. Но, вероятно, это служило сигналом для рассказа своей собственной истории, по всей своей правдоподобности и ужасности не уступающей Лениной. С такими мыслями Катя вышла из дома и уже через двадцать минут ехала в метро.

Через некоторое время она зашла в отдельно стоящий деревянный домик с двускатной крышей, который выделялся на фоне пригвождённых друг к другу зданий, что теснились боками друг о друга.

Этот же домик казался здесь чуждым.

Казалось, что раньше здесь стояло множество таких, но их все снесли, чтобы построить более вместительные недвижимые строения. Но этот оставили и повесили сверху вывеску «Фортуна».

Катя зашла и первым делом увидела перед собой снедаемую тревогой Лену, которая смотрела в унылые из –за пасмурности весенние краски за окном кафе-ресторана.

– Рассказывай, – с ходу бросила она, не давая подошедшему с меню официанту сказать и слова. Тот тут же испарился.

Лена вложила в разговор все свои переживания по поводу Алексея. В ход пошли его странные пьяные вечера (Катя, ведь он совсем раньше не пил!), отъезд его мамы в Израиль, враньё по поводу оплаты ей путевки, и наконец какое-то кольцо, которое она нашла у него в шкафу.

Катя слушала подругу и понимала, что хочет рассказать всю правду о своем здоровье сегодня и сейчас. Такой подругу она никогда не видела, и то несчастье, которое навалилось на неё саму, не могло сравниться никоим образом с тем, что происходило у кого бы там ни было, ведь речь шла о смерти.

Ещё перед тем, как она вошла в кафе-ресторан «Фортуна», она размышляла на тему, которую не перещеголяла бы ни одна из ситуаций, как ей казалось.

Пока она ехала на встречу к подруге, она вспоминала как просыпалась каждый день и смотрела в зеркало, что было встроено в гардеробный шкаф-купе, и каждый раз первым делом изучала отражение в нём, которое менялось со скоростью, сравнимой лишь с её собственным подсознанием. Последнее скакало без остановки каждые полчаса. Но то были раздумья и переживания, свалившиеся невесть откуда, и она сама не осуждала себя за эти мысли.

Смотрела на побелевшее от болезни лицо и бежала скорее в ванную, чтобы замазать его тональным кремом.

«Нет. Никто не должен был узнать о болезни».

Она молча смотрела на Лену и взвешивала в голове возможные последствия раскрытого секрета.

Во-первых, все недавно сделанные ею анализы надо было перепроверить.

Во-вторых, Катя чертовски не любила жаловаться.

В-третьих, скажет про одно – тут же проговорится про другое. О том, что Никитка не биологический сын Виктора, Лена не знала.

Последнее было той тайной, которую она унесёт с собой в могилу.

Ради мужа и сына.

Она пока ещё не была готова рассказать о самом страшном, что поджидало её каждый день, в один из которых она могла просто не проснуться...

Именно на этой категорической мысли она почувствовала, как корень языка коснулся нёба. Ката испугалась, что сейчас закашляет, снова предательски закашляет.

Как если бы не она, но сама болезнь стремилась вырваться наружу, чтобы оповестить не только подругу, но и незнакомых вокруг людей о приближающемся исходе.

Она покраснела и надулась, но смогла из себя выдавить слово «минуточку», достойно встав со стула и собираясь пролизнуть в туалет.

Зеркало в уборной обнажило вены и неровности на руках и лице. Руки задрожали, и дыхание стало прерывистым и хриплым.

Она сдерживала приступ кашля минут пять. Опёршись о белоснежную раковину, она вдыхала и выдыхала осторожно, пока дыхание не нормализовалось и руки не перестали трястись.

«Нет! Она не сможет этого больше скрывать. Приступы участились.»

Надо было вернуться в зал и рассказать Лене о её болезни. Сейчас или никогда.

Пока не стало слишком поздно.

Она медленно и верно поплелась по рядам вдоль столиков кафе и с улыбкой села за свой.

– Что-то случилось? – спросила немного обеспокоенная Лена.

– Нет, что ты!

Они молчали несколько минут. Просто сидели в тишине. В ресторане играла музыка, и обе делали вид, что слушают прекрасные мотивы классики. Потом одновременно вдруг сказали: «Мне надо тебе кое-что сказать».

Впервые за этот день в кафе обе засмеялись. Смех был естественный и неожиданный. Казалось, он разряжает два сердца, чтобы добавить им храбрости для признания.

– Ты первая! – заявила с улыбкой Лена, – а то я и так уже

многое наговорила и рассказала.

Катя немного поёрзала на стуле, сжала губы и вдруг сказала:

– Я больна.

После она помолчала несколько секунд и только потом продолжила:

– Я не хотела говорить, пока не узнаю наверняка. у меня онкология.

– Что?? – опешила Лена, привстав и чуть не уронив собственным телом стул.

– Я... я сделала кучу УЗИ, рентгенов... В общем, все они плохие и не утешающие.

– Но ты же была совершенно здоровой. Ты даже в школе никогда не болела гриппом, когда весь класс был на карантине!

– Знаешь, я где-то слышала, что такое случается... без причины, понимаешь. Ну, то есть, наверное, причина есть. Глобальная. Может, так хочет Бог.

Лена смотрела на неё подёргивающими стеклянными глазами. Она ощущала стыд, непоправимый стыд, выраженный недавно в её собственных словах. Она только что жаловалась подруге на возможную измену любимого человека, когда у той самой такие серьёзные неприятности.

– Прости... – выдавила она с особым уважением – Я не знала. Что именно? – Она заплакала. Но слезы полились не от услышанного, а от слабости, которая навалилась в послед-

нее время разом и сделала организм слабым и буквально воющим на любое расстройство.

– Лёгкие, – коротко сказала Ката.– У меня рак лёгких.

25.

Никитка проснулся в незнакомой ему доселе тишине. Никто не шлёпал тапками по полу, не разговаривал и не смотрел телевизор. На кухне не шкварчало масло, и молчала шумная микроволновка. Даже запахов никаких не было.

Он привык к сладковато-ванильному аромату венских вафель, которые ел на полдник. Мама замешивала ингредиенты для приготовления европейского лакомства за полчаса до того, как он проснётся. Поэтому он никогда не видел сам процесс приготовления теста, но зато чувствовал его своим маленьким курносим носом. А сейчас он ничего не чувствовал – может, мама оставила ему на полдник что-нибудь другое под салфеткой? А сама вышла в магазин минут на пятнадцать.

Шестилетний Никитка прошел на кухню и встал на мысочки, чтобы было лучше и удобнее осмотреть прямоугольный коричневый стол, на котором хранились запретные и интересные предметы: рифленая сахарница с яблоками на боках, заварочный чайник с откидывающейся сеточкой для заварки, перечница и солонка в виде двух розовых поросят, заигрывающе глядящих на каждого нового вошедшего, а также

хлебница и обязательно ваза с цветами. Сегодня это были ромашки – белые, с короткими лепестками. Они склоняли свои головки в разные стороны и когда-то служили манящими атрибутами для кота Васьки, который так любил протиснуть между ними свою наглую мордочку, чтобы попить из вазы с цветами горьковато-сладкой воды. Потом кот состарился и спокойно умер, а цветы появлялись новые – ромашки, флоксы, гладиолусы, георгины, тюльпаны и розы. Запретными эти предметы считались для Никитки потому, что уж очень был силён соблазн перекинуть перец в солонку и наоборот, а сахарницу набить солью. Однажды мальчик словил за это по мягкому месту десять отцовских шлепков, когда тот в спешке выпил залпом солёный эспрессо.

А после этого придумывал новые шалости, до реализации которых руки пока не дошли.

На столе под полотенцем оказалось пусто и, конечно же, сей факт не мог не обидеть привыкшего полдничать Никитку. Никакого другого приёма пищи он так не ждал, как полдника – он же был самым сладким и интересным!

Он угрюмо засел на диване в ожидании мамы и собирался ей высказать всё, что о ней думает, как только она войдёт. Так прошло пятнадцать минут, но дверь не открывалась, а шаги с лестницы не были слышны.

Но вдруг зазвонил телефон.

Мальчик никогда не брал трубку сам – дома всегда кто-то был и перехватывал его за этим намерением. но вот выдался

шанс сказать своё первое «аллё» по стационарному телефону.

Это было так волнительно, что Никитка даже посчитал до седьмого гудка, прежде чем снять трубку. Как когда-то говорила бабушка – если после седьмого звонка телефон всё ещё звонит, значит, на том конце тебя действительно хотят услышать.

У него был мобильный телефон. Но мама выдавала его в детском саду, а потом забирала по приходу домой. Никитка на неё злился за это. Но терпел.

По стационарному он разговаривал только с бабушкой и дедушкой, когда родители звали его к трубке.

И вот он снял трубку и уверенно произнёс четыре буквы.

Каким же волнительным сейчас казался этот первый, самостоятельный ответ на звонок!

А когда он услышал на том конце провода: «Зайчик, это мама», – так испугался вконец. Голос был таким далёким, а фоном что-то шумело и булькало. Мама что-то сказала, но мальчик не расслышал слов.

«Мама?» – неуверенно переспросил он.

Но тут слова показались яснее.

«Я в магазине. Беги ко мне и помогай».

Вновь что-то зашумело и забулькало. А позднее знакомый тон мобильного, вещающий о приостановлении связи с абонентом, завершил звонок.

Никитка просидел в недоумении пять минут.

Телефон не перезвонил.

Тогда он решил, что встретит маму прямо у магазина – покажет, каким может быть самостоятельным и обязательно скорчит гримасу и потопает ногой, ухмыляясь: «Ну, сколько ещё можно тебя ждать?»

Он знал, что дверь открыть не составит никакого труда, так же, как просто захлопнуть её за собой. А дальше она автоматически закроется сама.

Так он и поступил.

Спустившись со ступенек, он почувствовал холод и тут же вспомнил, что куртка осталась висеть на крючке. Но бедой он это не посчитал – другое будоражило его гораздо больше. Раньше он никогда не оставался один дольше чем на пятнадцать минут, а сейчас вот оказался на улице, ветвящейся с разных сторон, и всё показалось таким манящим и незапрещённым. Впереди гудела дорога, а за ней поднимались и опускались быстро качели.

Промчался велосипед.

Детская площадка «резвилась» и манила. а главное, не нужно было спрашивать разрешения играть, бегать и идти, куда хотелось.

Но площадка должна была подождать. Сначала надо было пойти в магазин и поругать маму за то, что она так задержалась. Никитка помнил, как идти, главное – всё время прямо.

Счастливый и довольный своей самостоятельностью, мальчик почти бежал к назначенной цели.

Знакомые деревья, сквер и фасады домов.

Ему было радостно осознавать, что он сам может гулять по улице, и даже, если встретит друга, никто его не одёрнет и не попросит заняться другими делами – он сможет болтать с ним, сколько захочет, и обязательно расскажет ему, что гуляет он один, потому что ему доверяют. В глубине души ему действительно этого хотелось, а значит, и не являлось ложью, а лишь детской смекалкой. Он уже воображал лицо друга – удивленное, заинтересованное в его персоне. «Да, – сказал бы гордо Никитка, – мама послала меня в магазин. У нас закончился хлеб, а тут совсем недалеко».

С этими мыслями он буквально подскакивал с ноги на ногу. Где-то справа должен был быть магазин, куда они с мамой ходили за продуктами.

За деревьями показалось знакомое жёлто-синее здание. Обрадовавшийся своей самостоятельности, Никитка захлопал от радости в ладоши. Теперь надо было дождаться, когда она, наконец, выйдет оттуда, и высказать ей серьёзным тоном, что, мол, дескать, нехорошо оставлять маленьких детей без присмотра. Но запрыгнув на первую ступеньку известного супермаркета, мальчик увидел жёлтую, с чёрными вертикальными полосками длинную ленту, преграждающую вход в супермаркет, а на стекле висела бумага со словами, из которых Никитка разобрал только первое слово – ЗАКРЫТО.

«Вот почему она так задержалась. Она пошла в другой магазин»

Надо было возвращаться домой. Наверно, мама уже вернулась. И если это так, то не оценит шутки, а, наоборот, разозлится на сына. Теперь он себя ругал, что не дождался маму дома. Теперь ему точно влетит, и сегодня он останется без полдника. Вскипячённый от этой мысли, раздувшийся в тонкой коже до бордового цвета, он помчался обратно домой. Теперь он не думал о том, что с кем-то заговорит при встрече. Надо было успеть домой вперед мамы. Он придумает, что сказать. В конце концов, пошёл выносить мусор, а дверь захлопнулась.

Но он, кажется, не туда свернул. Да и зачем было сворачивать, если дорога все время вела прямо до дома. Или она вела прямо только в одну сторону.

Он запутался и встал посреди, чтобы осмотреться вокруг. Заметив детскую площадку, он сначала обрадовался – вот, наконец-то, дошел. Но, присмотревшись получше, догадался, что это не его площадка. На той – качели были красного цвета, а здесь зелёные. Высоко поднимались одинаковые высотные дома, за которыми где-то стоял родной дом. Но где?

Найти его взрослому человеку не составило бы труда, тем более что дом выделялся в значительной степени, если не прибегать к извращённому восприятию пространства – а именно, если не искать его с помощью пустозвонной логики исследователя дорог.

Такие встречаются. Ходят вокруг нужного дома кругами и не обращают внимания, что он у них перед глазами. Прав-

да, наверно, даже человек, страдающий «топографическим кретинизмом», отыскал бы нужный дом – уж, очень он выделялся среди стремящихся ввысь башен стандартных московских зданий.

Но в душе маленького человечка запомнившиеся ориентиры часто путаются и переплетаются с его страхом. Найти нужный объект оказывается чрезвычайно сложно, если в кровь поступает адреналин. Страх парализует и пугает ребёнка.

Вот и сейчас Никита стоял, как вкопанный, пока к нему не подошёл мужчина. Он наклонился к нему, достигнув его уровня роста, и взял за плечи.

– Ты потерялся? Где твоя мама?

Мальчик испугался и вытаращил глаза, как будто перед ним стоял никто иной, как хищный зверь.

Мужчина был одет во всё чёрное – кожаная куртка блестяла, как после обработки глицерином. Из-под оставшегося V-образного выреза в районе горловины виднелась тёмно-зелёная водолазка. Только глаза были светлыми – серые. Он смотрел ими на мальчишку и совсем не улыбался.

– Нет, – ответил гордо Никита, – я жду маму, она сейчас подойдет.

В этот момент у ребёнка сработала защитная реакция. Он не знал человека, стоявшего перед ним на корточках, а потому не доверял ему и опасался.

– И где же она?

Мужчина оглянулся в поисках женщины и снова уставился на ребёнка.

– В магазине, – скромно ответил Никитка и потупил глаза. Так он делал всегда, когда врал. Но подсознательно он и сам верил, что мама в магазине – просто он напутал направление.

– Странно, но магазин отсюда далеко. На машине близко, а пешком далековато.

Потом мужчина посмотрел на мальчика вновь, будто бы проверяя его реакцию.

– Пойдём-ка со мной – неожиданно сказал он и взял Никитку за руку.

– Куда? – завопил мальчик и попытался вырваться из сильных рук незнакомца. Тот ослабил хватку и вновь обратился к ребёнку: – Да, не бойся ты. Я отведу тебя в полицию, а по дороге ты мне расскажешь, где ты живешь.

– Вот тут, – указал пальцем Никитка в сторону ближайшего из домов.

– Правда? Так давай я отведу тебя домой.

Мальчик замешкался, не зная, что говорить, но детское лицо выдавало секреты, как детектор лжи реагировал на эмоциональность.

– Слушай, – наконец улыбнулся незнакомец, – ты одет не по погоде и явно надел на ноги домашнюю обувь. Ты не обращай внимания на то, что я тебя выше – от этого страшнее не должен казаться. Это нормально потеряться в незнакомом месте. Я, вон, то и дело в поисках полжизни. Ты мне просто

доверься, а я тебе не причиню вреда.

Он деловито положил сложенные друг с другом пальцы себе в область сердца, и как участник «Зарницы» заявил:

– Солдат дитя не тронет!

Никитку это рассмешило, и он проговорился незнакомцу.

– Я пошёл в магазин за мамой, но тот оказался закрытым.

А потом я потерялся. Мы живем в отдельном доме через дорогу.

– Ты говоришь о стоящих у леса таунхаусах?

Что-то отпугнуло мальчика во взгляде забегавших серых глаз. А может, то, как незнакомец настойчиво упрашивал пойти вместе с ним. Но в то же время Никите не терпелось вновь увидеть маму и извиниться за то, что всё опять перепутал, и что, раз был не уверен, то надо было остаться дома.

Он чувствовал, что влетит ему за это по полной катушке. Он подумал, что незнакомец сможет вывести его в сторону его дома, а там уж он не растеряется – побежит сломя голову. Он уже так делал с товарищами, бегал наперегонки, завидев нужную цель, и частенько оказывался первым.

– Да. Отведите меня туда. Не надо в полицию.

26.

Беда не приходит одна.

Виктор ехал домой и прошёл на своем «Эвоке» уже полпути, когда заметил поднимающийся белый дым в зеркале зад-

него вида. Заметно занервничав, он припарковался на обочине и пошёл смотреть, не из его ли машины поднимался клубок дыма. Он приблизился к задней части, и опасения подтвердились, когда он убедился в источнике поднимающегося маленькими облачками белого дыма из левой трубы.

За ним пристроился седан чёрного цвета. Краем глаза Виктор заметил приближающегося к нему мужчину. Тот шёл уверенным шагом, что-то говорил и жестикулировал круговым движением. Когда он подошёл поближе, Виктору стало слышно, что он говорил о том, как уже пять минут давал знаки остановиться.

– Я тороплюсь домой. Видимо, поэтому вас не заметил, – Виктор заметно забеспокоился.

– Что у вас там? Может, помочь чем? – спросил незнакомец, и Виктор услышал знакомый кавказский акцент.

Повинуясь внутреннему чутью не разговаривать с представителями гор на пустой трассе, он любезно отказался, сославшись на знакомых в техподдержке, которым намеревался позвонить.

На что незнакомец благочинно улыбнулся и предложил посмотреть автомобиль, представившись владельцем автосервиса, в который он как раз направлялся. При этом он уже направился к капоту и с ходу начал спрашивать о возможном некачественном топливе, возрасте двигателя и прокладке головки блока цилиндров.

Виктор открыл вместе с ним капот и ещё с минуту разво-

дил руками, не понимая, что может быть не так с заслонками.

– Тряпка есть? – уверенно спросил кавказец. При этом Виктор обратил внимание на то, что тот был вполне прилично одет, и акцент показался уже почти незаметным.

Дыма навалило столько, что машины, идущие сзади, начали снижать скорость из-за невысокой видимости.

Виктор принёс тряпку и наблюдал, как новый друг старательно проверял наличие каких-либо повреждений.

– Иди заводи, – парировал он.

Но машина не завелась.

Ни сейчас, ни через минуту спустя.

– Хорошо, что остановиться хоть успел, – уверенно сказал кавказец, – по ходу, движок полетел.

Виктор вернулся к ответу о том, что сейчас вызовет техбригаду. На что незнакомец заулыбался и сказал, что машина новая, работы на пятнадцать минут, и что его автосервис в пяти километрах.

Приглашал он к оказанию дружеской помощи, надо сказать, решительно и навязчиво. Отчего у Виктора закралось сомнение о добропорядочности водителя.

Засевшее внутреннее чутье беспокойства не отпускало, и он любезно отказался от помощи, сославшись на друзей, которые приедут очень скоро и помогут разрешить техническую ситуацию. Сам при этом был напуган тем, что никаких друзей-автослесарей у него не было, и что надо было бы срочно их найти.

– Ну, удачи! – ничуть не смутился помощник по дороге и резво удалился в свой автомобиль. После чего уехал.

После неудачной попытки завести автомобиль вновь, Виктор отыскал в бардачке телефон техподдержки на дорогах и ещё час сидел взаперти.

Дождь накрапывал и стучал по стеклу. На трассе было неуютно и боязно, но Виктор был спокоен куда больше, чем если бы доверился тому странному типу, который внешне не желал ему зла.

До прибытия бригады помощи на дорогах прошло всего двадцать минут, пока мастер копался в капоте и недоумевал, откуда мог взяться источник дыма, ведь из трубы уже давно ничего не валило.

Тот незнакомец оказался прав – ремонт действительно был непродолжительным.

Держа телефон в одной руке и расплачиваясь со своим спасителем, Виктор на ходу поблагодарил мужчину в рыжем комбинезоне, который так молниеносно справился с поломкой, И, захваченный обсуждением с Ростиславом его нового проекта по телефону, помчался, наконец, домой.

Уже позже он размышлял над тем, что кто-то чинит козни, и последние события буквально изматывают его душу.

С этими мыслями на подъезде к дому он обратил внимание, что свет нигде не горит. Это было странным, потому что времени было всего полвосьмого. Странно, что никого не было дома. А если бы и был, то обязательно бы включил

свет, ведь было темно из-за набежавших неожиданно грозных туч этим днем.

В это время уж точно никто ещё не спал.

Он открыл дверь ключом и вошел в тихий, безжизненный коридор. Там он нащупал рукой электрокоробку и поднял вверх выключатель гаража. Тот стал медленно открываться, издавая при этом металлический отзвук. Поставив машину в гараж, Виктор закрыл его с помощью уже другого выключателя на территории бывшего сарайного помещения – теперь здесь стоял его «Рейндж Ровер Эвок».

В общем-то, сделать из сарая гараж было отличной идеей, но это случилось уже давно, и Виктор и думать забыл о том, что здесь когда-то хранились пило- и стройматериалы. Дверь из гаража с внутренней стороны вела прямо на кухню.

Удобно: поставил машину и тут же поел.

Это была идея жены и пришлась обоим Шемякиным по душам. Поэтому первым делом Виктор залез в холодильник, предварительно осмотрев голодным взглядом холодную и пустую керамическую плиту. В холодильнике было много чего поесть, но Виктор выбрал любимые фетучини с курицей, являющиеся, по сути, полуфабрикатом, так как подвержены быстрой заморозке для длительного хранения в пластмассовой упаковке. Но это было самым вкусным блюдом в холодильнике! Выбрать суп или котлеты было бы слишком банальным, тем более что если бы дома была жена, она бы обязательно накормила мужа именно супом и котлетами. Обе-

ды быстрого приготовления предполагалось использовать в крайнем случае, когда, например, Катя уезжала отдыхать с подругами за границу.

Но это же фетучини! Невозможно было отказаться.

Виктор решил, что Ката ушла с Никиткой на прогулку или куда ещё, поэтому спокойно пригmozдился на диван, жуя свои славные фетучини с курицей.

Через некоторое время в двери повернулся ключ.

Пришла жена и тут же с порога спросила, почему у Никитки выключен свет.

Темнота показалась ей странной.

Ожидая увидеть ребёнка на диване рядом с папой, она прошлась глазами по комнате, но Виктор явно пребывал в полном одиночестве.

Его тут же обуял неподдельный страх. Ведь он тоже недавно обратил внимание на тёмные окна.

Никиты не было с мамой.

Быть может, он был на втором этаже и уснул.

Мало веря в собственные предположения, ведь тот никогда не засыпал так рано, Виктор пошел наверх в надежде увидеть ребёнка спящим, но, к своему ужасу, не обнаружил там ребёнка.

Прибежавшая за ним Ката, застыла в недоумении и тут же заслонила испуганное лицо руками.

Детская была пуста.

А бабушка с дедушкой отдыхали за границей – они бы не

смогли забрать мальчика к себе.

Полицейский приехал лишь через полчаса. С нудным и медлительным напором он нажимал на шариковую ручку и записывал показания свистящих одновременно над его ухом родителей. Они буквально перебивали друг друга, и, казалось, вот-вот перейдут на более высокие децибелы. Чтобы показать свое непонимание того, что те говорили, офицер сел на диван и перевёл взгляд с блокнота на лица обеспокоенных родителей. Ему было понятно их горе, и он неоднократно с ним сталкивался, и поэтому знал, что единственным способом успокоить мать и отца было внезапное отступление от участия в разговоре.

Это подействовало.

Через две минуты Виктор и Ката смотрели на полицейского с пониманием, и, главное, больше не пререкались.

– Значит, вы утверждаете, что ребёнок остался дома, когда вы ушли к подруге.

– Да, – буквально взвыла Катя.

– Сколько времени вы отсутствовали?

– Четыре часа.

Далее последовали пререкания уже со стороны полицейского.

Но каждое слово, сказанное в защиту самих себя, что исходило от родителей, он внимательно и скрупулезно записы-

вал на бумагу. Оказалось, что Катя думала, что Виктор вот-вот приедет, и только поэтому отошла к подруге. На слово «отошла» офицер среагировал вопросительным взглядом, и Катя поняла, что отошла это мягко сказано.

Но как она могла рассказать всё, что с ней случилось, за полчаса?

Виктор же утверждал, что пребывал в абсолютной уверенности в том, что жена находилась с ребёнком и, уже успокоившись, объяснил Кате, что машина сломалась, и это задержало его приезд домой на целых три часа.

Обстоятельства пугали обоих, но вскоре они уже по-настоящему поддерживали друг друга, обнимая и извиняясь. Сейчас не стоило ссориться из-за стечений обстоятельств, будь они намеренными или случайными.

Полицейский ушёл, оставив супругов наедине со своими мыслями. Патрульные машины, по его уверению, уже искали мальчика по округе.

Виктор с женой не могли и представить, куда мог пойти их ребёнок.

Ката предположила, что тот испугался чего-то и поехал за ней. Он вполне мог запомнить маршрут, по которому она с ним неоднократно ездила к подруге, и винила сейчас себя в том, что на этот раз поехала одна.

Возможно, мальчик был напуган, оставшись один, вышел за мамой. А сейчас должно быть совсем замерз. От этой мысли Катю вновь бросило в слёзы.

Виктор пошел искать его самостоятельно. Он не мог сидеть на одном месте, и всё время ходил кругами. Но Катю он попросил остаться дома на случай возвращения сына.

Через полчаса он позвонил, как они договорились, и сообщил, что пока никого не нашёл.

– Ты обошёл всех соседей? – рыдала она.

– Да.

Она тоже не могла сидеть без дела. Смотреть на фотографию, стоящую на комодe, где Никитке было всего десять месяцев, и фотограф изобразил его в процессе движения тельца по-пластунски, она уже была не в силах. Больше всего её пугало то, что ребёнку, возможно, сейчас было по-настоящему холодно. Температура за окном снизилась до двенадцати градусов, а мелкий дождик и не думал прекращаться.

Она вышла из дома на крыльцо и смотрела, стоя под дождем, как одна из бригад полицейских просеивает каждый куст. Она также знала, что ещё три бригады отправлены на поиски в лес, у которого находился дом.

Она стояла, прижав радиотелефон к груди и каждые пять минут смотрела на садящийся на глазах мобильник. Решив пойти в дом, чтобы его зарядить, она набрала Лене, чтобы рассказать печальную новость. Но говорить долго она побоялась – в любую минуту мог раздаться звонок с известиями о сыне.

Ката корила себя в пропаже сына, как в совершении целого ряда преступлений. Почему она не позвонила мужу, что-

бы удостовериться в том, что тот действительно едет домой? Почему не позвонила самому Никитке, чтобы спросить, как он там? Душевные переживания резали её изнутри, наградив новой проблемой. Сейчас она металась, как тигр в клетке, и не знала выхода оттуда. Она надеялась изо всех сил, что сын вышел совсем недавно и вот-вот вернется.

Ему было уже шесть. Или ещё шесть?

Она приняла успокоительное и откинула голову на спинку дивана. С закрытыми глазами и под влиянием таблетки стало гораздо легче. Она дышала глубоко и выдыхала медленно. Этого Ката насмотрелась по телевизору, и к её удивлению результат не заставил себя ждать. Пульс пришёл в норму. В конце концов, у них совершенно спокойный район, а она себе много чего способна накрутить.

Виктор пошёл в сторону леса. В руке у него светил маленький тридцати двух-диодный фонарик. Освещал он мощно и досягал даже самых высоких ЛЭП, висящих над головой при входе в лес. Их присутствие было обусловлено коттеджной стороной, в которой проживала семья Шемякиных. Несмотря на то, что дома принадлежали городской полосе г. Москвы, электроэнергия была отдельная.

Фонарь освещал совсем потемневшую дорогу, и было слышно, как потрескивают электрическим разрядом высоко расположенные провода.

Виктор знал, что Никиту ищут несколько бригад, и даже видел впереди мигающие жёлтые огоньки от припускну-

го света диодов, но искать в лесу маленького мальчика полагалось большому числу человек. По-хорошему, надо было прочёсывать полосу силами двадцати и более людей. Ребёнок мог быть напуган и вполне мог оказаться и под кустом, и на дереве. В таком случае найти его даже вдесятером приравнивалось к наименьшей возможности. Тем не менее, его искали тщательно, как только могли искать. Звали по имени и говорили фразы ласкательного характера, чтобы ребёнок доверился и вышел, если он в действительности находился в лесу. Немецкие овчарки прочёсывали хвойные и забросанные листвой и хворостом дороги, касались своим мокрым носом всех подозрительных предметов, будь то фантики и жвачки, кусочки ткани или окурки от сигарет. Команду к поиску четвероногими братьями дал старший лейтенант с фамилией Бузинов, приложив к носу каждой овчарки – всего их было три – носовой платок мальчика. Быть может, если собак спустили бы с поводков, результат был бы эффективнее, так как этим животным было бы гораздо удобнее осуществлять поиск «в свободной пробежке». Но в лесу ещё находилось большое количество отдохавших и многие боялись больших собак, как рысей, передвигающихся со значительной скоростью. Поэтому трём овчаркам приходилось буквально тащить на себе своих компаньонов и коллег по работе.

Виктор слышал своё дыхание – настолько громким и учащенным оно было. Он выкрикивал имя сына поочередно с

полицейскими, голоса которых все глубже продвигались в лес. Впереди он заметил самодельный домик, оставленный здесь, возможно, подростками; а быть может, это была конура некогда жившей здесь собаки. Чисто инстинктивно он побежал к этому домику в надежде отыскать там запуганного мальчика. Но посветив фонарем внутрь, он к своему несчастью никого не обнаружил: в деревянном строении были навалены лишь груды загнанных туда ветром листьев и мелких палок.

В какой-то момент Виктор поймал себя на мысли, что заблудился сам. Минут десять он не слышал никаких голосов, а тропинка, на которую он набрёл в начале, превратилась лишь в узкую полосу протоптанной колеи, которая впоследствии и вовсе смешалась со слежавшейся в дерюгу листвой.

Он замолчал и закрыл себе ладонью рот, чтобы стало предельно тихо. Где-то что-то зашуршало, и Виктор посветил в ту сторону фонарем – то ли птица, то ли заяц шмыгнули за дерево. А может, и вовсе показалось. Земля под ногами была влажная и рыхлая. Многие зверюшки могли выходить вдали от людей ночью, чтобы найти корм. Может, это была и белка. Тем не менее, даже взрослому человеку становилось не по себе, когда вокруг стелилась темнота, а некоторые предметы приходилось угадывать.

Благо, фонарь всё же вывел Виктора обратно на широкую дорогу, и он отчётливо смог увидеть приближающиеся к нему с разных сторон фонари. Безусловно, это шли ему на-

встречу знакомые полицейские.

Двухчасовые поиски в лесу не привели ни к каким результатам, и все участники лишь пожимали плечами в темноте.

Было решено сделать перерыв, но Виктор не унимался. Он искал Никитку до самого холодного и неприветливого из-за тумана рассвета. И только, когда совсем рассвело, обессиленный и утомлённый, он отправился домой.

В интервалах между поисками он звонил жене и сообщал об отрицательном результате, который тоже считался результатом. Виктор встретил её с покрасневшими и опухшими веками. Бледное лицо открыло всю её болезненность и буквально состарило на пять лет. Виктор был в ужасе. Он обнял несчастную жену и ещё долго гладил по волосам, успокаивая легкими прикосновениями губ.

В голове завертелся тот договор на право собственности. Откуда он взялся? Почему жена скрывала от него такое имущество?

Но её слёзы отвлекли от этих мыслей.

Больше всего на свете Виктор не переносил женских слёз. Глядя на заплаканное и багровое лицо супруги, он душил в себе любопытство на корню, а как только появлялся новый позыв, он ощущал ком в горле.

Сейчас было не время.

Сейчас было не место.

...Большинство людей живут на свете и не думают, что однажды их могут похитить. Даже во сне такого не видят, заметил? Но когда тебя похищают – это уже не сон. Это какой-то сюрреализм. Только представь:

тебя похитили. Разве можно в такое поверить?

Харуки Мураками «1Q84»

Никита сидел на краю полуторной кровати с белоснежным бельём и подушками королевских размеров. Под ногами лежал китайский шерстяной красный ковер с узорами по краям и нарисованным львом и его детенышем посередине. Идея рисунка была явно позаимствована из всемирно известного мультфильма про Короля-Льва.

Перед кроватью стоял стеллаж с парой толстых и больших томов русских сказок и машинками разных мастей.

У Никиты болела голова. Первое, о чём он подумал, что его отвезли к двоюродному брату Виталику по папиной стороне. Но тот жил в другом городе – в нескольких сотнях километров от Москвы, поэтому эта идея отпала моментально. Других мыслей в голове не возникало, и оставалось разве что только кричать.

Он вскочил с довольно высокой перинной постели и помчался к двери кремового цвета с золочёной круглой ручкой. Повернув её обеими руками, мальчик понял, что та заперта. Тогда он принялся кричать и звать маму.

Топот и трескотня не помогли.

Никто не откликнулся.

Он подбежал к окну. За белым тюлем виднелся серый горизонт неба, погода оставалась мёрзлой и дождливой. Посмотреть вниз надо было обязательно. Он залез на декоративный экран батареи под подоконником и увидел маленькие фигуры людей, шагающих глубоко внизу, да крохотные строения и машины. Видимо, высота сооружения, в котором он находился, была существенной. По бокам были видны окна соседних квартир. Он пытался открыть окно, но оно не поддавалось его маленьким рукам. Ещё раз и ещё раз, пока в отчаянии он не сел на китайский ковер и не заплакал от страха.

Последнее, что он помнил, было сопровождение человека «в чёрном» до дома. А потом... тот грубо прижал вонючую мокрую тряпку к его лицу. Глаза жгло до сих пор, а противный эфирный запах так и стоял в носу маленького мальчика.

У двери висело детское зеркало в форме динозавра. Зелёный хищник – по виду детёныш тираннозавра – весело обрамлял данное зеркало. Комната великолепно подходила для детей, но ничего радостного Никитка не ощущал. Он очень сильно волновался за маму.

Золочёная ручка завертелась, раздался характерный щелчок, и в комнату вошла девушка с тёмными до плеч волосами и азиатской внешностью. Губы её были подведены красной помадой, глаза с поволокой выглядывали из-под век, а

тёмный костюм, в который она была одета, украшался красными квадратными карманами под цвет помады. Мальчик попятился, но девушка заулыбалась и протянула ему свои длинные руки с нарощенными ногтями. Никита зажал обе руки за спиной. Незнакомка развернулась и подняла стоявший у двери с другой стороны поднос. На нём виднелись булочки с колбасой и хлопья с молоком. При виде всего этого желудок мальчика заурчал и завибрировал. Но характер не позволил приблизиться к подносу – ноги, наоборот, вросли в пол. Он посмотрел на вошедшую искривлённым от ненависти и злобы взглядом.

– Где моя мама?

Голос казался грубым и измученным. Женщина же, напротив, продолжала улыбаться, как будто ничто человеческое её совершенно не смущало. Она лишь только попятилась назад, как услужливая гувернантка, и закрыла за собой дверь.

Когда мальчик подбежал к выходу, дверь щёлкнула характерным звуком и уже не поддавалась. Тогда он начал бить её ногами и плакать, что есть сил. Но за стеной не было слышно и шага.

Он сел на край кровати. Голова болела и раскалывалась, как если бы он ударился обо что-то с неистовой силой. Такое уже случалось: он бегал во дворе за девочкой и со всего размаху налетел на собственного товарища. После случившегося оба разразились слезами от гнетущей и резкой боли. Всё

закончилось двумя шишками и фингалами по разные стороны лица. В насмешку дети прозвали их «Фонарями».

Но сейчас ушибов не было, шишек и синяков тоже. Это Никитка видел в «тираннозавровом» зеркале.

Он аккуратно подошел к подносу и схватил разрезанную пополам булочку с торчащим из нее толстым куском докторской вареной колбасы.

Как же вкусно было! Посреди оказался ещё и свежий огурчик с майонезом. Мечта после такого голодного перерыва. Сколько же он проспал? Сколько сейчас вообще времени?

Часов нигде не было, так же как и телефона, по которому можно было набрать три цифры – 100 и узнать точное время.

Он разложил оставшиеся две булочки на одинаковом расстоянии друг от друга и не тронул хлопья с изображением медвежат. Всё должно было лежать так, как будто он ничего не трогал.

Спустя какое-то время в комнату зашел тот самый незнакомец «в чёрном», который повстречался ему по дороге домой.

Сейчас на нём был надет светлый шерстяной свитер с синтетическим волокном, торчащим наружу, – от этого свитер казался теплее. Брюки по-прежнему были чёрными, а вместо обуви ступни обтягивали серые носки.

– Где моя мама? – мальчик опять повторил вопрос. Его, как обычного ребёнка в любой похожей ситуации, ничего кроме этого не интересовало.

– Твоя мама дома. С ней всё в порядке.

– Кто вы?

Лицо незнакомца засветилось, но показалось Никите наигранным, как и у предыдущей приходившей.

– Мы не причиним тебе зла. Ты скоро вернёшься к маме... и к папе, – после непродолжительной паузы добавил незнакомец.

– Что вам нужно?

– Ничего! – как отрезал мужчина. – От тебя совершенно ничего не нужно. Он посмотрел на недоеденный провиант на подносе и добавил:

– Ну, если только ты будешь плохо питаться, то родителей ты увидишь нескоро. – Лицо его при этом стало жёстким и непроницаемым.

– Когда я увижу их?

Голос Никитки задрожал и практически сорвался на последнем слове.

Незнакомец засунул руки в карманы, подвигал ступнями взад и вперед, осмотрел комнату и вышел за дверь, успев при этом ответить:

– Скоро.

Мальчика душила несправедливость. Почему они ничего не рассказывали? Что им от него надо? Как сейчас чувствуют себя родители? Эти и другие вопросы грызли его изнутри, выворачивали мысли наизнанку и прибавляли бешеного пульса его маленьким рукам и груди. Надо было выбирать-

ся отсюда! Надо было бежать и наподдать этим похитителям за их дела!

– Ты сказал, что это ненадолго. А мы держим его уже сутки! Где уверенность в том, что этот твой инженер объявится? Он не доступен уже четыре часа!

– Угомонись и не визжи над моими ушами!

Мужчина в светлом свитере подошел к кухонному окну и поглядел в него, будто стараясь уловить за прозрачным стеклом что-то необычное.

Шёл дождь. Над серой и грязной школой, что стояла перед самым их домом, нависли бесконечные, многослойные и такие же серые облака. Дождь шел мелкий и холодный. Он скатывался мелкими каплями с козырька и окон, тем самым брал на себя ответственность за сегодняшние планы жителей города – детские площадки были пусты, тротуары стелились под ногами бегущих от мерзлоты прочь путников, а транспорт застыл на дорогах из-за недостаточной видимости. Кажалось, что дар природы даёт её детям передышку для обдумывания ценностных вещей в их собственных квартирах и домах.

Но похитителю мальчика эта передышка была совсем ни к чему. Он ждал активных действий, и ему было плевать на какой-то там дождь. Пошел бы сейчас снег или град – ему было бы тоже всё равно. Главная мысль сидела у него в голо-

ве и терзала с каждым новым передвижением стрелки. Чем больше проходило времени – тем меньше шансов у них оставалось быть незамеченными. В конце концов, ребенок может кричать без остановки, и соседи вызовут полицию. Отвезти мальчика в загородный дом мужчине не представлялось возможным. Поэтому оставалось лишь ждать вестей. Но подруга его явно начинала раздражаться – ещё чуть-чуть, и она откажется от этой затеи и вовсе. Женщины склонны поддаваться эмоциональному напряжению и совершать необдуманные поступки. Он обещал ей, что мальчика заберут ещё рано утром, но телефон Кирилла молчал.

Три дня назад тот был очень активен и задаток за сопливица оставил существенный. Обещал забрать его побыстрее, а тут, как в воде испарился.

Надо было что-то решать, иначе по ним заплачет тюрьма, в которой он был однажды и возвращаться совсем не хотел. Но пока, раз уж всё случилось так, как случилось, он видел одно решение проблемы – утихомирить свою девушку лаской и любовью – женщины от этого закрывают на недовольства глаза. Она, в свою очередь, обладая природным и собственным ей, как любой другой женщине, материнским магнетизмом, угомонит ребёнка.

Он развернулся и подошёл к ней со спины. Взял за плечи и начал поглаживать их, массируя одновременно так, как ей это нравилось. На ушко он прошептал ей ласковые слова – те, от которых она приходила в восторг, и её узкие восточные

глаза обрели долгожданный блеск; губы растянулись в улыбке, а под сильными мужскими руками нащупалась упругая грудь. Он сжал её нежно и сильно одновременно— теперь она была в его власти и желала своего искусителя так же, как и он сейчас желал её. Она подалась вперёд и позволила гладить её везде.

Она сходила с ума, когда он задирает её короткую юбку и ласкал языком её бедра, так страстно сжимая и разжимая их.

Когда все закончилось, она застегнула помятую блузку, натянула стрейчевую юбку и протёрла ватными тампонами размазанные от черной карандаш и тушь .

Ей действительно стало легче.

Она села напротив него и закурила длинную, тонкую сигариллу. Вдохнув в себя ядовитый сладковатый дым, она почувствовала пульс в своих собственных ушах, потом бытовые звуки утихли, и она растворилась в пришедших, наконец, спокойствии и тишине, которые продолжились предательски короткое время.

Потушив почти половину сигариллы (она никогда не курила больше) о декоративную пепельницу, она услышала вновь истошные крики и стуки в дверь соседней комнаты. Переглянувшись со своим партнёром, она встала, предварительно вздохнув, и направилась в детскую.

Когда-то здесь тоже жил ребёнок и ему, наверняка, было тут уютнее, чем пленнику. Эта квартира принадлежала её покойной знакомой – та погибла в автокатастрофе со всей

семьей. Первым отключился муж, на него пришёлся основной удар слева несущейся на всех оборотах фуры. Его жена умерла второй от потери крови и болевого шока, который не мог не сопровождаться естественным страхом и беспокойством за семью. Последним погиб мальчик – он единственный жил ещё два часа с момента обнаружения их случайными водителями, – но скончался в больнице от множественных переломов.

От подруги остался ключ... Та дала его, как соседке и просто хорошей знакомой, чтобы в отсутствие хозяев квартира была под присмотром.

Никто бы не смог предусмотреть ситуацию, в которой сейчас оказалась эта красивая женщина необычной внешности.

– Диана! – окликнул её обожатель. – Будь с ним поласковой.

И она повернула ключ, чтобы войти.

В то же мгновение дверь ударила её по лицу со всей силой. Мальчик выбежал из комнаты и, окинув своего похитителя испуганным и взъерошенным видом, помчался к входной двери, как будто заранее знал, где она находится. В мгновение ока он повернул торчащий в замке длинный металлический ключ и оказался на лестничной площадке. С истошными криками о помощи он начал метаться по коридору, как раненный и загнанный зверь. Нажатая кнопка лифта засветилась красным огоньком, но тот не поднимался. Или поднимался, но очень медленно.

Мальчик прижался к окну на площадке и испачкался о замызганный пепельный подоконник.

Диана схватила его и зажала рот эфиром, который успела брызнуть на выходе. Баллончик стоял у входной двери и предполагался для выхода с мальчиком из квартиры, когда за ним приедут, чтобы отвезти в неизвестное ей место. Никто не предполагал, что ребёнок окажется таким приткким и сможет улизнуть сам.

Никитка почувствовал надвигающуюся слабость и сник в руках девушки. Та тут же потащила его по лестничной площадке на свой страх и риск. Его вопли могли слышать соседи и того хуже – могли смотреть на них сейчас в свои глазки. Ей явно не льстило такое повышенное внимание, поэтому, как только она затащила ребёнка в квартиру и положила его аккуратно на ковер прямо в прихожей, сразу схватила сумку и исчезла из виду, окатив своего любовника животным агрессивным взглядом. Она надеялась, что их никто не видел, но сдвинула на всякий случай длинную чёлку так, что та закрыла лицо.

Дверь хлопнула, и мужчина оказался один на один с бездвиженным телом.

В этот момент раздался звонок, и он заулыбался, увидев на экране мобильного нужный ему номер телефона.

– Иван, – заговорил с ним голос, – возникли непредвиденные трудности. Ребёнка у вас заберут через пятнадцать минут.

Далее последовали короткие гудки, и мужчина понял, что ответа от него и не требовалось.

Он познакомился с Кириллом Левиным в социальной сети. Просто невероятно, что в такого рода источниках можно отыскать кого угодно.

Хотите познакомиться с очаровательной девушкой – зарегистрируйтесь на одном из распространённых сайтов!

Хотите найти друга – зарегистрируйтесь на одном из таких сайтов!

Главное – хотеть.

Но ко всему прочему, у Левина оказался знакомый психолог и графолог.

При встрече с пятью из выбранных Левиным в социальных сетях людей и тот и другой сделали заметки в присутствии Кирилла и попросили их пройти удручающие (из-за продолжительной траты времени), но эффективные тесты.

По почерку оказалось нетрудным определить «стремление и склонность» Ивана заработать необходимые ему средства любыми способами.

Оказывается, наличие прямых, косых или закругленных букв свидетельствует о многом. Пишет ли человек мелкие буквы или, наоборот, крупные – графологи знают о том, как вычислить предрасположенность к тем или иным действиям.

Интересно то, что из пяти кандидатов, которые «смогут» продержат чужого ребёнка в неволе, один да нашёлся.

Психолог долго сомневалась в нужном кандидате, так как четыре совсем не подходили для того, чтобы молча выполнить задачу и забыть о ней раз и навсегда. Но Иван всё же оказался тем самым «негодяем».

Потенциальным.

Но и этого было достаточно. Лёгкий заработок, да и дело «не мокрое».

Всё, что от него требовалось, – это незаметное похищение ребёнка на машине без номеров и передержка его не более пяти часов.

Прошло десять...

Но наконец-то мальчика забирали, и после этого звонка Иван вздохнул с облегчением. За подругу он не волновался – знал, что та появится, когда успокоится. Даже был рад, что не пришлось прикладывать эфир к носу ребёнка самому.

В дверь позвонили. Иван увидел в глазок женщину – на ней был повязан платок, а в руках она держала детскую прогулочную коляску. Иван сразу смекнул, что к чему.

– Ты мой сладкий карапуз, – промурлыкала женщина и подхватила буквально спящего шестилетнего мальчика с пола прихожей. Всё это время он пролежал там. Ребёнок, несмотря на свой возраст, оказался тяжёлым, и Иван не мог не удивиться тому, что за ним приехала женщина. По правде сказать, его это мало интересовало, тем более что он выполнил свою работу – даже, можно сказать, переработал. Но тем не менее, возможно, это была его мать, и мало ли по какой

причине понадобился весь этот цирк – вмешиваться в это не входило в обязанности мужчины.

Женщина сама усадила мальчика в коляску и пристегнула ремнём в области живота. Каково же было удивление Ивана, когда он увидел ещё один ремень, приделанный на уровне плеч ребёнка. Им она пристегнула , чтобы ребёнок сидел ровно и выглядел спящим.

Сверху она накрыла его голубым одеялом в белую клетку так, чтобы второй ремень не был заметен. Не сказав более и слова, она удалилась к лифту, продолжая говорить ласковые материнские любезности:

– Уснул мой мальчик, уснул мой принц.

Когда женщина спустилась на грузовом лифте к ожидающему её чёрному джипу, она сама развязала мальчика и уложила его на заднее сидение. Кто-то, проходя мимо, слышал, как она говорила:

– Сейчас мы доедем домой, и ты ляжешь в свою кроватку.

28.

*Если кто-то лижет тебе подошвы,
прижми его ногой, прежде чем он начнёт кусаться.
Поль Валери*

Сергей Хорин сидел в своем любимом кресле-качалке и пил апельсиновый сок. Он покачивался из стороны в сторо-

ну и читал не самую презентабельную газету, но, тем не менее, достаточно почитаемую средним классом людей. Раньше он таких газет не читал и даже представить себе не мог, что каждое утро начнёт покупать эту жёлтую прессу. Он отлично понимал, что дыма без огня не бывает, и что даже в самой неправдивой статье найдутся реальные подоплёки.

Но в жёлтой прессе все было преувеличено, дабы казаться скандальным и эпатажным. Вот и сейчас он читал про нецензурные, как ему казалось, отношения детей первых лиц государства.

Взгляд скользнул ниже, и перед глазами возникла новая статья: «Любовница Жеребцова больна раком».

Чуть не подавившись от прочитанного, он схватился за телефон и набрал номер, по обыкновению записанный им на листочке. Но звонок перехватили, и вместо исходящего вызова Сергей увидел входящий. На дисплее высветился номер и имя Екатерины Шемякиной. Выдур из себя лихорадочный темп сердцебиения, Сергей ответил в надежде, что та звонит совершенно по другому вопросу и ещё не видела выпуска газеты «Жизнь и штучки». И если это так, то Господь даёт ему явный шанс, – он лично поедет к её дому и выкупит все экземпляры этой чёртовой газеты из близлежащих ларьков.

«Сколько их там: 2–3 десятка...?»

А может быть, она звонит совершенно по другому вопросу. Что было бы чудом...

Но чудеса, как и предполагалось, не произошло.

– Как такое возможно!?! – буквально взревел голос на том конце трубки. – Как эти безжалостные журналисты узнают обо мне? Я ни с кем не общалась!

Прошу вас!

Помогите мне избавиться от этого позора!

Сергей вздохнул. Самые негативные последствия взятого им дела, мягко говоря, вводили его в тупик.

– Мы ищем журналиста, который причастен ко всему этому, ищем. Нам трудно, но мой человек обошел уже весь центр Москвы – и это только начало.

Ничего более вразумительного Сергей ответить не мог. Ему платили за эту работу по-настоящему большие деньги и уваливать объяснениями было бы нелогично и невразумительно, тем более что он разговаривал с женщиной, которая ему была по-человечески симпатична...

Кем он ей был? Да никем. Но когда дело касалось трудных моментов, в коих Хорин заслуженно получал положительные отзывы, не было смысла противиться обстоятельствам.

Раз принялся за дело – закончи его как следует.

Сергей не винил в произошедшем Алексея. Тот доложил ему обо всех результатах поиска и даже умудрился простудиться, работая сыщиком. Поэтому действовать надо было самому – так всегда надёжнее.

Сергей тут же добыл в интернете юридический адрес газеты «Жизнь и штучки» и решил поискать Лукаса Белого

у издательства.

Он подъехал к нужному офису через два часа и решил понаблюдать за всеми, кто входит и выходит из здания. Изначальная идея искать человека чуть ли не по фотороботу, казалась ему теперь утопичной.

Возможно, это бы сработало, если бы в поиске было задействовано больше людей, но одному было, конечно, не справиться.

«И отчего этот Лукас такой скрытный? Значит, есть за что. Лить грязь на людей и выдавать их секреты – любой захочет отомстить. Как-то нелогично в таком случае называть себя Белым, когда по сути подходит оттеняющий цвет.»

О том, как выглядит журналист газеты «Жизнь и штучки», Хорин узнал от своих коллег. Одному из них посчастливилось встретиться с этим инкогнито и отсудить для него целый дом. Конечно же, тот самый дом и явился зацепкой, по которой Сергей отправился искать нужного ему человека. Но, к сожалению, у той недвижимости оказался новый хозяин, который слыхом не слыхивал о предыдущем. Это поставило руководителя адвокатской коллегии в тупик, но отказываться от взятого дела, пускай и перечившего его обыкновенным обязанностям, он не намеревался. Пришлось, правда, тащить того самого коллегу к знакомому полицейскому для составления фоторобота. Пока идея казалась не удачной.

Прошло два часа, когда Сергей увидел кого-то, очень похожего на фоторобот. Молодой мужчина спускался по бес-

численными ступеньками офисного здания. На нём был серый костюм, из-под которого была видна голубая рубашка с синим, в полоску галстуком. Аккуратно стриженный и нахмуренный, он стремительно спускался по ступенькам, застегивая на ходу пиджак.

Сергей быстро поставил кофе в подстаканник и еле успел завести машину, когда подходящий по параметрам объект уже сдвинулся с места на не приметном, такого же серого цвета, как и его костюм, автомобиле. Следить было практически невозможно. Серенький «Фиат» все время «играл в шашки на дороге» и явно куда-то торопился. Сергей проскочил на красный свет, стараясь успеть за автомобилем, и, догнав его через двадцать минут на светофоре, дал знак водителю остановиться.

Конечно, никакой гарантии того, что «Фиат» не проедет мимо, не существовало. Как и гарантии того, что водителем был Лукас. Но, видимо, журналистская проницательность и любопытство взяли верх, и машина припарковалась сразу за автомобилем Хорина.

Внешне её водитель оказался на порядок выше, чем предполагалось ранее – он встал рядом с Сергеем, и разница в росте составила десять сантиметров, что не могло не огорчить Хорина как мужчину, ведь ему предстоял довольно-таки серьезный и местами воспламеняющий разговор, – по крайней мере, он себе его так представлял, выискивая всевозможные комбинации для успешного налаживания контакта. А коро-

тышкой в сравнении с оппонентом, Сергей чувствовал себя, как минимум, неуютно.

Он распрямился и повертел шейю вправо и влево, как готовящийся к схватке зверь, но на самом-то деле он совершил нехитрые похрустывания суставами. Так как из-за долгого просиживания в машине его шея стала каменной и грузной, поэтому потребовалось её размять.

– Чем могу помочь? – осведомился водитель «Фиата», скептически давая понять, что удивлён встрече с незнакомцем.

– Мы могли бы поговорить в более подходящем для этого разговора месте?

Они стояли посреди трассы, и машины со свистом проносились вперёд. У Сергея появилось подозрение опасности простаивания на обочине.

Тайным знаком того, что им следует поговорить в безопасной и менее шумной для этого обстановке, послужил неожиданно образовавшийся над головами мокрый занавес, который застучал по мужским плечам накрапывающим и противным оттого дождиком. Небо стало серым и полетному грозовым, обнажив свои тонкие, местами багровые перьевые облака. Они виднелись какое-то время в небесном пролёте, но вскоре слились в серую и густую массу дождевых туч.

Представлять суть встречи стало сложнее, и Сергей настоял проехать вместе в какое-нибудь уютное ближайшее кафе.

– Ну, хорошо, – согласился его новый знакомый, – я обещаю в «Фортуне». Знаете это место?

Сергей засветился от счастья. Сомнений в том, что перед ним стоял Лукас Белый, не было.

– Я последую за вашей машиной – ответил он.

Через пятнадцать минут двое чинно попивали китайскую «байчу», что на более понятном языке означало белый чай.

Мужчина напротив Сергея выглядел самодовольно. Казалось, он привык к особому вниманию к своей персоне и к тому же, как далее узнал Хорин, в силу преобладающих в его организме женских гормонов, вел себя по-свойски задиристо. В его облике чётко читались мужское и женское начала, как бы соединяющие стандартизированные черты характера. Попросту говоря, он вел себя, как гей.

– Что вам нужно от Лукаса? – напыщенно поинтересовался он.

И свойственная брутальному мужчине брезгливость – а именно таковым Хорин себя и считал – сменилась вновь радостью и даже восторгом.

«Он нашел его!

Так скоро!

Вряд ли перед ним оказался бы ещё один человек, носивший столь редкое имя – Лукас.»

Между тем, тот начал флиртовать и хлопать глазами, как

будто находился на свидании.

Сергею даже стало душновато при мысли, что в китайской закускойной (а именно таким и оказался кафе-ресторан «Фортуна») слегка приглушенный свет, как бывает при романтической обстановке. Да и музыка из динамиков сочилась чересчур бальная. Он собрал волю в кулак и зарядил заученной накануне фразой:

– Скажу прямо – я здесь по делу, – потом расслабился и глотнул горячего, почти безвкусного напитка.

Журналист слегка осклабился, и его лицо изменилось в области подбородка. Тот слегка приподнялся. Лукас был весь во внимании – и его подбородок только что доложил об этом Хорину.

– Я не знаю, с чего начать...

– Начни с самого главного.

Сергей почесал бровь. То ли мысль куда-то улетучилась, то ли без более крепкого напитка в заведениях подобного типа он меньше соображал.

– Ваши статьи...

– Про кого?

– Про предпринимателя.

Хорин посмотрел вопросительно на журналиста, стараясь прочесть понимание того, что он сейчас до него доносит.

– А. Про Жеребцова что ль?

Сергей вздохнул.

«Нашел, нашел его-таки».

– А что такое, пупсик? Шрифт не понравился? Так я тебе в электронном варианте перешлю, покрупнее. Не со своей почты – ты не надейся – с общепользовательской.

Сейчас Сергею показалось, что он стоит в вагоне метро – душном, забитым буквально пропотевшими и уставшими рабочими; в вагоне, который застрял меж двух перегонов и никак не сдвинется с места. Тяжесть происходящего нависла над ним в этот момент. Но он отлично понимал, что сидящий перед ним человек считается в малых кругах натурой чувствительной и амбициозной. Одно неверное слово, и он уйдет от него навсегда.

«И как его только угораздило вмешаться в это перемалывание костей.»

– Послушайте, я человек деловой и привык решать проблемы деликатным и общедоступным образом. Я скажу прямо – я готов заплатить вам вот эту сумму денег, – он протянул белый квадратный конверт Лукасу, – только лишь за одно совершенно незначительное одолжение.

Я прошу вас больше никогда, ни под каким предлогом надвигающейся сенсации для передовицы, не писать о ком бы то ни было, кто так или иначе связан с Жеребцовым Сергеем.

Он положил конверт на бамбуковый коврик, что лежал на столе прямо перед удивленным журналистом.

Эмоции, которые поселились сейчас на лице Лукаса Белого, были сравнимы с нарисованными карикатурами художников комиксов – рот перекосялся, а глаза вытарацились и

буквально вылезли наружу. Он дотронулся до конверта и заглянул аккуратно внутрь.

Деньги всегда всё решали, деньги всегда за тебя передумывали различного рода ситуации.

Заприметив крупные пятитысячные купюры, Лукас прикрыл конверт и затарабанил пальцами по столу.

– Я – человек высокого полёта, – заявил он без лишней скромности, задрав патетически нос.

«Такого рода поведение присуще и метросексуалам. Может, он не гей?»

– Я зарабатываю честным и достойным путем. Вы даёте мне высокую зарплату, а я даже не знаю вашего имени.

– Ох, оно вас не должно тревожить, – подходящим его манере голосом сказал Сергей, – мое имя такое же честное, как и ваше. Но я согласен, без видимой причины от непонятно кого денег не получают.

– Сергей Хорин. – Я – начальник адвокатской коллегии. – Он протянул руку, опустив при этом кисть ладонью вниз. Таким образом, Сергей показал свое доминирующее положение.

Где-то он это читал... Партнёр такому жесту отвечает противоположным жестом – протягивает руку ладонью вверх, что, по мнению психологов, говорит о его внутреннем согласии подчиниться.

Обыграть такой жест можно, но не все знают, как.

Видимо, Лукас Белый знал, как его обойти, или просто

ответил в своей творческой манере – он положил кисть своей второй руки поверх руки Сергея. Да так, что последний тут же захотел оттянуть её назад.

– Знаете, я даже не стану спрашивать, зачем вам это надо. У серьёзных людей всегда серьёзные причины.

Он встал, забросил на плечо сумку и взял конверт.

– Погодите, – крикнул уже вслед ему Сергей, – кто вас нанял?

Лукас завертел корпусом, как будто пританцовывая.

– Для ответа на этот вопрос никаких денег не хватит, – заёрничал он.

Хорин засомневался в правильности того, что он так быстро предложил деньги.

– Я должен быть уверен, что ни одной статьи о Жеребцове я больше не прочитаю.

Одновременно с этой просьбой Сергей всё же намеревался разузнать, как этот журналист узнал об отношениях Жеребцова с Шемякиной и почему написал об этом только сейчас?

Он подошёл к нему вплотную и повторил свой первый вопрос смелым угрожающим тоном.

– Говори сейчас же, мелкий ублюдок! – прошипел он, задрал галстук Лукаса к его подбородку.

Глаза мужчины забегали, а рот скривился от недовольства. Глаза закрылись, и Лукас приготовился к удару.

– Говори, мразь! Я заплатил тебе!

Лукас приоткрыл рот и проскрипел сжатыми от страха зубами.

Когда же Хорин затряс того со всей силой, он буквально пропищал, что после того, как Жеребцов угодил в тюрьму, один из его партнёров воспользовался случаем и начал под него копать. Возможно, и не обошлось без личного разговора с самим Жеребцовым, так как о том, что тот когда-то купил дом некоей любовнице, знал только он сам. Подробностей того, как из Жеребцова вытянули такую информацию, Лукас не знал. Лишь догадывался, что без угроз не обошлось.

Но заказ есть заказ.

Надо было написать о некогда успешном бизнесмене и указать как можно больше «чёрных подробностей». Было понятно, что заказчик ждал от газеты распространения плохой репутации Жеребцова Сергея.

– Как я могу быть уверен, что ты не посмеешь написать больше ни одной статьи об этом? – свирепствовал не на шутку разозлившийся Сергей.

Лукас смолчал.

– Доставай паспорт и пиши.

Тот замешкался.

– Зачем мне рисковать? – ответил ему Лукас – Вы же знаете, где меня найти.

– Доставай паспорт и пиши! – зашипел вновь Хорин.

А потом, держа одной рукой за галстук, вытряс содержимое сумки «своего нового товарища» на стол.

Паспорта там не оказалось.

Тогда он начал шарить у Лукаса в карманах. И во внутреннем обнаружил то, что искал.

Известным блогером оказался Леонид Белов.

Ухмыльнувшись своей собственной удаче, Сергей отпустил неприятеля и пролистал документ до странички с адресом.

– Теперь я знаю, где ты живёшь, шлюха.

Последнее слово отразилось обидой на лице журналиста, но он сдержал эмоции.

Драться он не умел.

Хорин достал из портфеля листок бумаги и ручку.

– Пиши своими словами: Я, Леонид Белов, он же известный всем Лукас Белый...

И далее испуганный Лукас принялся за письмо, красиво выводя каллиграфические буквы, которыми он изложил, как соглашается перестать писать статьи о Жеребцове Сергее и всех других участниках скандала под угрозой попасть под статью 128.1 УК РФ «Клевета», которую он уже нарушил.

После Сергей швырнул ему паспорт в лицо и навсегда распрощался с неприятным ему человеком.

29.

Рвота подступала к горлу, и непривычное состояние бурлило в ослабевших тканях шестилетнего организма; посту-

кивало о нервные окончания и заставляло сидеть если не прямо, то хотя бы ровно, дабы сдержаться и уравновесить нагнетавшее побочное действие неизвестных кислот. Правда, удержаться получилось ненадолго, и Никита всё же запятнал пахнущий кожей, – оттого что новый, – салон общеизвестного автомобиля.

– Ах ты, гаденыш!

Подзатыльник отбился о ладонь водителя, который не поленился и отвлекся от дороги; остановился и был полон решимости вытолкать ребёнка с его новой «мамой» подальше от своего «Кашкая». Боясь рецидивных позывов, мужчина выволок и так окосевшего от страха и ужаса мальчика наружу, поддерживая того, как бессознательную собачонку. Женщина, забравшая Никитку два часа назад, не благоговела над «пасынком», как делала это недавно, забирая его из квартиры, а наоборот, трясла мальчика со злостью – видимо, старалась искоренить его внезапное плохое поведение. Которое, к слову сказать, оправдывало Никиту как жертву «занаркозенного» до предела мальчика.

Дорога в никуда продолжилась ещё с двумя похожими остановками и, наконец, заветвляла, давая возможность снизить обороты и слегка покачиваться посреди неизвестного соснового бора. Мальчик почувствовал прилив свежего воздуха, и ему стало гораздо легче, несмотря на то, что душу грызла изнутри стая собак, тоскливо и страшно подвывая время от времени.

«Кашкай» подкатывал к бревенчатому дому, перед которым стояли в ряд несколько пушистых зелёных ёлочек – декоративных и постриженных чуткой рукой садовника. Между ними находилось углубление с чёрными, недавно выкрашенными в неприглядный цвет, воротами. Посреди висело железное кованое кольцо. Возле ворот висел белый, не замызганный пока от дороги звонок.

Женщина позвонила в него, провожая взглядом случайного водителя. Никитка стоял неподвижно-тихо и ненавязчиво пошмыгивая носом. Он, казалось, успокоился и готов был вести себя так, как хотела эта странная женщина.

Близко послышались шаги, и ворота скрипнули, обнажив перед собой зелёный простор внутреннего сада с постриженным газоном.

– Ну, наконец-то, – пропел Кирилл при виде шестилетнего мальчика. Я уж думал, что вы не приедете. Жена совсем не даёт мне с ним видеться, – улыбнулся он в сторону мальчика, – я поэтому нервничаю каждый раз, когда тот опаздывает.

Никита не повел и ухом.

– Скорее проходи в дом, Никита, – напутствовал ласково Кирилл.

Мальчик послушно поплёлся вперёд, не поднимая головы и не оглядываясь.

Он невероятно устал. Груз событий отбивался колкими ударами у него в голове. Сейчас он хотел спать. Чтобы ни

происходило за последние два дня, он воспринимал это с равнодушием и небывалым терпением. Он просто хотел спать.

А утром придёт другое понимание, потом придёт светлая мысль. Мама всегда говорила ему: «Кто рано встает – тому Бог подает. Ранняя пташка получает лучшего червячка...»

Мама. Папа...

Они оба ему это говорили. И даже несмотря на то, что папа всегда много работал и мальчик видел его редко, он вспоминал сейчас его светлые и полные любви глаза – узко поставленные, с настойчивым взглядом и такие далёкие от него сейчас. Ему было стыдно и страшно за них обоих, – он страшно боялся, что его жестоко накажут за то, что он исчез. Он боялся реакции отца, боялся его глаз, слов... но даже при всём при этом, мечтал сейчас быть наказанным и запертым от всех глаз в собственной комнате, где пахло родным, жизнерадостным и любимым...

Кирилл поблагодарил женщину и передал ей в качестве благодарности два пакета, доверху набитых продуктами. Внутри лежали батоны дорогой сырокопченой колбасы, консервы и сыры. Мясо кур, индейки и свинина находились в отдельном пакете; овощи и фрукты в другом. Ещё в отдельном пакете пестрили самыми дорогими брендами шоколадки и газировка для детей.

Он знал, что такие, как она, возьмут и едой. Продукты пригодятся – всё купленное накануне женщина ела редко и

не могла позволить так питаться своим четырем детям. Приличное мясо она не покупала. Даже продавцы на рынке не скрывали того, что та или иная курица может быть «слегка» просрочена. Женщина знала, что в таком случае её замачивали в уксусе и снова выбрасывали на прилавок.

Но в жареном виде было съедобно. Детям нужен белок.

Она сняла с себя шарф, который повязала накануне, и протянула его Кириллу, но тот её остановил.

«Жалкое создание», – подумал он про себя и просто закрыл перед носом дверь.

Каждый получил всё, что хотел.

Женщина постояла ещё какое-то время перед воротами и поплелась по тропинке обратно, к проезжей части, желая выяснить у прохожих о ближайшей остановке.

Когда-то её ребёнком выбросили на улицу и заставили выживать. Родителям, любившим приложиться к бутылке, не было и дела до сопливого и орущего чада, поэтому она прекрасно понимала, что надо вертеться любыми способами и лишь один всегда проигрывал – когда надо было довериться взрослым. Тем не менее, она была чертовски благодарна приютившему её когда-то дядечке, как все его ласково называли, который организовывал таким, как она, выездные бесплатные обеды и даже дал крышу над головой. Условие было одно – приносить в дом продукты или деньги поочередно с соплеменниками. Бывало, он бил ее, когда денег оказыва-

лось меньше заявленных накануне. В эти дни она не получала ужина и спала на полу. Подобное наказание было для всех попрошайек Казанского вокзала. Она никогда не понимала борьбы за судьбу пропавшего ребёнка, листовки с изображениями которых висели в здании вокзала и на столбах за его пределами. С детства привыкшая к тому, что дети – это обуза, из которых при желании можно слепить рабочую силу, эта женщина не испытывала жалости ни к себе, ни к своим детям.

Потому что работать должны были все.

Все.

Левин знал – таких на вокзалах очень много. Были, конечно, и те, кто за еду не согласится ни на что и даже лицемерно отбросит подброшенный кусок хлеба с маслом. Но люди разные. Одни побрезгуют – другие согласятся.

Придуманная Кириллом история о несложившихся отношениях между матерью и им, отцом мальчика, женщину на самом деле не интересовала. Но легенда была нужна, как запасной вариант на случай отказа попрошайки сработать чисто. Иначе в любой момент она могла передумать, положившись на материнский инстинкт.

Довольная и уставшая, женщина заглянула краем глаза в тяжёлые пакеты и обрадовалась дорогому шоколаду, что лежал между колбасами и банками с соленьями – её сорванцы

сегодня порадуются.

Прихожая повисла высоким потолком над темнеющей из-за тусклого света головой мальчика. По стенам, ведущим наверх и ветвящим по мере изгиба лестницы, красовались картины. Они висели V-образным силуэтом – как будто точная рука дизайнера развесила их там, очертив над головами аккуратные пропорциональные расстояния разных размеров: от стандартного 10×15 до 66×22. Красивые репродукции картин с женщинами разных эпох смотрели на мальчика. Как будто позировавшие в сей момент, они казались ему живыми и загадочными. Те, что смотрели на Никиту сверху вниз, были романтичными и пугающими его одновременно. В основном то были женщины с карими глазами, а он их отчего-то боялся, будто видел в них чёрное начало; в светлых же, наоборот, все было понятно – лучезарные и открытые глаза не пугали его. Но настораживали все девять – ровно столько было их на стене, ровно столько женщин смотрели на ребёнка внимательными глазами, изучающими и чарующими.

Видимо, Кирилл Левин был любителем женских душ, раз решил украсить лестничный пролет исключительно девичьими силуэтами. Все они были молодыми барышнями: пышногрудые и изящные, аристократичные и помпезные, скромные и с невинным взглядом. На всех можно было смот-

реть с интересом и стараться разгадать их потерянный в красках внутренний мир. Чего они хотели, когда позировали? Что любили читать или не любили совсем? Откуда они приехали, и где их родимый дом? Сколько им лет, и какого они слоя общества? Среди них были репродукции Рембрандта Саскии ван Лейвенбург с её изящной шляпкой, закинутой на бок, и чарующими ямочками на щеках; А.П. Струйской художника Ф.С. Рокотова – абсолютно очаровательной, свежей и чистой в силу своего возраста; портрет М.А. Дьяковой, выполненный Д.Г. Левицким, с нежной улыбкой и синими глазами, прихотливую в стиле, но открытую для внимания мужчин; современный по сравнению с этими тремя портрет Коко Шанель, что висел третьим справа и являлся связующим звеном своего рода «клина». Коко выглядела успешной и красивой, как грациозная пантера, с её жемчужными бусами за спиной. За ней висела картина с изображением Клеопатры – обольстительницы Юлия Цезаря и Марка Антония – и в первом, и во втором случае художник не давал о себе знать и спрятал известную формальность. Снизу вверх поднимались портреты Орлеанской Девы с широко поставленными глазами и миниатюрным подбородком; Мэрилин Монро с алыми сексуальными губами; принцессы Дианы и, наконец, портрет М.И. Лопухиной В.Л. Боровиковского – из всех красавиц на картинах самой юной и загадочной.

Абсолютно не похожие друг на друга ни эпохами, ни внешними данными эти женщины манили вошедшего своей

скрытой силой и очаровывали внешней нарисованной красотой. Любой вошедший в этот дом гость мог по достоинству оценить их портреты – окажись тем вошедшим женщина и мужчина.

Другое дело было расхваливать внешние данные маленькому мальчику. Для него – ещё совсем несмышленного и поэтому далекого от искусства человека – было невдомек ценить этих женщин. Отнюдь, они его пугали, и всё, что он мог себе воображать, так это хождение этих странных особ по ночам – он так и видел в своем детском сознании картину, ошеломляющую его изнутри: девять женщин начинают переглядываться друг с другом, когда хозяева дома погасили везде свет и отправились на покой. Потом они выходили из своих портретов и устраивали в гостиной, в которой он, к слову, сейчас стоял, чаепития. От такой будоражащей фантазии у мальчика пробежали мурашки.

Он оглянулся на Кирилла, в надежде понять, что ему прикажут теперь.

Тот быстро закрыл дверь, посмотрев при этом в правую и левую стороны двора, как будто боялся, что кто-то может за ними следить. Потом прокрутил замок на несколько оборотов и повесил цепочку, свидетельствующую о тщательном запираении входного пространства.

– Я хочу тебя сразу предупредить, – обратился он к Никите, – дом стоит на отшибе. И вообще, я не любитель селиться бок о бок с надоедливými соседями. Поэтому, если

надумаешь бежать, – флаг в руки, как говорится. Только вот вряд ли это понравится Гермесу.

– Кто такой Гермес?

– Двухгодовалый доберман, который терпеть не может незнакомых ему детей. Как чувствует слабость – сразу калечит.

Никита почувствовал озноб. Страх и ощущение ненависти переплелись в слабом теле и стремились вылиться наружу, как если бы он был гораздо взрослее и сильнее этого отравленного злобой незнакомца. Он заплакал и осел на пол, прижимаясь к лестничной ступени.

Кирилл готов был к такой реакции и поэтому не обратил на ревущего ребёнка должного внимания. Лишь причмокнул языком и подошел к Никите, чтобы взять того за руку и отвести наверх. Одним рывком он подтянул мальчика к себе и поволок его вверх по лестнице, давая лишь слабую возможность перешагивать через порядочного размера ступеньки. Перед взором возникла кремовая дверь, которая тут же закрыла мальчика от посторонних взглядов кажущихся ему живыми картин.

Он услышал, как щёлкнула дверь с другой стороны, и тут же начал бить её руками, пока боль не пронзила ладони и он не отступил от прохода из-за охватившей вновь слабости.

В комнате было темно, но сквозь жалюзи пробивались полоски дневного света, отчего были видны стоящие в комнате предметы мебели. Было так страшно, что рука сама искала

выключатель, вновь и вновь ускользающий от рук шестилетнего мальчика. Казалось, что прошло много времени, пока в комнате не зажегся торшер. Станным образом, на потолке отсутствовала люстра, и Никита был слегка удивлён, когда свет включился в дальнем, левом от него углу. Рассеивающий и жёлтый – он не освещал комнату полностью, а лишь наполовину заполнял её приглушенным и неярким светом, акцентируя одиночный источник от мощной, но прикрытой колпаком лампочки.

Просидеть ещё одну ночь в чужом доме было невыносимо, тем более что мальчику то и дело мерещились тени и шумы различного рода. Вот и тень, отбрасываемая тем самым торшером, почему-то двигалась.

Конечно, это мигала лампочка. Но внушение чего-то другого, не такого реального, как он сам, рождало в мальчике чувство беспокойства.

Он начал открывать пугающие его дверцы шкафов – каждое новое потягивание за дверцу сопровождалось закрыванием одного глаза, как будто это помогало не разглядеть находящихся в них чудовищ.

Дверец было немного, но мальчик проверил всё досконально – не спряталась ли в одном из шкафов какая-нибудь нечисть.

Потом он залез под кровать и тщательно осмотрел пыльный пол. Жалюзи оставались на потом, но там возникла другая проблема – не поддавался механизм открывания– закрывания

вания. Поразбивавшись с ним минуту-другую, Никита сел на кровать и прислонился к изголовью.

Спать уже не хотелось, есть было невозможно от постоянно надвигающейся тошноты – наверно, действовал эфир. Поэтому оставалось только думать, как сбежать со второго этажа и миновать собаку.

Снизу послышался голос его нового похитителя. Тот нёс ему молоко и печенье, предупреждая мальчика не выкинуть чего невразумительного, если он хочет поесть.

«Как будто я могу вам всем ответить...» – обидная мысль залезла в голову мальчика, как пиявка, собравшаяся выпить кровь того, кто её поймал. Чувство слабости и незащитности ослабило тревожные мысли и дало дорогу страху – страху того, что тот, кто сейчас поднимался по лестнице, ударит и обидит, оскорбит и наплюет своим безразличием.

– Спасибо, – сказал себе под нос Никита и лишь нахмурился, когда Кирилл замаячил подносом у него перед лицом.

30.

*Нельзя сдаваться не только после одного,
но и после ста поражений.*

Авраам Линкольн

Полицейский участок на окраине Москвы был пуст – лишь стандартные стены грязно-зелёного оттенка и торча-

щие перед взорами вошедших железные прутья обезьянника, как будто в зоопарке, торчали из-под тёмной скрипучей рамы. Внутри никого не было.

Ни хулиганов.

Ни пьяниц.

Ни дебоширов.

И это успокаивало.

А может, граждане так устали от неразрешённых полицейской вопросов, что просто не обращались к ней.

Кто-то получал негативный взгляд сержанта, принимающего заявление, когда тот, по определению, должен был сочувствовать и причмокивать языком от недовольства в сложившейся ситуации; а кто-то не верил в бескорыстность государственных служащих закона, которые запросто могли попросить дополнительной зарплаты за вмешательство в их жизни.

Так или иначе Кате с Виктором посоветовали именно этот участок, именно в этом районе, потому что там работал знакомый следователь Антона, ещё совсем недавно опрашивавшего самого Виктора в совсем нетипичной для этой обстановке и совершенно по другому поводу.

Когда Антон позвонил бывшему потенциальному преступнику уже под ночь, Виктор был удивлён.

Но пролежав с рассеянными мыслями до утра, он все-таки осознал, откуда растут корни данного звонка и что они вполне могут оказаться испанскими.

Это Ростислав позаботился о нём. Это он уберёт его от лишних допросов и тюрьмы. Это его дядя поучаствовал во всей этой заварушке и, как истинный инкогнито, не появился при этом. Он как ангел хранитель оберегал его тогда, когда Виктор в этом особенно нуждался. Он появлялся в нужный момент, в нужном месте и даже, если Ростислава не было видно, он всё равно обо всём узнавал и помогал своему племяннику. Как когда-то помог с продвижением в «Яхт-СтройТехнолоджис». Как когда-то...

«Когда все разрешится, нужно обязательно с ним встретиться, обнять крепко и поблагодарить за его уважение и мужскую дружбу», – мелькнуло в голове.

Безусловно, Антон узнал о пропаже ребёнка Виктора уже на следующий день и был заинтересован в благополучном исходе поисков не меньше обеспокоенного отца. Ведь всё, что происходило в юридической среде с одним и тем же человеком, можно было связать воедино и не пытаться разделить неделимое, пока во всём не разберёшься до конца.

Нужный семейной чете следователь сидел в самом конце коридора, находившемся с противоположной стороны от неприглядного обезьянника. Конечно, существовал и другой корпус – там были офисные кабинеты и кипела стандартная «планктоновая» жизнь, за исключением, может, только того, что собравшиеся «планктоны» меньше походили внешним видом на белых воротничков и постоянно носились с каки-

ми-то папками – безусловно, всё это были дела преступников или потенциальных негодяев.

– Странно, что вы сидите здесь, а не в другом здании, – съязвил, как ему показалось, Виктор. – Мы зашли туда с женой в поисках Михаила Лукавина. Это же вы и есть, – он слегка потянул шею, чтобы разглядеть продолговатую тёмную табличку, лежащую перед мужчиной в свитере напротив. – Вы здесь, вероятно, один и сидите.

– Я сижу здесь по служебной надобности. Да и переходить из одного здания в другое не входит в одно из удовольствий моей жизни. Я так понимаю, вы тот самый Шемякин, жизнь которого хотят изрядно подпортить недоброжелатели?

Виктор кивнул.

– Я вам честно скажу, я не верю во всю эту дребедень из серии проклятий и сглазов. Я – тактик, и ничто на свете меня не убедит в существовании экстраординарных сил, существующих вне. Но, тем не менее, я согласен с Антоном Гладких, – Виктор до этого и не слышал фамилию сотрудника ФСБ, – что похищение ребёнка имеет место быть, тем более что буквально накануне было непонятного пока рода покушение на вас, но странным образом перенаправленное на некоего испанского гражданина. Как его там? Касаса?

– Касьяса, – поправил Виктор.

Всё это время следователь даже не обращал внимания на стоявшую рядом с мужем супругу. Катя стояла и тарасила глаза, впитывая информацию, как морская губка впитывает

соли в составе воды. Ей было всё равно, что произошло в компании её мужа, так как сейчас речь шла о её ребёнке. Ни на минуту она не прекращала думать о Никитке. Как будто наяву, всплывали картины недавнего общения с ним; вера в то, что он, конечно же, живой и здоровый, не покидала убитую горем женщину. В любой другой ситуации она бы начала истерить и требовать своего, как можно быстрее. Но сейчас она просто слушала. Просто боялась кого-нибудь перебить.

Далее следователь собрал интересующую его информацию. Надо сказать, интересовало его много – вопросы он задавал часа два.

– Меня смущает только одно, – сказал он, – взлома не было. Странно, что мальчик сам открыл дверь и исчез в неизвестном направлении. Конечно, я могу предположить, что ребёнка похитили...

Но, тем не менее, я не привык сидеть без дела... Я опросил уже двух сотрудников ближайших продуктовых палаток недалеко от вашего дома. Ребёнка видели оба. И каждый из них предположил, что тот был один.

– Это моя вина, – заплакала Катя. – Он совсем маленький. Он привык, что мама дома и пошёл, вероятно, меня искать. Понимаете, я первый раз ушла, ничего не сказав. Я думала, что муж вернётся с минуты на минуту. Я погрузилась в собственные переживания и совершенно не сообразила даже перезвонить Виктору. Если бы я знала, что так получится, я бы, безусловно, перезвонила на домашний, поехала бы обратно.

Она заплакала сильнее, и речь начала теряться в отдельных слогах и несвязных предложениях. Было понятно, что женщина чувствует лежащую на ней вину.

– Это всё стечение обстоятельств, – всхлипнула она. В последнее время на неё навалилось столько неприятностей, что она, в действительности, ломала себе голову и та трещала по швам. Ката во всем видела нелепые каверзные козни откуда-то сверху, и вина, которую она на себя накладывала, перемежалась с внутренними оправданиями своего эго.

Она вдруг почувствовала, что не может более держать всё в себе. Надо было рассказать Виктору всё о своей болезни. Не дай Бог, с ней что-нибудь случится, и он не будет знать этого – самого главного – до самого конца...

Ей было 9 лет. Знакомые семьи – Носырёвы – взяли её на Соловецкие острова с целью ознакомления ребёнка с православной культурой и бытом монахов, живущих в скитах. Родные против не были, так как был август месяц, девочка не училась и постоянно ныла, что хочет на море. Красивейшие пейзажи в моменты захода солнца над серебристой водной гладью и облитыми золотом куполами вдохновили ребёнка. Каждый день она приходила к храму и слушала вечерний зов. Эта музыка звучала на окраинах, отдавалась неосязаемой вибрацией в прибрежных скалах и разливалась по скитам, как призыв к молитве. Ката это обнаружила, когда не первый раз наблюдала за людьми в чёрных рясах, идущих то

строем, то врассыпную, с небольших деревянных построек. Все они шли к монастырю – величественному белокаменному строению, увенчанному лукообразными формами куполов, окрашенными в золото, – отчего и сверкало это золото при прикосновении золотого света солнца. Ката замечала не только это. Она видела одних и тех же людей, те же самые лица. Они шли, как и монахи, в одно здание.

У ворот, перед монастырской обителью появлялась одна и та же бабка – закутанная в лохмотья от щиколоток по шею, с повязанным вокруг головы платком и в изорванной обуви. То была попрошайка, и Катя видела, как женщина пересчитывает мелочь и купюры, что кидали в плетённую корзинку – специальное приспособление для сбора подаяний. Девочке было интересно, много ли старушка собирает денег и куда она их деваает.

Со стороны казалось, что денег ей бросают много, да и купюры шелестели не редко. Приблизившись к старухе, Катя встала напротив и стала жадно смотреть на совершенно обыкновенную, чуть сутулую женщину с карими глазами. Старушка подняла глаза и опустила. Снова подняла и опустила.

– Что уставилась? – буркнула она.

Ката отошла в сторонку, но продолжила смотреть.

– Ладно, – сказала старуха, – пойди-ка поближе, дам кое-что.

Любопытство победило, и девочка придвинулась на два

шага.

– Ну, иди, иди, – продолжила та....

Странно, но Ката помнит только, как она стояла в двух метрах от старой женщины, а потом чётко помнит, как уже сидела подле неё и та тарашилась на неё, держа за руки.

– Бедная ты моя, бедная, – причмокивала она, вертя головой, – ох, судьбинушка жалобная у тебя. Нескоро ты это поймёшь, но когда поймёшь, слез много прольёшь. – Последние слова, слитые в одно рифмованное предложение, вбились в голову и по сей день вспоминались. Потому что то, что сказала старуха дальше, забыться никак не могло.

Она поведала о болезни, при которой трудно дышать станет; о том, что задыхаться начнет девочка, но будет это через продолжительное время, когда всё, что она хотела успеть сделать, исполнится. Потом сказала, что сказки читать не надо, чтобы понимать сие пророчество. – Астма или проблема с лёгкими, – были её последние слова.

Позже Ката рыдала и содрогалась, обнимая тетю Лилю, с которой приехала на Соловки. Она ничего ей не рассказала. Только попросила уехать поскорее домой.

Незыблемой силой сердце застучало изнутри, и тайна, которую Ката так долго старалась скрыть, буквально вылилась из губ, как холодный ручей из потрескавшейся горной породы – сила и неожиданность сорвавшихся слов заставили мужа подчиниться услышанному и обратить на неё внима-

ние. Возможно, несоответствие ситуаций вышибло бы любого другого слушателя из колеи, но только не Виктора. Он был готов ко всему. Всё самое страшное уже произошло, а значит, его уже ничего не испугает, быть может, только удивит...

– Я БОЛЬНА!

И она продолжила...

– В тот день, когда Никитка пропал, я поехала к подруге, чтобы рассказать ей, что со мной произошло. Переживания душили меня, и я не удостоверилась в том, что Никитка останется один дома на несколько часов. Я и подумать не могла, что так всё обернётся. Так-то он знает, что выходить одному ему нельзя, точно так же, как и открывать чужим дверь. У меня и у Виктора есть ключи. Но, к сожалению, дверь легко поддается даже детским рукам изнутри.

Я поехала и совершенно забыла обо всём на свете. Понимаете, когда вам ставят диагноз «рак»...

Она перевела взгляд на Виктора и взяла того за руки.

– У меня рак. Рак лёгких. Не последняя, но трудноизлечимая стадия. Я не хотела тебе говорить, потому что ты был таким счастливым в последнее время из-за этой сделки. Если бы не всё произошедшее, я бы так и молчала. Это было твоей мечтой – продать «Гавану» и уехать в какой-нибудь круиз, чтобы отметить событие. Я не могла, я просто не могла перевести твои мысли на негативный лад.

Виктор побелел. Это было слишком. Слишком для того,

чтобы оказаться правдой. Действительно, ещё две недели назад всё было прекрасно. Жена, конечно, кашляла, но он был так погружён в работу, что не придавал этому нужного значения. Какой-же дурак! Как так могло получиться!

За две недели количество потрясений перевалило допустимые нормы. Как было не поверить в карму! Об этом он твердил, будучи прикованным наручниками в ФСБ. Человек – слаб. Он думает о чём угодно в страшные моменты своей жизни, но только не о здравом смысле всего происходящего.

– Милая, – схватил он её за плечи, – почему же ты мне не рассказывала?

Полицейский удалился из кабинета, не желая присутствовать там, где ему не было места. Сколько раз мужья и жены разбирались здесь в своих отношениях; сколько нелюбви друг к другу выплёвывали их пьяные речи в моменты жалоб и задержаний; сколько раз он сам приостанавливал матерные выступления и критикующие монологи.

Но этот случай тронул его до глубины души – захотелось спрятаться и исчезнуть, лишь бы не вмешиваться. Он закрыл за собой дверь, как если бы находился в гостях – бесшумно и аккуратно. Шемякиным нужно было время, и Михаил готов был его предоставить. А пока совершенно немыслимое творилось в его собственном кабинете, он не должен был терять времени. Он позвонил сослуживцу, которому не было равных в поисках, тот уже был в курсе пропажи ребёнка, но надо было его поторопить...

– Серёг, – бросай свои обеды и дуй в ЧСА «Перфект». Найдёшь Колобкова, скажешь от меня.

– А что за спешка?

– Пацана нужно найти быстрее.

– Понял.

Михаил Лукавин любил своего коллегу за краткость диалогов. Он вообще ценил в людях взаимопонимание с первых слов. Ведь, по большому счёту, обратных вопросов и не должно было быть. Цель задана – иди и сделай! А уже по факту можно выяснить и следующие шаги. Тем более, что ситуация была ясна. Когда Михаил запрашивал связи с ЧСА, значит, дело того стоило. Надо было задействовать все контакты – любая ниточка могла помочь найти мальчика. Любая.

Когда Михаил вернулся в кабинет, Виктор поглаживал потрясенную жену. Она в свою очередь дремала, и лишь подрагивающие веки говорили о том, что она не спит на плече мужа, а просто расслабилась и прикрыла глаза.

Михаил почесал голову. Этим жестом он создал видимость, что ему крайне неудобно вмешиваться, но, тем не менее, они сидели в его кабинете, и дело не требовало отлагательств. С каждым днём шансы найти ребёнка будут толь-

ко уменьшаться, а следовательно, надо было действовать, и действовать незамедлительно.

Было решено отправить ещё одну следственную бригаду к близлежащим от Москвы деревням в пределах пятидесяти километров. Тем самым, бригада разделялась на четыре части – по двое в каждой – и каждая начинала опросы в пределах подмосковной досягаемости.

– Я по опыту знаю, что держать ребёнка в квартирах бессмысленно больше двух дней. Несмотря на то, что люди бывают порой весьма безразличны, терпение оставаться в стороне рано или поздно исчерпывается. Вы ведь понимаете, что каждого насторожит кричащий ребёнок в стенах картонного панельного дома.

От этих слов Кате снова стало не по себе, и она тихонько всхлипнула оставшимися слезами.

– Простите, я не хотел вас расстроить. Наоборот, я хочу приободрить. Мы редко когда вызываем подмогу ранее двух-трехдневной пропажи человека. А сейчас, я думаю, совместными усилиями мы найдем мальчика гораздо быстрее.

– Если вам потребуется какая-то материальная помощь... – не кривил душой Виктор, – я дам столько, сколько нужно.

– Ну, что вы! – взъерошился Лукавин, – какие деньги! Они здесь ни к чему. И ещё..., – сперва размыслив, добавил он, – если с вами свяжется преступная группа...

– Вы думаете, похититель не один? – молебно уставилась на него Ката.

– Я не думаю. Я подозреваю. – Дайте мне знать в том случае, и, пожалуйста, не спешите с выводами. Очень часто похитители порядком блефуют.

Вариант похищения с целью выкупа рассматривался оперативниками в первую очередь, так как получение выгоды являлось основной целью получения дохода криминальной среды. Тем не менее, Михаил прекрасно понимал, что данная ситуация не обязательно должна быть связана с рядовым вымогательством. Он сомневался, и это сомнение никак не связывалось в его голове с мыслью о случайном обогащении похитителя мальчика. Скорее с мстью...

31.

Когда чего-нибудь сильно захочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твоё сбылось.

Пауло Коэльо «Алхимик»

Сергей Хорин пришёл первым в кафе на улицу Кондрашова и чинно попивал кофе за столиком в углу ресторана. Здесь они договорились встретиться с Шемякиной. Ката не заставила себя ждать долго и появилась спустя пятнадцать минут.

Как только она поравнялась с нужным столиком, Сергей растянулся в улыбке и положил какую-то папку, завернутую в зелёный файл, на стол.

Ката сняла в спешке пальто и размотала кашемировый шарф с шеи.

– Это договор купли-продажи земельного участка в Озёрах, – с лёгкостью и некоей лукавостью сказал Сергей.

Открыв папку, Катя взволнованно начала читать первые строчки по несколько раз и взгляд не бежал ниже строчки с фамилией владельца того самого участка, которым она владела вот уже шесть лет.

– Кто это? – испуганно спросила она. – Кто такая Овчинникова Светлана Анатольевна?

Сергей просто растёкся в самодовольной улыбке. Он обо-жал делать паузы в моменты, когда клиенты удивлялись его находчивости.

Его совершенно противоположное прозаичному взгляду лицо выражало сейчас столько неразгаданных эмоций, что любопытство Кати, казалось, вот-вот выскочит наружу в виде потока неразборчивых фраз, как это уже случилось в его практике, когда клиенты до конца не верили в благополучный исход дела.

Такое ощущение, что под волнением люди выдумывают новый язык – фраза за фразой льются изо рта, а смысла сказанного порою и нет.

Он закурил и выдул три колечка, как будто издеваясь над озадаченной жертвой.

– Читали «Мёртвые души» Гоголя? – с упоением спросил он.

– Вы о чём?

– Помните, почему Чичиков принялся выкупать мёртвые души? – Сергей посмотрел на Катю и понял, что ответа он не дожидается. Она всё ещё ждала ответа на поставленный вопрос.

– Он желал приобрести крестьян, которые умерли, но ещё не заявлены таковыми в ревизской справке, при этом оформив куплю-продажу законным способом – будь те живыми.

Подошёл официант, но не дождался ответа на заданный им вопрос о желании заказать что-нибудь. Ката сказала, что ещё не готова, а Сергей жестом дал понять, что ещё не допил свой кофе.

– Он выкупал крестьян, будь те живым человеком, и торговал ими.

– Наверно, да... – вырвалось у девушки. – А при чём здесь Овчинникова?

– Представляете, нам невероятно повезло. Может, и не стоит так пользоваться душами умерших, но Овчинникова нам помогла как нельзя лучше тем, что умерла.

– Вы оформили договор на мёртвую душу? – вопрос появился само собой и тут же напугал и без того растерянную Катю.

– Я нашёл недавно умершую – между прочим, в тех же Озёрах – женщину, и через нотариуса переписал на неё ваш дом.

– Ничего не понимаю. Но тогда получается, вы оформи-

ли договор, как дарственную или как обычный договор купли-продажи. А я же не имею права продавать участок с домом.

Сергей сделал такое лицо, как будто он принимал экзамен на юридическом факультете, а студентка только что, сама того не зная, села в лужу, наговорив лишнего. Он улыбнулся и приблизился вплотную к Кате, нарушив тем самым её интимное пространство, чтобы что-то прошептать.

– Считайте, что вы не владели этим домом никогда. Он принадлежал всегда Овчинниковой.

– Но как вы это сделали? – с радостным вздыханием прошептала ему в ответ Ката.

– Ну, пришлось кое-кому заплатить... А вообще, вы так не переживайте. Это наша работа. Косвенная, конечно. Так-то она НАША.

Хотя вы тоже потрудились.

И далее он рассказал, как договорился с архивариусом подменить документ шестилетней давности, когда Сергей Жеребцов и подарил дом Кате.

По его замыслу, никакая Екатерина Шемякина не приобретала и не получала в дар дом, расположенный по нужному адресу. Им всегда владела Овчинникова С.А.

По замыслу Сергея, стратегия договора дарения была полностью изменена.

В общем-то, всё произошедшее не составило огромного труда, так как изначально пришедшая в голову Хорина идея

о подмене владельца участка промелькнула у него сразу же после встречи со своей подопечной.

Ката тут же повеселела, захотела улыбаться и болтать – что вполне можно было соотнести с привычным состоянием в период радостного события, желанной новости или просто всплеска неизвестного гормона.

32.

Когда дует ветер, ставь не стены, а паруса.

Восточная мудрость.

Серёга, которого так по-братски называл Михаил Луквин, прибыл в частное сыскное агентство «Перфект» через час после звонка. У двери с надписью Колобков А.С. сидела аккуратная женщина без возраста, в очках, выдающих её близорукость по лупам в очках. Размер диоптрий превышал среднестатистическое отклонение от нормы. Уж очень маленькими выглядели в очках её глаза.

Она подняла их на вошедшего Серёгу, поморгала малюсенькими зрачками и как ни в чём не бывало опустила их к дешёвому столу, забросанному листочками и разноцветными стикерами. У оперуполномоченного сложилось впечатление, что бардак её не волновал, точно так же, как и вошедший лейтенант.

– Я к Колобкову, – равнодушно доложил он.

– Ага.

– Он у себя?

– Ага.

И Серёга вошёл в помещение, гораздо краше его приёмной. Что было странным.

Не должна ли именно приёмная прежде всего привлекать посетителей?

А внутри главного гнёздышка всё было налажено: фикусы, пальмы (хоть и ненастоящие), огромный резной стол с такими же шкафчиками и люстра... ё, вероятно, сняли из торжественного зала для проведения банкетов.

– Здравствуйте. Меня зовут Сергей Евфратович. Я от Лукавина, – в свойственной ему служебной манере представился Серёга.

Мужчина, далеко не соответствующий собственной фамилии, так как оказался совсем не толстым, а довольно-таки жилистым и худощавым, привстал и дружелюбно протянул руку.

– Евфратович? Какое интересное отчество. Как же звали вашего отца – Евфрат?

– Никак нет, – пародирующим тоном солдата ответил он, – это фамилия.

– Ах, вот оно как... Ну, что же, Сергей Евфратович, я в курсе дела, по которому вы сюда явились.

Накануне Колобков ответил на звонок, который вернул его в прошлое. С Мишкой они служили вместе. И так давно, что в голове промелькнула мысль разговора с призраком. Он

даже не знал, с чего начать разговор. Столько лет прошло. Столько воды утекло. Как только Мишка его нашёл?

Он даже обиделся на то, что Лукавин позвонил спустя столько времени и вместо того, чтобы спросить о жизни, сразу начал говорить по делу.

Правда после обещался встретиться и выпить по кружке «Жигулей», и не по одной.

– Странно, что вам не хватило собственной проверки. По-моему, всё очевидно, и здесь кроется похищение не с целью выкупа, а всё куда более прозаично и к частникам не ходи... – с некоторой издевательской иронией выразился Колобков, и младший лейтенант заметил гусиные лапки под его глазами. Детектив улыбнулся и посмотрел на своего гостя в ожидании реакции на его наглую шутку. Но Сергей привык, что правоохранительные органы недооценивают и подтрунивают над тем, как те проводят расследование. Он улыбнулся в ответ и проглотил сарказм.

– Вы считаете, что похитителю деньги не нужны, а дело в личной неприязни?

– Ребят, но это же очевидно, – усмехнулся Колобков, и Серёга успел заметить слегка подрумяненные щеки – схожие со сказочным Колобком черты у него всё же были.

В кабинете не было жарко и душно – окно было открыто почти нараспашку. Но причина прилива крови сразу же бросилась в глаза в виде хрустального графина с коричневой жидкостью недалеко от стола. Здесь служебная наблюдатель-

ность Сергея его не подвела: Колобков явно приложился к тому графину перед встречей.

– Я сижу в этом кресле пять долгих лет – счастливое число, не находите ли? За это время я сталкивался с подобными делами всего – ничего, – он перевёл взгляд на поднятые вверх пальцы, стараясь, видимо, показать на количество похожих дел.

Согнутых пальцев оказалось восемь. И три из восьми были похищениями на почве зависти и мести. Не всегда похититель нуждается в деньгах. Иногда он хочет доставить душевную боль своему оппоненту или, манипулируя похищенным, получить то, что ему не хватает. Те, кому нужны хрустящие купюры, свяжутся с родственниками в день похищения, максимум на следующий. Однажды в моей практике вымогатель ждал три дня, чтобы объявить о том, что он держит у себя в подвале молодую женщину. Но последняя была гулящей, и он отлично понимал, что родственники слишком быстро не хватятся её. Их необходимо было подготовить к информации о том, что женщина гуляет не по своей воли. Он ещё и насиловал её так, что на третий день, когда он передал ей трубку, чтобы поговорить с отцом, она ревела так, что тот не понял ни одного слова. Такое психологическое давление применяется редко. За детей же похитители просят деньги сразу. Достаточно и нескольких часов, чтобы родители сошли с ума от горя и согласились бы отдать всё, лишь бы их чадо вернули.

Колобков причмокнул еле слышно, уставился на своего собеседника и ждал, когда не наученный и не умудрённый криминальными делами младший лейтенант придёт в себя.

Когда Александру позвонили из знакомого участка, в котором не первый раз нуждались в услугах частных сыщиков, он не придал этому значения. Это было нормальной практикой помогать полиции, дабы те прикрывали от уплаты налогов.

Но сейчас дело было совсем в другом.

На участке, ответственном за похищение ребёнка, работал Лукавин... видимо, его перевели, или он только недавно приступил к своим обязанностям, так как Колобков давно о нём ничего не слышал.

Помочь ему нужно было обязательно.

– Давайте я вас угощу чем-нибудь, – предложил Колобков, отводя глаза в сторону графина с коричневой жидкостью.

– Я на службе.

– Ну, будет вам... Вы от Лукавина! Мишка такой человек! Человечище просто. Вы и представить себе не можете!

Далее последовала история о том, как Колобков повстречался с Лукавиным семь лет тому назад в Андижане, когда их – ещё обоих в те времена служивших в Узбекистане – попросили поспособствовать борьбе с протестующими мусульманами. Михаил тогда был уверен, что его новый напарник – узбек. Черты лица Колобкова, правда, отличались от славян-

ских – кожа была смуглая, волосы седели на месте когда-то иссиня-черных волос, а глаза явно были карими и слегка зауженными. Хотя последнее, возможно, казалось из-за оплывшего лица, на котором глаза прятались в виде двух тоненьких чёрточек одинакового размера.

Александр поведал историю его неординарной встречи с оперуполномоченным – теперь со стажем – Михаилом. А случилось это, когда те входили в состав военнослужащих и защищали город от возможных атак и передвижений террористов. Представленные друг другу впопыхах и не запомнившие толком внешности друг друга, они оказались буквально приставленными спиной к спине и осуществляли расстрел боевиков. Последние пытались восстановить справедливость бизнес-идей путем нападения на мирное население, буквально атакуя его и шантажируя тем самым правительство Узбекистана.

– Миха защищал меня, как будто мы до этого были знакомы, – рассказывал Александр, – я постоянно ощущал его руку на своем комбинезоне. Тогда это казалось странным, ведь, по большому счёту, мне не было дела до него. Но он сумел внушить мне обратное за пару дней.

Алекс, как потом назвал его про себя Серёга, оказался философски мыслящим парнем.

Рассказывал про восточные мудрости. Все эти мудрости говорили об одной идее: о том, что нужно делиться тем, что

имеешь, и помогать, если есть на то возможность, не жеманствуя при этом; подбадривал то и дело и ссылался на божий умысел происходящего. «Даже если произошло несчастье, нужно отыскать в этом скрытый замысел и понять выгоду от этого негодования». «Как сейчас помню строки, – сказал он, – "...когда дует ветер, ставь не стены, а паруса."»

– Даже в самой худшей судьбе есть возможности для счастливых перемен.

Александр явно придался воспоминаниям, но Сергею это было только на руку. Он даже присел, не отводя от рассказчика взгляд, чтобы не нарушить интригу, взгляд должен был показать интерес – в конце концов, не за этим ли он сюда явился? Лукавин предупреждал, что Колобков начнёт много говорить и рассказывать. Но если его выслушать и уважительно отнестись к его рассказам, тот обязательно ответит доброй услугой.

По крайней мере, он был в курсе дела пропавшего мальчика, и в том, что задача разузнать как можно больше о всевозможных вариантах его исчезновения предугадывалась в самом задании. Шеф сказал – связаться по этому делу с ЧСА (давать полное название Лукавину было лень), значит, так ему надо. Только сейчас Сергей понимал, что в обычной просьбе скрывалась ещё не рассказанная руководителем история былых дней. Да и не нужна она была, эта история, главное – её существование должно было помочь неразрешённому вопросу.

– Хорошему человеку Бог в помощь, – сказал Колобков, – а если нет Бога, то тогда и я, быть может, сгожусь.

Он налил себе тёмно-коричневой жидкости из графина и набрал номер внутренней связи.

Серёга это понял сразу, так как на пороге тут же возникла безразличная к окружающему миру женщина в очках.

Она вошла и, не говоря ни слова, просто продолжила стоять, немного приоткрыв рот от возможной нехватки воздуха в помещении. Вероятно, детектив её обескуражил внезапным вызовом.

Неожиданно чудесное создание оживилось и принялось записывать информацию в маленький блокнотик, да так бойко, что Сергей понял, что он ошибался в возможной меланхоличности секретаря Колобкова. Она строчила шариковой ручкой слово за словом, – Сергей даже на миг потерял нить сказанного Александром – настолько сильно женщина произвела на него впечатление в этот момент. Она теперь казалась сосредоточенной и волевой, внимательной к услышанному.

Александр дал поручение, и секретарь вышла в приёмную, захлопнув за собой легонько дверь.

33.

Истина где-то слева...

*Отрицательные эмоции более заметны
на левой стороне человеческого тела*

Пол Экман «Узнай лжеца по выражению лица. Книга-тренажёр»

Кирилл сидел в гостиной перед своим жидкокристаллическим телевизором в двадцать четыре дюйма и наблюдал, как молодой Шемякин бродит по комнате. Камера, спрятанная в коробке из-под обуви на шкафу, фиксировала шестилетнего мальчика вполне нормально. Смущало только то, что картинка была чёрно-белая: продолжительное время вглядываясь в объект, изображение сливалось воедино, и хозяин особняка периодически терял мальчика из вида. Хотя на самом деле в этот момент тот останавливался, садился на диван или замирал.

Никита перестал нервничать и вёл себя вполне смиренно. Усталость давала о себе знать – ребёнок кивал головой в полупрежачем положении.

Левин смотрел на отпрыска старшего Шемякина, и тот не вызывал у него даже доли сочувствия. Может, это было связано с тем, что мальчик был внешне похож на отца, а может, с патологической нелюбовью к детям.

Кирилла раздражали эти глупые создания – визг, капризы и слёзы – всё, что могли донести до него дети, особенно такие маленькие.

Слабые и бестолковые, грызущие своих родителей по каж-

дому поводу.

Левин не любил эгоизм.

Бессознательное желание к вниманию со стороны детей давало Левину сигнал защемить и предотвратить эту предрасположенность к их самопоказу.

Он не понимал тот возраст, в котором происходило становление характера – сам он отличался. Он всегда знал, чего хотел и как этого добиться, и отнюдь не лживые и слезливые выпрашивания нужных ему в жизни вещей помогли ему стать таким, каким он был. Прагматизм он строил на холодности и недоверии к тому, что не приносит пользы и выгоды, а уныние и капризность, со своей стороны, он считал недопустимыми с самого детства.

То, что не помнил, – не считалось.

Другое дело было требовательное отношение к другим.

Требование на работе высоких результатов деятельности никак не шло в сравнение с требованиями, предъявляемыми детьми, но Кирилл разницы не видел.

Не любил. Не жалел. Не уважал.

Вырастет, поумнеет – тогда, быть может, изменится... а пока это хрупкий и бесполезный объект как личность некадист.

Но выгодное оружие для дела.

Признаться, Кириллу приходили мысли просто его убить, закопать, как собаку. И никто бы никогда не отыскал столь небольшое тело в лесу, что находится неподалеку от дома.

Этим самым он бы причинил боль Шемякину, ненависть душила его, и Кирилл почувствовал мурашки злости, пробегающие по всему телу при этой мысли.

Но прагматизм брал верх над сознанием. Убийство ребёнка не принесло бы желаемой цели. Максимум неделя, и Шемякин снова появится в офисе, легкий и неударенный, стильный и дальновидный.

Всё это не было самоцелью. Противника нужно было убирать иным способом. Левину было необходимо, чтобы Виктор ушёл сам... и больше никогда не появился в главном офисе «ЯхтСтройТехнолоджис».

Он набрал телефонный номер. Послышались длинные гудки.

Его не проследят.

Сим-карту купил на прилавке недалеко от Ботанического сада – перекупщики оформляют без паспорта; IMEI телефона переделал у торгаша кредитными телефонами на Царицынском рынке – тот просто его перепрошил.

Левин понимал, что в квартире Виктора сейчас вьются с десяток полицейских, и каждый из них наострит уши, чтобы извлечь все детали предполагаемого звонка.

Поэтому надо было придать голосу уверенности и проговорить приготовленный заранее текст на диктофон. И вот, нажав на сенсорную красную "трубку", он зашёл в функцию диктофона.

Прозвонов было три. Шемякин договорился с Антоном, что подойдёт на пятый. Закусив губу, последний сделал шаг назад в разочаровании, что звонок сорвался.

Все застыли в тишине и подождали две минуты.

Виктору было страшно, как никогда. Страх перемежался с желанием услышать знакомую трель телефона. В неведении они находились уже второй день, и от неизвестности кружилась голова. Мысли перемещались по голове, как рой стрекоз, в совершенно неожиданных направлениях. Он боялся сказать лишнее, он боялся всё испортить, боялся собственного страха и слабости. Ненависть, слабость, обида и неуверенность в себе мешали сосредоточиться. Сейчас он был другим, не как на работе; он не был сейчас тем самым Виктором, нарочито главенствующим, сильным и волевым. Решение заговорить нужными словами давалось ему с трудом. Он надеялся на стяжательство со стороны преступника, веря и молебно теперь уже повторяя в своей голове отрывки зазубренных фраз – тех, где он будет соглашаться отдать всё, что у него есть, лишь бы снова поднять на руки сына... Сына...

...Когда-то он хотел дочку. Сколько себя помнит, он не походил на потенциальных отцов, жаждущих рождения наследника, последователя и хранителя фамилии. Он видел в своём будущем ребёнке глубину ласки и нежности, которую не мог дать мальчик по природному показателю. Дочка в его

мечтах была баловнем собственной судьбы – именно это баловство он бы ей дал, потому что она была бы идеальной женщиной на земле. Только идеальную женщину можно было бы любить без причины...

Сейчас он вспомнил, как обсуждал с женой её рождение. Солнышка, зайчика, любимого существа.

Он вспомнил, как называл бы их обеих – мои девочки.

Господи, какая же это была ерунда решать то, что за тебя давно решили? Первым должен был родиться сын! Его кровь и плоть не должны были цениться по полу.

Никита стал тем же баловнем, что и восхваляемая в мечтах Виктора дочь. Он нёс в себе то, что не могла бы дать маленькая женщина. А именно будущую ответственность за людей, его окружавших, будущую силу и невероятную харизматичность, к которой бы тянулись и стар, и млад. Вся та будущность зависела сейчас только от Виктора – от его поведения и реакции на поступки сына. Он сделает из него того, кем сам не стал. Но обязательно спросит, хочет ли этого сын.

«Никитка... мальчик мой».

Виктору не стыдно было за мужские слёзы. Он был дома. Он был на своей территории. Он сжал кулаки и понял, что готов ответить на звонок, когда тот раздался вновь.

В соседней комнате сидели четверо уполномоченных. Их телефоны, подключенные к нужной линии связи, стояли пе-

ред ними. Диктофонную запись осуществлял внешний передатчик, к которому тянулось несколько проводов. В углу стоял портативный приёмник, фиксирующий возможное расположение преступника. На последнее преимущество Антон Гладких не надеялся, так как злоумышленник мог поставить защиту от перехвата сигнала. Поэтому сейчас была дана главная задача, заключающая в себе несколько психологических пунктов и, к сожалению, эти пункты должен был выполнить мало подготовленный к подобным случаям гражданин, эмоции которого могли помешать успеху всей операции. Главное, о чём был предупреждён Виктор, – как можно дольше тянуть разговор; это было необходимо для того, чтобы установить, на какие действия и какого характера способен человек, находившийся по ту сторону провода – его эмоциональный настрой, возможное дальнейшее поведение и характеристики, которые можно было получить в ходе оговорок во время длительного разговора. Но не только оговорки могли помочь вычислить и поймать преступника. В ходе длительных переговоров снижалась эмоциональная напряжённость. Конечно, нельзя было исключать того, что одна из сторон могла бы перейти на более неожиданную тактику, но Антон верил в Виктора и полагал, что человек, достигший влияния и положения в обществе, просто не мог в прошлом обойтись без особого знания о людях, их возможном поведении, их слабых и сильных сторонах. Как бы то ни было, затянувшийся разговор являлся обоюдоострым оружием, так как

спешка не дала бы нужных результатов из-за эмоциональности ситуации.

Но Гладких не был уверен, что предполагаемый вымогатель не повесит трубку в сию минуту после выдвинутых им условий. Так поступали опытные ловкачи, не желающие тянуть время для собственного разоблачения.

Поэтому когда телефон наконец-то зазвонил, Виктор ответил после пятого гудка, готовый произнести заранее заготовленную фразу, от которой Антон отступить не советовал.

– Мы примем любые ваши условия, сохраним анонимность и приедем по вашему требованию в любой уголок Земли.

Несколько пар ушей замерли в ожидании ответной реакции. Но, по ходу дела, преступник был заинтересован и озабочен не меньше достижением взаимоприемлемого решения и поверил в его достижение не сразу. Потому что помолчал какое-то время.

На практике Антон часто сталкивался с приятным осознанием того, что тебя уважают и ценят даже среди врагов. Именно это нужно было захватчикам любого склада ума и характера. На похищения шли люди, лишённые теплоты и уважения той или иной ячейкой общества, – будь то семья, коллеги по работе или просто друзья.

Одиночество.

Ведомое чувство разлуки со счастливым миром заставляло этих людей совершать необдуманные и далёкие от соци-

альных законов вещи.

Привлечение внимания.

Равнодушие сводило с ума преступников разного ранга; чувство «незамеченности» влекло их в психологическую яму борьбы со всеми.

Ревность и зависть.

Преступникам НУЖНО было доказывать их значимость до последнего; уверять, что они сильнее и тактичнее, чем все находящиеся вокруг.

Виктор поменялся в лице, и все разом поняли, что идёт отклонение от предполагаемого сценария.

«Шеф... – раздалось в ухе Антона, – мы не слышим его, какие-то помехи».

Несколько пар рук взмыли вверх в непонимании, докладывая таким невербальным способом о неисправности прослушки и неясности происходящего.

Помехи сигналу мог создать только один из присутствующих. Антон жадно посмотрел на каждого из сотрудников.

Слева направо сидели четверо сослуживцев и одновременно подчинённых, с которыми Гладких работал не первый день и мог поручиться за них. Каждый мыслил по –своему, но при этом был готов выполнять общее дело.

Шевц – мужчина высокого роста, худощавый и выглядящий моложе своих тридцати пяти лет – закончил институт ФСБ в Санкт-Петербурге и выделялся Антоном как самый

находчивый в трудных ситуациях сотрудник. Для этого парня было возможным найти общий язык с королевой Англии, если бы он пошёл служить в её полк.

Солин был некогда его одноклассником. Довольно спокойный и тихий парень, но попавший в разведывательную команду за неожиданно изящные решения. Такими Гладких называл те, что выдвигались без ущерба для каждой из сторон. Однажды Солин удивил всех докладом, в котором указал пять пунктов борьбы с террористами. Так в одном из них, он, не стесняясь, призывал на помощь матерей преступников, которые представляли эмоциональную угрозу и срыв планов злоумышленников.

Капинус, сидевший спиной к Антону, был, пожалуй, наиболее интересным объектом. Он достаточно ясно выдвигал требования при разговоре с преступниками, был абсолютно безэмоциональным стержнем, что непрекословно ценили. Им вполне гордились в Центральном аппарате.

Последнее достижение Капинуса, которое можно было бы отнести к героическому списку, – освобождение шестерых детей из детсада на Крымской улице путем переговоров с психически-нездоровым, как потом написали в заключении, двадцатипятилетним парнем, который напал в начале дня на частный садик достаточно элитного корпуса. Парню не понравилось, что его дочку не взяли в него за неимение нужной суммы денег. И он решил ситуацию винтовкой, ранив в первые же минуты воспитателя и охранника заведения.

И, наконец, Шорин. Ботаник, которого попросили из гуманитарного университета за правильные гражданские позиции и, как следствие, ставшие неиссякаемыми правильные решения в борьбе с терроризмом и захватами невинных людей. Шорина цитировали в социальных сетях за остроумную направленность мыслей и неиссякаемый жизненный потенциал. ФСБ заинтересовалась парнем, когда любитель бабочек (а именно это было основной деятельностью тридцатилетнего парня до службы в органах) взломал сайт госбезопасности. Тогда пришлось долго и упорно скрывать его неограниченные способности.

Мог бы быть кто-то на стороне, кто мешал и создавал помехи?

Антон посмотрел на Виктора и на подчинённых. Виктор молчал и ерошил волосы. Что он услышал на том конце?

Шевц с Шориным заметно занервничали.

Капинус перебирал пальцами.

Солин и вовсе покраснел.

Но было трудным судить об эмоциональном состоянии человека по тому, как он себя ведёт, жестикует или как двигает руками.

Да. Первыми признаками нервозности всегда считалось почесывание носа и постукивание пятками о пол. Стеснение выражалось в покраснении внутренних краев ушных раковин, да и вообще люди частенько покрывались пятнами

на грудной клетке и заливались пылающей краской от лба до грудины, когда стеснялись или перевозбуждались во всех смыслах. Глаза бегают, когда лукавят. Руки трясутся, когда нервничаешь. Губы прикусывают, когда думают.

Но все эти факторы можно было бы с лёгкостью отнести к аллергической реакции или духоте! В доме у Шемякиных было душно!

Гладких сам периодически краснел, а глаза слезились, когда наступал майско-июньский период, и тополиный пух залетал в каждый уголок душного и без того пропитанного раздражающими аллергенами города. Иногда это сопровождалось заразительным чихом и почёсыванием носа в совершенно спокойный и уравновешенный этап его жизни. Глаза у него бегали по привычке, а может, от природы – он так размышлял.

Кидая мимолетный взгляд на приближающиеся и отдаленные предметы, Антон находил больше решений. А губу он прикусывал, когда хотел проскочить на жёлтый свет.

И, привыкший полагать, что жесты могут быть внеплановой обманкой, Гладких вообще перестал в них верить.

Также среди преступников попадались латентные психологи, которые всем своим видом пытались доказать, что переживают за ту или иную ситуацию, когда такое не имело места быть в их подсознании. Часто так себя вели хитроумные ублюдки, желающие законным путем перебраться из СИЗО

прямиком в больницу для умалишённых.

Как бы там ни было, чтение человека по выдающимся телодвижениям могло оказаться если не ошибочным, то хотя бы поспешным аргументом.

Виктор положил трубку, и глаза его стали стеклянными.

В это Гладких поверил – Виктор был шокирован.

– Ему нужны деньги. Вы были правы, – протянул он монотонно.

34.

Его положили в печку, дабы сохранить весь кладёзь полезных веществ. В её сне в глаза упрямо бились солнечные лучи: мягкие, тёплые, игривые. Лена потянулась в улыбке и обнаружила возле себя такое же тёплое, как и она сама, тело – только больше и шире. Тело спало на животе, с повернутой в сторону стенки головой и сопело еле слышно. Это был мужчина. Копна его волос была чёрной, как смоль, и прижатые к голове уши слегка розовели под лучами раннего солнца. «Счастье...» – подумалось ей.

В следующий момент уже не было ни запахов, ни солнца, ни копны волос...

Сны иногда волновали сознание Лены Ярис, трепали чувства и отторгали от реальности своей эмоциональностью.

Что это было – параллельный мир, иллюзия или же воспоминания будущего, а может, и прошлого. Точного ответа найти никогда не удавалось, но яркость сновидений поражала своей насыщенностью, отгоняла от серых будней и не приписывалась к тому, что было живо по-настоящему.

Всего лишь иллюзия...

Наступившее сегодня Ленино тридцатилетие было бы прекрасным в силу своего непримиримо маленького в цифрах значения, если бы в сердце было то, что минуту назад в том увиденном сне. Ведь счастливая женщина не думала о прожитых годах. Счастливой женщине было чуждо восприятие увядания или набегающей зрелости. Если женщина любима – ничто не заставит её грустить; никакая печаль общества не отнимет от любимой и любящей женщины то, что дано ей от природы – радовать и радоваться, заботиться и хранить семью.

Как давно она этого не ощущала.

Как часто она думала о том, кто был в её сердце до Алексея. Не потому ли она, закрывая глаза, представляла его образ – некрасивый и непривлекательный для неё – но так незабвенно преданный ей.

Тот мужчина из её сна был на него похож.

Он любил её такой, какая она есть, и не старался сделать её лучше. Он ценил и уважал её при малейших попытках с её стороны доказать обратное. Ох, если бы любящих беззаветно

людей можно было канонизировать в святые, она бы первой подняла правую руку ЗА.

Но того человека рядом с ней больше нет.

Сейчас она с Алексеем.

При этом Лена понимала, к счастью ли, к сожалению, что уже не сможет увидеть в Алексее того, кого она видела при первых их встречах – романтического, многогранного, захватывающего. Она признавалась себе, что остыла к этому человеку, как если бы он никогда не был в её вкусе.

Сейчас в её голове прокрутился общеизвестный статус из социальной сети:

«Те люди, которые чаще всего прощали и дольше всего терпели, обычно уходят неожиданно и навсегда.»

Истина в этом была и будет.

Она больше не любила Алексея.

Да.

Пустота.

Пустота в сердце.

Она должна от него уйти.

Она потянулась и, почёсывая голову, пошла наливать себе кофе.

Зевота одолевала сонный организм частыми хриплыми тональностями.

На холодильнике висела записка с неаккуратным разбросанным почерком:

«С днем рождения».

«Не очень-то романтично...» – подумала она, – «как-то кратенько...»

Лена с испугом заглянула через щёлку в спальню свекрови, обвела взглядом захламлённые сувенирами и косметикой полки и с облегчением вздохнула. Штирлица дома не было. Это было уже настоящим подарком.

В свой день рождения она всегда брала выходной. Не потому, что хотела праздновать его целый день кряду – просто хотелось в этот день размышлять, а не захламлять свой разум невидимыми рабочими нейронами, как шторы открывающимися и закрывающимися в зависимости от принятого производственного решения. В день своего рождения Лена хотела именно размышлять, а не отвлекаться на рабочую суету. И пускай каждое 29 мая проходило у неё без воздушных шариков, коробки киндеров и ромашек с розочками – а это было неоспоримым идеальным подарком для молодой девушки любого возраста – она любила проснуться в этот день, когда того желает она, а не будильник; выпить вкусного чёрного кофе и почитать газету «Московский комсомолец» – бумажную, печатную, цветную с 2009. Было в этом что-то западное. Как если бы мальчишка проехал пару часов назад на велосипеде и кинул бы, не замедляя ход, свежий рулончик отпечатанной давеча информационной досуговой газеты прямо к порогу аккуратного стоящего двухэтажного домика с собственным гаражом и салатным канадским газоном

подле него.

Ярис как-то шла по набережной и наткнулась на бабушку, сидящую на табуреточке. Та продавала свежий выпуск «Московского комсомольца». Вот это было по-русски. Вот это было по-нашему.

Она и сама не знала, с какой целью она купила эту газету, когда все новости можно посмотреть по интернету, или же вспомнив, как оно – читать газету – получить бесплатный выпуск «Метро».

Она помнит, что её привлек слоган газеты и всего концерн: «Актуальность и достоверность – не лозунг, а принцип существования».

«Интересно...»

Она покупала эту газету из принципа. Отучиться в современном мире от пагубного влечения к социальным сетям было практически невозможным, поэтому Лена заставляла себя по утрам читать печатную газету. Так на пятнадцать минут в день она забывала о том, что существует компьютер. Потом, правда, выходила в интернет и, теряя драгоценные минуты, а подчас и большее время, она жадно впивалась в попсовые лозунги, которые кричали о морали, о сексе; давали советы, как нужно любить, добиваться любви и растаптывать её. Все эти лозунги добавлялись друг дружкой на страницы социальных сетей, дабы показать мнимым друзьям – коих было в предостаточном количестве – своё теперешнее переживание, душевный настрой или злость. Те, кто жаждал

показать свое отношение к политике и как должно строиться государство, использовали лозунги Конфуция с его идеологической любовью к справедливому и честному строю в стране. Те, кто являлись борцами за мир во всем мире, перетаскивали на свои странички картинки и подписи к ним от Лао-цзы – покровителя покоя и любви к любому животному и растению. Те, кто предавался мечтаниям о любви, цитировали Ницше.

Так, листая растворяющие сознание лозунги и периодически останавливаясь на интересной новости, Лена вышла на статью о Жеребцове – предпринимателе, чьи средства не помогли избежать тюрьмы, и которого «обжёвывали» местные журналисты, раскапывая прошлое богатого человека.

Она вспомнила, что Алексей упоминал о некоем Жеребцове, его любовнице и тюрьме.

«Каково было сидеть в тюрьме имеющим ещё недавно все дары жизни? А ещё и семью, которая и так страдает, что отец в тюрьме – так нужно подсыпать пуд соли – заговорить о его любовнице, история которой датируется многолетней давностью».

Открылась дверь, и в проёме возникли белые ромашки, сотня белых ромашек – любимых Лениных цветов. За ромашками появился Алексей. Со смущённой улыбкой он вошёл в прихожую, держа в руке квадратную жёлтую коробочку с коричневым игривым бантом.

А внутри лежала золотая подвеска с камнями, похожими на рубины.

35.

– Я знаю, какое наказание положено за дезертирство, милорд.

Я не боюсь умереть.

– Не побоишься и жить, я надеюсь.

Джордж Мартин «Игра престолов»

Было страшно.

Казалось, из под кровати сейчас появится чья-то рука и схватит своей костлявой кистью.

Где-то там внизу развернулся целый мир: пыльный, серый и наполненный печалью. Туда попадают те, кто не справляется с подкроватным монстром, кто слаб духом и смиряется с горем.

«Но даже если я преодолею кровать, то остается ещё шкаф».

Дверцы шкафа могут открыться в любой момент и летающие дементоры (8) схватят, высосут храбрость и силу... и тоже заберут с собой. Потом будет дверь. С ней надо возиться. Её просто так не открыть. Какой смысл с ней связываться?

Даже если удастся её открыть, лестничные ступеньки выдадут своим потрескиванием.

А картины?

Те, кто в них живут, наверняка заодно с хозяином. Они загорлапают так громко, что тот проснётся. А ведь надо ещё ввести код, чтобы выйти наружу...

Нет. Надо было бежать через окно.

Пока тот спит...

Окна были деревянные. Никитка видел, как такие открываются снизу вверх. Нужно было только поднатужиться. Защёлку нужно было приподнять, и тянуть стеклопакет вверх.

С ней он провозился минут пять. Та никак не выходила из отверстия, да и страх, что в комнату сейчас войдут, был настолько силён, что голова то и дело поворачивалась в сторону двери.

Но помимо скрипучей задвижки, нехотя выскальзывающей из детских ручек, никакого постороннего шума не было. В доме все спали. На улице стояла кромешная тьма.

При мысли о ней юного беглеца кидало в дрожь. Но куда страшнее было не видеть маму и папу и не знать, что его похитителю придёт в голову в следующий раз.

Когда задвижка поддалась и стремительно скользнула вверх, Никитка прижался к холодному стеклу всем телом и потащил его также вверх. На его удивление стекло не заскрипело.

Неловкими движениями мальчик открыл было окно до

конца, когда вдруг услышал шаги на лестнице.

Инстинкт закричал:

ЛЕЗЬ!

ПРОТИСКИВАЙСЯ!

И он поддался. Через ту щель, через которую не пробрался бы ни один взрослый, ребёнок пролез.

Дальше было ещё страшнее. Всё время казалось, что спотыкаешься, чтобы упасть. Что вот-вот разобьёшься насмерть. На самом же деле черепица, служившая крышей, останавливала неуклюжие перелазы маленького мальчика и тот, наоборот, удерживал равновесие.

Пока не пришлось прыгать.

Высота была приличная. Но уже доносившийся голос Кирилла отключил инстинкт самосохранения.

Мальчик прыгнул на соседнюю ветку. Руке вдруг стало очень горячо. Она буквально загорелась, и это невидимое пламя пронзило острой болью.

Но времени не было.

Послышался собачий рёв, и ноги сами понесли вперёд. Вперёд, к высокому забору.

Мальчик заметался вдоль него, как ягненок, почувствовав близкий конец. Но выступы от балок, что служили створками на воротах, были ключом спасения.

Никита с разбегу запрыгнул на одну из створок и почувствовал баланс в ногах, а затем преодолел высоту ворот.

Через несколько секунд он уже был на той стороне, по ко-

торой растянулся лес.

Беспросветный в это время.

Понять, что это был вообще лес, удалось не с первого раза. Только когда под ногами захрустели поломанные ветрами и неосторожными путниками ветки, а в лицо захлестали тонкие и острые прутья кустарников, мальчик понял, что он в каких-то зарослях.

Первые двадцать минут он оглядывался и видел позади мелькающий фонарик.

Кирилла самого он не видел.

Отойдя от дома, он ничего, кроме общих силуэтов в ночной природе, не улавливал и не различал.

Лай собаки и отдаляющийся человеческий голос, который явно был направлен по душу мальчишки, не смолкали ещё долгое время.

Но Никитка бежал.

Спотыкался.

Плакал.

Но бежал.

Страх парализовал. Но куда страшнее было стоять на месте и вслушиваться в ночь. Поэтому, борясь с невидимыми силами, мальчик настойчиво отмахивался от них руками.

Пока не налетел на что-то твёрдое и острое.

Сознание помутнело, и цель происходящего померкла.

Всё вокруг превратилось в сон, и необходимость торопиться пропала. Смыслом того, что мальчик оказался на

голой земле, стало бессознательное желание отдохнуть и вздремнуть. Как если бы Никитка оказался в постели, ему стало сейчас так же спокойно.

Все звуки померкли. Тишина окутала невидимым одеялом, страх исчез, как исчезли огни за спиной. А лая собаки будто бы не существовало и вовсе.

Так бывало, когда мама читала «Волшебные сказки Кота Котофея».

Её тягучий и разборчивый голос удалялся все дальше по мере того, как на Никитку находила сладкая и такая приятная дрема. Сейчас было всё так же, только голоса были чужими. Но они так быстро исчезали, что мальчик и сам не понимал, исходило ли от них какое зло.

Он больше ничего не понимал.

Он будто уснул, как могло бы показаться со стороны...

Птицы весело щебетали в кронах зелёных деревьев. Их трели были слышны отовсюду. Как и глухой, незатейливый стук дятла, голоса всех утренних птах доносились ото всех окраин, свидетельствуя о наступлении нового дня. Совсем не назойливые, а наоборот, манящие лучи дополуденного солнца раскинули свои длинные руки.

Никитке захотелось увидеть то, что за кронами деревьев. Он знал, что там что-то есть. Он шёл навстречу новому и чувствовал переполняющую его радость. Вот-вот, и сейчас

он увидит какое-то волшебное существо или откроет неизвестную раннее страну и назовет её Нарнией(9).

Но вместо этого Никитка увидел перед собой лишь разбросанные от поломанных ветвей прутья да зелёные кустарники. СТРАХ, перемешанный с разочарованием, вернулся моментально. Он огляделся и понял, что вокруг него земляные стены, а сам он находился в лесной «яме», по стенам которой вились зелёные плетущиеся растения. Всё, что он видел до этого, явилось сном. Находясь в лесу, окруженный тысячами деревьев, которые он наблюдал снизу, он больше не чувствовал себя тем счастливым мальчиком-первооткрывателем из сна.

Громко взмахнув крыльями прямо над ямой, какие-то птицы неожиданно выпорхнули из-под зелёных кустов.

Никитка закричал и заплакал.

В голове запульсировала настигнувшая от удара о землю боль.

Мальчик обернулся несколько раз.

Было светло. Значит, он всё проспал. Проспал свою погоду, проспал всех чудовищ, что следили за ним из-за каждого столба, пока он бежал... вот совсем недавно.

Иррациональные предчувствия беды, странные и безотчётные импульсы охватили мальчика с неистовой силой. Он не знал, что было страшнее: быть съеденным тем страшным псом, что гнался за ним с тем плохим человеком; не увидеть больше маму с папой или же остаться в этом дремучем лесу,

хуже всего – в этой яме совсем одному.

Он плакал и звал на помощь. Истошное «мама» раздавалось эхом по округе.

Никита сидел не глубоко. Яма была три метра глубиной и достаточно широкая. Мальчик попробовал подняться вверх по выющимся растениям, но те были хрупкими и кроме как хвататься за выступы, стараясь вылезти наружу, ничего не удавалось. Он подпрыгивал и хватался руками за покрытые песком куски земли, но те рассыпались прямо в руках. Кое-как добравшись до середины, выбирая выступы по тверже, Никитка смог высунуть голову и оглядеться. Он стал нащупывать ногами и руками хотя бы ещё один выступ, но ухватиться больше было не за что. От отчаяния он вновь закричал и заплакал.

Послышался знакомый лай собаки, и Никитка от страха упал обратно вниз, легонько взыв от боли.

Лай приближался.

Послышался шелест наверху, и оттуда посыпалась земля.

Мальчик прижался вплотную к стене так, чтобы его не было видно, и повернул голову на бок.

Послышались шаги.

Они приглушились возле ямы. Наступила тишина. Сердце заколотило так, что Никитка был уверен, что его сейчас обнаружат. Он перестал дышать. Это оказалось очень страшно. Прикрыв ладонями лицо, он сдерживался что было сил, пока не почувствовал головокружение и не упал было на земь.

Так продолжалось лишь доли секунд – для мальчика же они стали минутами.

Отчего-то вновь стало темно, и он едва смог различить собственные руки, тем не менее с закрытыми глазами стало легче вглотнуть необходимый воздух спокойнее и увереннее – так, чтобы проходившие через маленькие ладошки струйки кислорода были наиболее бесшумными.

Проходивший сверху остановился в метре над головой ребёнка, и Никитка слышал, как подбежала собака.

Оцепенение и ужас охватили разум.

Собака обнюхивала территорию и дыхание её было так близко, что мальчик зажмурился, как если бы он мог стать меньше от этого и исчезнуть из поля зрения совсем.

Лучи фонаря заиграли возле ребёнка. Круглые и резкие, они перепрыгивали друг через дружку, будто играя в чехарду. Никитка прижался к стене, прирос к ней за несколько секунд. Ступни интуитивно заняли округленную позицию, прижавшись пятками друг к дружке, а носами вправо и влево.

Искавший его осветил неглубокую яму перед собой и убедившись, что не видит мальчика, перевел луч света в другом направлении. Никита открыл глаза и облегчённо задышал, когда яма вновь погрузилась во тьму. Последняя сейчас казалась не самым худшим вариантом в сравнении с тем, если тебя схватят и снова отведут в тот страшный дом, о котором родители, наверняка, не знают.

Наконец, шаги и шелест исчезли в неизвестном направлении.

Никитка поднял глаза к небу. Огромная тёмная туча, которая его только что спасла, рассеивалась.

Светало.

36.

Четыре дня с момента пропажи мальчика.

Четыре дня долгого и утомительного ожидания.

Катя и Виктор сидели в гостиной и пили зелёный чай, когда к ним нагрянул Антон и с порога оповестил, что он только что получил от Михаила Лукавина сообщение.

– Нашли! Нашли!

Накануне, сразу же после того, как Евфратович – младший лейтенант и сослуживец Михаила – покинул комнату Колобкова, последний принялся помогать искать ребёнка.

– Надо в первую очередь проверять вокзалы, – сообщил Колобков Лукавину, и гордость утверждения чуть было не задела потолок. Так он гордился собой, найдя первым зацепку.

– Дело не только в том, что дети сами частенько бегут от своих родителей и оказываются там. Вокзалы – это исходная точка, ведущая в сотни направлений. Убежавшие или похищенные рано или поздно могут оказаться именно на вокзалах.

– Он ещё нашему Михаилу про аэропорты лекцию прочитал, – насмешливо чавкнул Антон после рассказанной испуганным родителям новости.

Антон также сообщил о том, что на Казанском вокзале нашли женщину, которая лично отвезла похожего по описаниям ребёнка за 40 километров от Москвы.

Женщина по имени Ольга Петросенко попала в полицию после аварии два дня назад. Дорожно-транспортное происшествие, в которое она оказалась вовлечённой, произошло на 21-ом километре МКАД. Столкнулись пять машин. Пьяный лихач на «Лэнд Ровере» влетел в колонну машин на левой полосе. Ольга попала в эту колонну совершенно случайно. До этого она поймала попутку в глуши на проселочной дороге недалеко от Дмитровского шоссе. Всё бы ничего, и никто бы о ней не узнал, но на месте происшествия она начала уверять, мол то, что случилось – это Провидение и Божья кара. Кричала, что похитила ребёнка, и вот Бог решил её покарать за это. Машина, в которой она сидела, оказалась первой в шеренге, в которую влетел пьяный водитель.

Участники ДТП вызвали полицию, чтобы те разобрались, сумасшедшая ли та женщина или и вправду замешана в преступлении. В отделении выяснилось, что мальчик соответствует всем упомянутым приметам, заявленным Виктором и Катей.

Радости Кати не было предела, когда она услышала новости. Она и плакала, и вздрагивала, хватала за плечи ошара-

шенного мужа.

Виктор сидел белый, как диснеевский Каспер. Он молчал и не говорил ни слова.

– Есть только одно весомое «но». Похитительнице завязывали глаза, и она помнит лишь примерное расположение дома. При этом обратно она шла вполне с ясным взглядом. Может, врет, может, в шоке, но получается, в одну сторону её везли вслепую, а обратно отпустили. Так или иначе, точного адреса она не знает.

– Мы выезжаем сейчас же! Поехали просто в нужную сторону! – визжала Катя.

– Ту Ольгу привезёт Михаил через двадцать минут!

Казалось, Антон обрадовался больше родителей. Ему очень хотелось помочь родственникам друга Серафима.

– НЕТ! – неожиданно для всех выпалил Виктор, и все застыли в оцепенении, не понимая, что он этим хочет сказать.

– Я должен поехать один!

– Но, Витя... – прохрипела Ката. Недавно она снова раскашлялась, и связки были порядочно напряжены, – ты что такое говоришь?

– Его похитили?

Она обернулась к Антону, стараясь не замечать странности поведения мужа.

– Других вариантов быть не может, – сочувственно ответил тот.

– Вдруг вы спугнете преступника, и он увезёт сына в дру-

гое место? Я один должен туда поехать! Я отец и считаю, что ехать туда всем вместе опасно! – вдруг выпалил Виктор.

Антон заметил неподдельный страх на лице Виктора. Этот страх смутил его. Почему Шемякин звался в герои... Не мог ли он участвовать в похищении сына...

– Но мы и не поедem туда все вместе. Вы должны остаться дома. Мы во всем разберёмся. Не волнуйтесь.

– НЕТ, – сухо и уверенно заявил Виктор, – это мой сын. Я не буду им рисковать.

– Но послушайте, – заулыбался Антон, – куда можно увезти человека, если мы нагрянем неожиданно? Мои ребята работают профессионально, вам совершенно незачем волноваться.

Кристалльно ясная, понятная до мелочей схема поиска ребёнка, если того захватили, о которой Антон рассказывал накануне Виктору, дала небольшую трещину реакцией отца на происходящее. Два дня назад тот заявлял, что безумно счастлив тому, что он сотрудничает с ФСБ, что благодаря этому мальчика найдут безоговорочно, и если дело в похищении, то спецгруппа освободит малыша так же незаметно, как его и похитили. Сейчас же заявленная неуверенность Виктора в возможной операции сопротивлялась аналитическому разъяснению.

– Хорошо, – вдруг отпарировал Гладких, – вы постучитесь в дом.

Его взгляд перетёк на Катю, и он чуть было не прикусил

нижнюю губу.

«Никаких жестов», – подумал он.

Виктор опустил голову и начал смотреть в пол, как будто раздумывая над тем, что предложил Гладких. Кончики пальцев на его ногах поднимались и опускались. Он так делал всегда, когда размышлял.

Он промолчал.

Когда Шемякины увиделись с Ольгой Петросенко, та стояла, склонив голову, и явно стыдилась как своего внешнего вида, так и случившегося. Было неловко смотреть родителям в глаза.

Катя смотрела на бедно одетую женщину без возраста и недоумевала над собой. Минуту назад она готова была разодрать в ярости ту женщину, что травила эфиром её мальчика; минуту назад её обуревали такие сильные эмоции, что она боялась убить эту поседевшую то ли от возраста, то ли от неправильного образа жизни женщину.

Но вот она пришла, и Кате вдруг стало её жалко. Она даже начала оправдывать про себя эту преступницу, отказывалась верить, что «мать» способна причинить боль даже чужому ребёнку.

Ката просто заплакала и упала на колени.

Та женщина, увидев скорбь, задрожала и осела на пол. Боль сожаления разом налетела на неё и сдавила горло.

Часы на стене тикали и нарушали безмолвную сцену. Тиканье было громким и навязчивым, но кто бы ни смотрел на стрелки, они стояли на одном и том же месте. Будто проверяя, заметит ли смотревший на часы то, что время застыло, они притягивали все больше взглядов.

Надо было давно сменить батарейку или проверить работоспособность алюминиевой стрелки, которая лишь казалась ровной и не поврежденной. На деле вполне возможным было то, что часы не меняли ход из-за стрелки, придвинутой слишком близко к циферблату. Вероятно, кто-то ставил время и отвлёкся, прижав сильно тонкую указку времени неуклюжими руками. Она и осталась в том положении.

Через пятнадцать минут все четверо и отдельно от них опергруппа направлялись в сторону Дмитровского шоссе.

По словам Ольги, к которой Ката все время присматривалась и тайно брезговала ею, та страдала самым что ни на есть топографическим кретинизмом и без завязанных глаз.

На вопрос «каким образом она добиралась обратно?» она ответила «без проблем», но при этом не могла припомнить ни одного указательного знака так или иначе способного помочь найти искомый дом.

Случай начинал казаться почти безнадежным, если бы не ориентиры в самой местности, кои она с горем пополам объяснила. По её подсчетам, после того, как она покинула дом и вышла на какую-то дорогу, прошло без малого полчаса.

Всё время до этого она ступала по безлюдной неширокой, но протоптанной тропе, которая и вывела её на покрытую песком и гравием проезжую часть, где она ещё прошагала минут пятнадцать, прежде чем через поле заметила трассу. Там она поймала только четвёртую машину. Водитель не особо хотел везти её в город, так как изначально остановился в надежде, что с такими сумками женщине нужно было недалеко, но под уговорами согласился. Единственное, что помнила Ольга, так это табличку-указатель реки не то Сестрино, не то Сестра спустя пятнадцать минут как поймала попутку. Через почти ещё два часа они попали в Москву. Водитель высадил Ольгу в районе Алтуфьево.

Река Сестра, как впоследствии оказалось, действительно существовала в том районе. Поэтому было решено ехать до неё, а там искать варианты подхода к нужному дому. Рано или поздно они бы его вычислили.

Ката то и дело рассматривала женщину. Странно, но лицо она «не прорезали» алкогольные припухлости и синяки возле приплюснутого носа. Жирным слоем тонального крема оказалось вполне возможным скрыть некоторые не явные дефекты серо-жёлтой от постоянного обмерзания и плохого питания кожи. Но вот волосы явно выдавали причинно-следственную педикулёза или локальной алопеции. Волос у женщины было мало.

На подъезде к реке две машины, в одной из которых находилась специализированная группа захвата, остановились.

и Антон спросил у Ольги, помнит ли та ту местность, где они сейчас стоят.

Та испуганно озиралась по сторонам, и было понятно, что ответ последует отрицательный.

Надежда была лишь на то, что они заехали с нужной стороны реки.

Спустя десять минут подъехали восемь оперуполномоченных, прежде искавших Никитку в близлежащих 50 км от Москвы. Они ставили акцент на деревнях, но никаких зацепок не нашли.

Через какое-то время Ката обнаружила, что из виду пропал Виктор. Вот он стоял и разговаривал с Лукавиным, но вдруг как сквозь землю провалился.

Она подождала несколько минут, полагая, что тот отошел в лес по нужде. Но муж не вернулся. Забеспокоившись, она подбежала к Михаилу. Тот разговаривал с одним из своих коллег с квадратным подбородком и яркими голубыми глазами.

«Скорее всего линзы», – подумала она.

Прикусив большой палец, она стеснялась вмешаться и потревожить их дискуссию, которая вот уже полчаса велась в одном русле – как искать ребёнка. Но вскоре не выдержала и буквально потянула Лукавина за рукав.

– Виктор пропал.

Михаил развел руками и предложил подождать ещё немного.

Но «немного» закончилось, а Виктор так и не появился.

– Кто видел его в последний раз? – спросил Антон у присутствующих.

Все разводили руками.

Один Солин видел, что Шемякин пошёл по дороге, по которой все недавно приехали, но в обратном направлении.

– Я не придал этому значения. Все выясняли, куда нам двигаться дальше, и разбрелись по группкам. Мало ли для чего человек пошел в ту сторону, – указал он взглядом на просёлочную, покрытую лужами после дождя дорогу, вдоль которой тянулись зелёные колосья.

– Он знает, куда идти, – заметил Михаил Лукавин, и на его лице заиграли желваки.

Поведение Виктора казалось подозрительным, и оперуполномоченному со стажем становилось ясным, что тот услышал то, о чём похититель говорил накануне, в день прослушки телефонного аппарата Шемякиных.

Михаил Лукавин давно заметил подозрительное поведение Виктора.

– Возможно, киднэппер угрожал нашему папаше, – сказал он очень тихо Антону. – Сигнал перехватил один из наших.

– Покрыл антенный кабель длинной ферритовой оболочкой?

– Если только кольцами – тогда менее заметно.

– В этом случае он создал помехи нам всем, а сам с Виктором слышал всё.

– На кого грешим?

– Пока не знаю. Но поймаю. Ты меня знаешь.

Сказав это, Антон осмотрел каждого присутствующего ястребиным взглядом. Опергруппы курили молча в стороне. Присутствующие в доме Виктора Шемякина в день звонка похитителя создали свою мини-группку и чертили что-то на ранее подготовленном ватмане, положив его аккурат на капот бордового пикапа «Хайлукс».

Все трое увлечённо рассматривали варианты нахождения нужного дома, периодически дёргая тем или иным вопросом Ольгу.

Последняя чувствовала себя очень зажато и расслабилась, лишь когда ей объявили, что в случае помощи следствию ей дадут лишь условный срок и максимум две недели работ в интернате в качестве уборщицы.

Антон понимал, что лучше всего начать искать мальчика, разделившись на команды, и медлить с этим не стоило.

– Шорин, Капинус и Шевц пойдут со мной, – скомандовал он на правах руководителя.

– Евфратович, Козловский вдвоем идут на север, – отозвался Лукавин, – остальные четверо подойдите ко мне, я вам дам указания.

– Солин, ты идёшь с Михаилом, – приказал Антон сослуживцу.

У Кати случился кашель. Она присела на краешек оставленного или выброшенного кем-то бетонированного разло-

манного куска серого цвета. Сбоку из него торчал небольшой, почти незаметный, но острый кусок арматуры, за который она зацепилась и, вставая, порвала куртку.

Бордовая и хрипящая, держась за грудь, она подошла к Лукавину.

В глазах застыл испуг.

Михаил интуитивно обнял её и попытался успокоить. Ему пришлось сказать жене Виктора о его с Антоном догадке.

– Но куда же он пошёл? – воскликнула та.

– Мы это обязательно выясним, не волнуйтесь так.

– Догоните его на машине! Если он пошёл по дороге, он вряд ли свернул в лес! Прошло немного времени!

– Я передал отставшей от нас по моим соображениям бригаде из двух полицейских нагнать его сорок минут назад. Они уже этим занимаются.

– Ещё не все приехали?

– Нет. И замечательно, что так. По моим подсчетам, если ваш муж пошёл в обратную сторону по этой дороге, то скорее всего он вскоре свернул на дублера этой – не на шоссе. Он, возможно, знает, где находится дом похитителя.

– Господи, вдруг он убьёт его!

– Навряд ли. Если цель захвата – выкуп, то убийство киднэппер вешать на себя не станет. Вероятно, он обезопасил себя. Возможно, у Виктора с собой нужная сумма денег, а тот не хочет, чтобы был хвост из полиции.

Катя не знала, куда себя деть. Она кусала губы, негодуя о

том, что мобильный мужа, на который она уже начала звонить, молчал. Сожаление о том, как он мог так с ней поступить, не давало ей покоя. Единственное, что оставалось – это надеяться.

Надеяться на то, что Виктор знает, что делает.

Что никто не убьет и не причинит вреда её семье.

Что скоро этот кошмар закончится, и чёрная полоса станет белой.

Пять минут спустя, когда Антон и другие намечали схему поиска, подъехали оставшиеся и сообщили, что проколесили вдоль дублера два раза. Вернулись на всякий случай на шоссе и проехали пару километров в сторону Москвы и обратно, но беглеца не обнаружили.

Антон должен был узнать, что передали Виктору в день прослушки немедленно. Надо было допросить всех четверых фсбэшников.

Проработавший в ФСБ добрый десяток, Гладких не первый раз сталкивался с похожей ситуацией, когда нужно было вычислить «чужого» среди своих. Но сейчас это касалось его отдела, его колыбели, его департамента, его второго ПМЖ.

Первый раз за долгое время он задал себе вопрос:

– С чего начать?

Мысль нагнетала и парила в темечковых областях мозга, молниеносно раздвигая хлам различных дум и предприятий,

как листает органайзер амбициозный и повернутый на своей работе топ-менеджер нефтяной компании. Она боролась с завтрашним отчётом за минувший квартал – его Гладких должен был предоставить ещё на предыдущей неделе; с сегодняшними догадками о поимке похитителя ребёнка и даже с мыслью о походе к стоматологу. Зуб мудрости всё время напоминал о себе в момент большого раздумья, как если бы метеочувствительный человек жаловался на ноющий сустав в преддверие грозы.

Он посмотрел на Катю.

Она выглядела старше своих лет. Возможно, неделю назад её светлая, не задетая глубокими морщинами кожа и соответствовала её возрасту. Но сейчас, в свете последних событий Антон замечал даже несколько седых волос.

Ещё она всё время кашляла.

Эта несчастная женщина определенно была больна.

37.

И за правду мою не боюсь никогда,

Ибо верю в хотенье.

И греха не боюсь, ни обид, ни труда...

Для греха – есть прощенье.

1901. З.Н. Гиппиус (драматург, литературный критик, писатель)

Проникавшее в густую зелёную листву солнце оставляло в воздухе сотни жёлтых дорожек.

Серые пылинки кружили в них хороводы, а потом как будто устав, они оседали на землю. Лучики попадали на зелёные листочки папоротников и играли с их зубчатыми краями, бегали солнечными зайчиками по траве и согревали промокшие после дождя паутины.

Заиграл колокольный звон и десятки медных переливов запели чарующее своим естеством приглашение принять участие в чём-то совершенно сокровенном и неизведанном.

Воздух наполнился гармонией звуков и того, что веками хранилось в этом загадочном месте. Все как будто не менялось здесь столетиями и сохраняло многовековую историю уединения, природной красоты и мелодию души и тела. Даже те самые папоротники, казалось, простояли здесь много лет, не изменившись. И лишь точёные стволы деревьев, прожив не один десяток лет, рассказывали о том, что до них здесь что-то ещё было, происходило и менялось.

Дорожки тогда не были протоптанными. Кустарники были другими. Болот было больше. Да и люди сменились другими людьми; эпохи сменились, а время застыло. Правда, здесь – на пригорке, вокруг которого стоял лес, всё было прежним. А там дальше, в двухстах метрах стояли каменные, отреставрированные уже в наше время постройки.

Постройки принадлежали широко известному в россий-

ских глубинках мужскому монастырю в Оптиной пустыне, где прямо сейчас начиналась литургия. Паства потихоньку собиралась на его территории, тянулась реденькой шеренгой к главному храму и благоговейно кланялась перед ступенчатым крыльцом.

Анна Черчина стояла посреди зала, и наблюдала, как заходившие целовали лики и преклонялись пред ними в крестном знамении.

Она чувствовала себя неловко, находясь среди, как ей казалось, завсегдатаев этого мирного помещения, в котором пахло ладаном, и где неостывший дым фимиама ещё кружился над головой.

У неё подкашивались колени. Она не понимала, как откроет рот и попросит кого-нибудь в рясе рассказать ей о тайнах исповеди, что нужно говорить, в какой момент сокрушаться и главное, зачем плакать. Но прочитала в интернете, что плач способствует искреннему прощению грехов.

«Вот ещё я плакать стану», – думалось ей.

К тому или иному батюшке всё время кто-то подходил, что-то спрашивал.

Другой служитель буквально пробежал мимо, и она не успела открыть рот, чтобы задать вопрос. А потом потеряла в голове его сущность.

Нет...это место было явно не для неё.

Когда-то в этом монастыре жил её друг. Попал сюда мальчишкой, совершал послушания по хозяйству на территории,

одно из которых было печь просфорки для прихожан и священнослужителей.

Анна подумала о нём в эту минуту и улыбнулась, припомнив, как тот плевался от её подарка – бутылки Кагора.

Оказалось, что священнослужители не выносят вино.

Оно и понятно. Пить его каждый день – кто выдержит.

Именно он и послал её сюда в этот час, когда она поделилась с ним тем, что натворила.

Храм был местом покаяния и освобождения от груза проблем, коих в последнее время у нее прибавилось. Виталий – тот самый друг – посоветовал сходить на исповедь, причаститься.

– То, что ты мне сейчас рассказала, останется только со мной, – ответил он ей на признание в беде, – но если ты не хочешь жалеть об этом всю свою жизнь, сходи покаяйся.

– Я же тебе каюсь, – ответила Анна. На что мне жаловаться чужому человеку, если я могу поделиться горем с тобой?

Тогда Виталик, как помнит Черчина, промолчал, как если бы обдумывал, что сказать. Хотя ответ оказался куда более прозаичным.

– Мне не положено по сану.

– Не дорос ещё? – перевела всё в шутку она.

– Типа того, – улыбнулся он.

Сложным было не покаяние, но отказаться от машины, которую Анна видела в грёзах; и средств, которые уже были перечислены на её золотую визу.

Она помнит тот вечер. Помнит, как пришла смска, оповещающая о том, что на её счету миллион.

Как же долго она представляла себе тот момент, как, бывало, слезилась от радости, представляя ту картину.

Но всё пошло не так... Все пошло куда более драматично, чем должно было быть. Погиб человек, пропал ребенок... Как же она плакала, рассказывая Виталику, что пропал шестилетний мальчик. Винаила себя.

– Как я смогу рассказать об этом совершенно чужому человеку? – насупилась она. Мне в полиции-то будет страшно признаться. А тут что называется добровольно-принудительное.

– Просто думай о том, что поп перед тобой будет не посредником Бога в момент рассказа, а самим Богом. То, что сказала бы наедине с ним, скажи и священнику. Поверь, чего они там только не слышали. Ведь все мы слабы по природе. Все. Но не каждый отважится всё рассказать, переступив свою гордость. Не каждый понимает, в чём истинное излечение. Совесть, она, живая. Понимаешь? Если она мучается, то её надо выпустить наружу.

Аня вспоминала сейчас те слова, а у самой дрожали колени. Ей было настолько стыдно, что она хотела убежать из храма навсегда. Но в тот момент, когда ей захотелось этого больше всего, она вдруг увидела старичка в чёрной рясе и встретила с ним глазами.

Тот появился из ниоткуда. Возникнув из вне, он направлялся к Черчиной медленными, спокойными шагами. А когда поравнялся, то рот открылся сам, и девушка осмелилась на разговор с не похожим на других стариком. Длинные, абсолютно белые волосы и такого же цвета кучерявая борода тянулись к груди. Густые, снежные брови почти соединялись в одну широкую полосу, и морщинка задумчивости выдавала две небольшие ложбинки, повисшие над карими глазами. Уже тогда, когда он обратил на неё внимание, она их заметила. Проникновенные карие глаза с гусиными лапками у их основания. И прямой, будто скульптурно вылепленный нос.

Старик замер, когда увидел слегка протянутую к нему руку.

На пару секунд, на мгновение.

Но этого хватило, чтобы девушка собрала в себе силы, чтобы к нему обратиться.

Много раз он видел этот сокрушённый взгляд, когда только в нём одном кружилось одновременно несколько фраз, слов и отрывков. Несколько тысяч раз он уже предполагал, что во взгляде таилась боль и отчаяние, непонимание и желание постичь тысячи ответов. И куда чаще уже знал заранее, для чего человек пришел в храм. Он и сейчас знал, что это белокурая симпатичная девушка, испуганная и загнанная собственными мыслями, скрывала отнюдь не несчастную любовь, потерю близких или обиды. Она совершила то, что нарушало нравственные нормы, а значит, сокрушалась

сейчас по той самой причине, что совесть сама взывала к рассудку, сама молила о том, чтобы выпустить наружу то, что казалось самой Анне настолько тайным, что она не расскажет об этом никогда и на за что.

Анна не знала, как её рука в действительности потянулась к худому, слегка склоняющемуся к земле старику. Было в этом что-то загадочное, неподвластное ей. Как и то, что она вдруг с ходу начала рассказывать о своей беде. Речь полилась спокойно и уверенно, без страха и стыда. Как если бы она готовилась к ней долгое время, и вот сейчас, вдоволь натренировавшись перед зеркалом, излагала всё ясно и размеренно, тихо, но с глубоким сожалением. Оно появилось само. Как будучи маленькой, она склонила голову и, боясь встретиться даже взглядом с авторитетной матерью, в возрасте шести лет, тревожилась переглянуться сейчас со стариком.

Ей было стыдно.

Очень стыдно.

Старик положил ей на голову какую-то ткань и что-то быстро проговорил хрипловатым голосом, а потом сказал прийти в храм завтра утром причаститься.

Анна побоялась поднять глаза.

В голову полезли совершенно идиотские мысли.

Она подняла глаза и увидела улыбающийся взор добродушного священника. Ей было странным видеть такую реакцию совершенно незнакомого ей человека. Другой бы начал осуждать, жеманиться, читать нормы морали и беседовать на

тему чести и достоинства.

Но только не этот старик.

Он не осуждал и не бранил её. Голос его был мягким и спокойным. При этом он был уверен в том, что говорил.

Прощаясь со священником поклоном, ей показалось, что она расслышала слова:

– Главное не трать деньги.

Или старик молчал?

Он стоял и улыбался, внимательно наблюдая за покрасневшей от волнения молодой девушкой.

По телу пробежали мурашки...

Проговорила ли она сама эти слова?

Проговорил ли старик эти слова так, что Анна не сумела этого заметить?

Со смущением и непониманием происходящего она покинула святая святых.

Прошло тридцать минут, и, прогуливаясь по территории монастыря, Анна шла по тропинке от колодца Амвросия Оптинского и просто дышала.

Дышала в кронах деревьев.

Дышала приятными ароматами зелёной хвои, почти не пахнущих листочков берёзы и редких соцветий зверобоя, медуницы и сциллы, растущих уже на клумбах в окружении каменных дорожек наравне с тюльпанами.

Весенняя тёплая погода грела лучами солнца, что пробивалось через негустые кроны деревьев и освещало отдельные

квадраты земли тёплым жёлто-золотистым покрывалом. Пели птицы, и был слышен далёкий голос прихожан, гостей и просто туристов. Но те были где-то поодаль, мельтешили отдельными группками по двое-трое слева и справа, впереди и сзади. Далеко.

Анна чувствовала себя здесь одной, наедине со всей этой красотой природы. Но ещё тише и спокойнее, вероятно, было на кладбище за оградой монастыря. Надо было его посетить. Она любила пройтись вдоль цветников, надгробных плит и цоколей могил. Кошунственные для других, но естественные для Анны такого рода прогулки доставляли ей удовольствие.

Тишина и невероятный покой оберегают места захоронений. Чуждые и порой поросшие мхом или же, напротив, отполированные до новизны кресты и надгробия привлекают своей вечностью, невозможностью что-либо изменить. Коротенькие кованые оградки привлекают дизайнерской работой художника, который знает толк в том, как угодить тому – не похожему на наш миру, – внести свой вклад в неизменную способность природы – способность убивать и возрождать.

Конечно, не все кладбища представляют интерес. Но ухоженные, залитые невидимым каким-то своим светом памятники с именами и порой бесхозные кресты навевают на раздумья о жизни и смерти, дарят понимание философии Вселенной.

И Анна была из тех, кто это чувствовал.

До кладбища Оптиной пустыни дойти надо было.

Вполне оставалось возможным, что оно не предоставит никакого интереса, и ожидание спокойствия и неземного ощущения вечности не постигнет её. Вероятно, это кладбище будет не таким душевным.

Но каково же было её изумление, когда сомнения рассеялись.

Анна и сама не поняла, как вышла к некрополю. Но он поразил её. Это был самый настоящий памятник архитектуры!

К девушке подошла женщина и рассказала, как в большевистские годы кладбище громили и оскверняли, снимая плиты, железные и чугунные памятники и кресты. Разбрасывали некоторые, но большинство отправляли на металлургический завод или использовали в качестве топлива деревянные. Как многие плиты были разрисованы гадкими словами. И какой труд понадобился, чтобы восстановить всё это достояние!

– Что это за здание?

– Это часовенка, возведённая после варварского нападения сатаниста на трех монахов в 1993. Её возвели в их честь.

– Ужас..., – откликнулась Анна.

– Они не сопротивлялись.

– Но почему?

– Зло всегда имеет мнение, что оно делает мир лучше, убивая тех, кто, по его мнению, не достоин жизни. Приверженцы язычества и колдовства приносят в жертву злу плоть

и кровь, чтобы то питалось и росло от ярости. Но природа создана Богом. Он удерживает баланс – не позволяет лукавому зайти на свою сторону.

– Как?

– Любовью. Злейшим врагом ярости.

– Не понимаю.

– Сатанист убил несчастных, тем самым подпитав себя злыми пороками, сделался сильнее, пролив кровь. Но любовь так же сильна, как и ярость. Они соразмерны.

Тысячи людей после этого случая пришли к вере в неопровержимые заповеди Христа путем молитвы за страшно убиенных. Молитвой они получили смирение и терпение. Теперь эти качества никогда не позволят им пустить в сердце зло. Тысячи людей стали добрее. Ведь жалость к ближнему и переживание за него в нас уже заложены Богом. Несчастье объединяет людей его покровительством, ведь помогать друг другу – это одна из его заповедей. И вместе люди сильнее, а значит, и добро под более надёжной защитой.

– Они не сопротивлялись, потому что знали, что, давая сдачу, они лишь питают зло, не так ли?

– Всё так, родная. Всё так. Терпение и смирение – сильные качества. Они рождают любовь, то есть Бога внутри тебя.

Звонкое «нет» хмурило брови Анны и трусливым беззвучным тоном сидело в её голове. Это «нет» мешало сосре-

доточитьсяся.

Она грызла заусенцы, ковыряла их палец о палец.

Верхние зубы тёрлись о нижние. Они то стискивались и напрягали узкие скулы, то играли во рту с языком.

– Нет!

Анна просто не могла пойти в полицию и рассказать всё, как было.

– Как я это сделаю?

– Завтра Кирилла поймают и меня тоже.

– Меня схватят вместе с ним.

– Ну, почему мои мысли, как волны, приходят наплывом?

– Где мой мозг был неделю назад?

– Всего лишь неделю назад...

– А если я промолчу, и они не найдут его? В конце концов окажется, что Касьяс умер естественной смертью. Докажут, что смерть наступила не от аллергической реакции, а от обширного инфаркта.

«Перенапряжение».

«Он много работал... Богатые всегда пашут на износ.»

Анюта Черчина сидела перед телевизором и восхищалась тем, как ловко она придумывает оправдания. Несколько параллельных Вселенных вершились несоразмерными Галактиками в полушариях её головного мозга. Периодически отвлекаясь на тиканье часов и странный громкий смех в своей голове, она с возмущением ругала себя за нелепость всего, что так испортило её жизнь.

Ещё три года назад она бы побежала в салон покупать желаемую машину. Последняя висела у неё на холодильнике в виде вырезанного фото из журнала для домохозяек за тридцать пять рублей. Было модным дарить себе, любимой, или просить подружек подарить тебе «коллажи желаний», на ватмане которых красовались вырезки из газет и журналов с изображением того, чего очень хочется достичь. Фен шуй в этом случае подсказывал в середину клеить ту картинку, которая олицетворяла бы самое заветное и нужное. Незамужние девушки часто клеили «жениха и невесту», замужние – «малыша», у всех одинаково был вырезан «калифорнийский дом с гаражом», «пальмы у моря» и «платья от модных дизайнеров».

У Анны было почти всё то же.

Вот ещё и машина.

Машина, что лежала в её кармане.

В любой момент она могла бы пойти и приобрести её.

Но совесть боролась с соблазном, как борется ярость с любовью.

Ярость с любовью...

Анна вспомнила слова той странной женщины из монастыря.

Слова о терпении и смирении.

«Нельзя подпитывать зло злом...», – подумалось ей.

Творила ли она зло, соглашаясь на дорогой подарок? Она могла прямо сейчас купить заветный мини купер, и это ни-

кому не навредит.

«Это не было злом».

Или было?

С точки зрения не терпения и не смирения, её реакции вполне могли бы быть приписаны к негативным. Но не к злым. С точки зрения морали, она мыслила явно эгоистично и безалаберно, когда хотела заполучить материальную выгоду. о материальная сторона медали не давала Анне Черчиной покоя, как если бы не получив вознаграждения за труд, она грызла себя изнутри.

Чем были те вознаграждения и какой ценностью они для неё являлись, она могла бы расхваливать направо и налево.

Многостаяжательные мысли теплились некой надеждой на осуществление задуманного, не желая и вовсе сравнивать-ся с многозначительными моральными устоями, к которым юная девушка не привыкла, пытаясь на протяжении своей недолгой жизни просто соответствовать своему нынешнему поколению, обуреваемому эмоциями иметь всё сегодня и сейчас.

Но она не желала зла мальчику.

Конечно, она уже была в курсе всех последних новостей.

Ребёнок был не виноват в том, что случилось. И своим молчанием она могла его убить.

«Что было в голове у Кирилла Левина в эту самую минуту? Мог ли он обидеть мальчика?»

Ведь не убийство Касьяса, ни похищение ребёнка в планах

не стояли.

Обналичиванием денег или покупкой машины Анна рисковала быть записанной в списки обвиняемых во всём этом хаосе последних событий.

Но только ли страх сесть в тюрьму и пойти соучастницей вереницы преступлений сражались с искушениями Анны?

Она не могла дать на это точных ответов. Но то, что совесть её обличала, скручивала изнутри и давила во всём признать, она знала наверняка. Она спросила себя, стало ли ей легче после разговора со старцем в Оптиной пустыни, и ответ не заставил себя долго ждать. Было бы странным не признать того, что ей действительно полегчало после разговора с ним, и это не было похоже на разговор с подругой, которых она, впрочем, не имела. Это был разговор с мудрым человеком, который желал ей добра и покоя. И тот самый покой она обрела, признавшись в своей боли.

А окончательный покой решила обрести, всё же обратившись в полицию с признательными показаниями.

38.

Как бы ни просилась и ни рыдала Катя отправиться на поиски с полицией и спецгруппой, её уговорили остаться в пикапе.

– Вы кашляете так сильно. На вас нет лица. К тому же, вы будете только обузой в лесу. Уже совсем темно. Вы можете

споткнуться, потеряться.

У всех своих ориентиры и обязанности. У нас нет времени следить ещё и за вами.

– Я обещаю вам найти и мальчика, и вашего мужа. С ними, наверняка, всё в порядке.

– А Виктор? – сглотнула слезу Ката.

Её глаза уже привычно были наполнены и блестели от избытка навалившегося отчаяния.

– Виктор знает, куда идет. Не исключено, что он уже рядом с сыном и скоро будет здесь, – отозвался на душевный порыв Антон.

От последних слов Кате стало легче. Она сжала в кулаке безмолвный мобильный, на котором то и дело проверяла время и наличие пропущенных звонков и смс. Но экран лишь скудно выдавал название сети оператора. Хорошо известное «абонент не доступен или находится вне зоны действия сети» уже не щемило и не раздражало. Оно стало привычным. Несмотря на то что при включении абонента в сеть оператор присылал соответствующее смс, Ката наивно полагала, что оператор мог и не успеть послать смс.

Она послушно пошла в пикап.

– Вот сборник японской этнической музыки. Моя девушка занимается йогой и неугомонно повторяет, что и то и другое помогают очищать её карму.

Робкий Евфратович подошел к «Хайлуксу» и наклонился, чтобы протянуть незапечатанный CD-диск через слегка

приоткрытое окно.

Худые пальцы Каты подхватили сборник и послушно нащупали на плеере меню запуска.

Она улыбнулась младшему лейтенанту в ответ.

В салоне раздался ласкающий звук бамбуковой флейты, и на мгновение Ката прикрыла веки, чтобы настроиться на отдых, который был ей необходим.

Чарующие и реалистичные звуки природы наполнили салон теплотой и солнечным светом, помогли поверить в реалистичность звенящего ручейка и пение перепела. Неудивительно, что такая мелодичность и соотнесённость с природой помогали расслабиться телу и душе.

В машине работала печка, и Ката не заметила, как провалилась в наполненный звуками сон, манящий своей журчащей рекой и лёгким прикосновением тёплого ветра...

В это время начались поиски. Подъехали ещё пять человек. Другой помощи Антон с Михаилом не ожидали – многие были на выездах, а объявленный в связи с тёплой погодой период отпусков отнимал ещё добрый десяток помощников.

Сначала было решено добраться на машинах во все близлежащие участки так, чтобы свет фар и количество народу не спугнуло дачников и местных жителей. Для этого каждый был одет в гражданское и научен вести себя приветливо и дипломатично.

На дворе стоял вечер, в домах теплился свет и процент

населения, ожидающий ужина и любимой программы передач, был велик.

По одному оперативники стучали в дома или звонили в приделанный для гостей и незнакомцев звонок или интерком на воротах.

За два часа попались различные категории граждан.

Кто-то был приветлив и доверчив, услышав о пропаже шестилетнего мальчика. Те впускали оперативника в дом и разрешали осмотреть его так, чтобы даже погреб с гаражом не ушёл от внимания.

Кто-то был поддат и под веселительным горячительным достаточно агрессивно отвечал на просьбу сотрудника войти в дом и обследовать его. Но и те в конце концов соглашались, увидев раскрытые корочки и выслушав требовательную просьбу помочь в поисках ребёнка, чьи родители били отчаянную тревогу.

В общем и целом, каждому из оперуполномоченных и сотрудников ФСБ, что участвовали в поисках по ходатайству Антона и его личной просьбе, удалось войти во все дома в близлежащем районе, коих насчиталось 74. Но ни в одном из них Никитка обнаружен не был.

В это время проснулась Катя, и покинувшая её ненадолго тревога вернулась с прежней тоской и апатией.

Зазвонил мобильник.

Это была Лена.

– Нашлись?

Ее голос прозвучал коротко и с волнением.

До этого она уже звонила раз, и Ката ненароком разозлилась на подругу, которая занимала эфир.

– Нет, – раздражённо ответила она.

Лена не обиделась. Она прекрасно понимала ситуацию.

Или хотела понять.

У неё не было детей, но Никитка был для неё сыном. А тут ещё и Виктор пропал. Она лишь бросила очередное краткое: «Звони, как будут новости» – и отсоединилась.

Когда звонок раздался вновь, Ката была уверена, что это вновь звонит Лена, и сейчас она точно не снимет трубку.

Сколько было можно!

Но на экране высветился номер Михаила Лукавина.

Дрожащей рукой она провела пальцем по мобильному.

Какие новости она хотела услышать?

Да любые.

В голове прокрутились самые печальные.

При неизвестности любая мать рисовала в своем подсознании вначале самые жуткие картины, когда её ребенок не выходил на связь. Вот проплыла картина, как шестилетний мальчик – замёрзший и голодный – сыщет по деревьям или городу с протянутой рукой. Вот он отмахивается от бродячих псов. А здесь он неподвижно лежит...

Но она тут же себя одёрнула и хлопнула по щеке для лучшего эффекта.

В конце концов это был всего лишь звонок. А новости ча-

ще бывают хорошими. Она не раз в этом убеждалась.

На том конце провода были слышны посторонние шумы, а голос Михаила сжёвывался, как песня на кассете, когда пленка зажёвывалась из-за некачественного лентопротяга.

Что-то про Анну?

– Какая ещё Анна?

– Молодая... в офисе... разлила.

Как же скукоживало от того, что в такой важный момент сеть не ловила и издевательски пропадала.

«Такие деньги получают эти операторы сотовой связи и не могут наладить качество связи!»

«Лишь отговорки о том, что слышимость зависит от мобильного телефона».

«Лишь разговоры и запудривание мозгов».

«Почему-то, когда звонишь через очередную социальную сеть, через интернет-соединение, связь такова, как если бы человек сейчас стоял здесь и разговаривал с тобою tête-à-tête».

Мысли раздражения лились в голову, пока после нескольких попыток передвижений по участку, где стояла машина, Ката не услышала доносившееся с того конца провода совершенно отчетливое предложение:

– Ваш муж не виноват в смерти Касьяса! Его отравили в переговорной. Но Виктор здесь ни при чем.

Ката сглотнула, когда поняла, что от переизбытка чувств у неё заложило уши.

Зажав рот рукой от исходившей радости, будто боясь потерять это чувство, она улыбнулась.

– Вы не нашли его?

В телефоне послышалось глухое «пока нет».

– А Никитка?!

– У нас появились версия того, где он может быть. Я пока не хочу оглашать её в связи с непроверенной информацией. Но уверен, что он живой и с ним всё в порядке. Катя, его, наверняка, похитили с целью мести, но тот, кого мы подозреваем, явно использует мальчонку для шантажа, и ему невыгодно будет причинять ребёнку вред.

Михаил знал, что в свете открывшихся улики слова «наверняка» и «явно» были безошибочными индикаторами реально произошедшего, и без них сообщение прозвучало бы более резко и явилось бы причиной ненужных расспросов, а он не хотел раскрывать сути вещей до поры до времени.

– Мести? Какой мести? Кому? Вы едете к нему?

– Мы ищем его местоположение. У нас есть данные оформленной им ранее банковской карты. Сейчас отправил опергруппу по адресу, указанному при регистрации карты. Это в Москве. Надеюсь, там его застанут. Сообщу впоследствии, договорились?

– Да.

Связь прервалась, и Ката вернулась в машину

«Какая ещё месть?»

Она не стала перезванивать Михаилу. Всё так быстро не

решается. Он обещал, что всё расскажет. Значит, расскажет.

39.

Предатель, у тебя и машина чёрного цвета ...цвета подлости.

«Похороните меня за плинтусом»

Фрагмент из кино по одноимённой книге П.Санаева

Антон Гладких стоял посреди своей ватаги, члены которой воссоединились спустя три часа поисков нужного дома.

Ольга, которая пошла с одной из групп, сидела вымотавшаяся прямо на краю дороги. Видимо, ей было не привыкать вот так вот плюхаться прямо на голую землю.

Ката кашляла и тем самым вводила присутствующих в неловкое замешательство. Было принято решение вызвать ей Скорую, когда с мокротой появилась кровь. Как бы она ни сопротивлялась, наспех подъехавшая «Газель» с красным крестом в составе одного фельдшера с водителем, увели её под обессилившие локти в кабину. Она не ела толком уже четыре дня, а сегодня не ела совсем – всё отказывалась. Говорила, что не хочет.

Как только машина с мигалками скрылась из виду, Михаил подошёл к Антону и предложил всем переночевать в ближайшем мотеле в двух километрах от них. На дворе стояла ночь. Все устали. Возможно, Ольга ошиблась со стороной расположения посёлка, и нужный дом придётся искать в

противоположном направлении.

По адресу, который был указан в регистрационном поле при оформлении золотой банковской карты для Анны Черчиной, никого не оказалось.

Прибывшие на место оперативники взломали дверь под сигнализацией и обыскали трехкомнатную квартиру в частном секторе в одном из спальных районов Москвы. Типовое жильё болгарстроя оказалось пустым, и по сообщениям соседей, владелец квартиры не появлялся в ней уже продолжительное время. Кто-то назвал период две недели, кто-то видел Кирилла месяц назад. Так или иначе, на лестничной клетке и этажом выше Левина не любили, так как когда он появлялся, то перегораживал парадный выход из подъезда своим чёрным джипом и вызывал в связи с этим ряд осуждений. Один из соседей пожаловался на грубость реакций со стороны владельца машины, через которую детские коляски приходилось буквально передавать через капот.

Двое дежурных остались на посту возле той самой машины, по той или иной причине оставленной Левиным под окном. Предполагалось, что он уехал на арендованном автомобиле в свой загородный дом, который предстояло отыскать.

А пока три часа сна возле Дмитровского шоссе не повредили бы никому, тем более что ночные появления сотрудников безопасности могли всполошить район. Стуки и разного рода переминыя на крыльце, шорохи возле домов в ночное время могли спровоцировать бегство преступника.

Продолжить поиски было решено завтра спозаранку.

Находясь в комнате мотеля, Антон прохаживался по квадратной площади номера с нелогичным названием «Золото викингов» и, несмотря на запрет курения в номерах, потягивал красный уголёк ментолового «Esse».

Золотого оттенка в комнате шестнадцати квадратных метров были если только запылённые блестящие органзовые занавески жёлтого цвета да наклеенные на не до конца выровненные стены золотистые обои.

Ольга не вызывала подозрений в том, что она действительно не помнила, где находится дом Кирилла, трое из его коллег тоже – но вот Шевц...

Что касается Анны, когда Михаил передал Антону, что сегодня в восточное отделение милиции пришла Анна Черчина с чистосердечным признанием, его это не удивило.

Тогда во время дачи показаний она вела себя слишком напряжённо.

Нет.

Она не врала.

Она недоговаривала.

Анна тогда слишком мало упоминала о себе... Она рассказывала так, будто все случившееся кто-то выдумал и описал в третьих лицах – как часто она заменяла «мне» «меня» «моё» «наше» на «ему» «его» «их».

Самозащита – ПРИЗНАК ЛЖИ.

Точно так же мог недоговаривать один из членов его команды. Все они были наученными специалистами, дёрганных и импульсивных в спецполки не брали. Но частые переминания рук, бегающие глаза, натянутая и неестественная речь – ещё не повод обвинять человека во лжи. Лгать может даже тот, кто ведёт себя вполне непринуждённо, естественно и уверенно.

Антон попытался вспомнить, как вел себя Шевц в момент прослушки разговора с похитителем, а также его дальнейшие действия, поведение, мимику... всё. Почему-то он не доверял именно ему... Что это было?

«Интуиция?»

Шевц был опытным офицером. За много лет работы в отделе он заслужил немало доверия, съел ни один пуд соли с лучшими из лучших и пользовался если не лучшей, то весьма существенной репутацией среди служителей ФСБ.

Но помимо «озорных» юношеских лет Шевца, когда тот ещё подрабатывал на рынке сотовых девайсов, Антона смущал ещё один житейский опыт, с коим он столкнулся незадолго до случившегося похищения. Он о нём и не вспоминал в связи с навалившейся в последнее время работой. Но сейчас всплыл в памяти, как если бы озарение вдруг поступало в ситуацию дилеммы. Не так давно Николай Шевц обследовался на медкомиссии и в момент забора крови, как ошарашенный, выскочил из кабинета медсестры, исчезнув

на добрые полчаса.

Не то, чтобы это что-то значило, но вызвало недоумение. На любопытствующего Антона произвела впечатление и последующая реакция Николая. Он написал ходатайство на отгул во второй день исчезновения ребёнка.

Мысли смешивались между собой, как переплетения тоненьких прозрачных нитей, гоняли марафон в голове и передавали эстафету.

Антон курил и внимательно смотрел, как уголёк сжигает папиросную бумагу на конце тонкой сигареты.

Вдох...и он спокоен и расслаблен.

Выдох...и в голове водоворот мыслей.

Мысль о возможном кроте сменилась на мысль о мотивах недавнего преступления.

Теперь было ясным, что бывший руководитель «Яхт-СтройТехнолоджис» задумал убрать своего конкурента, лишив того времени.

Октаболлин бы вогнал Виктора в сон или даже порадовал бы злопыхателя галлюцинациями руководителя столь крупного финансового проекта на глазах у vip-клиентов. А в то самое время появился бы Кирилл – весь такой напыщенный с великолепным проектом в руках – тот бы в свою очередь немало удивил Касьяса. Сумасбродная красная «бес-тия», яхта-мечта, красивая, как упругое женское тело, акула в воспетом художником агрессивном стиле, притягивающая взгляды любителей судохода – Роберто бы наверняка

польстился.

Но ничего не вышло. Черчина прокололась с партнёром Шемякина – Андреем Лукенко и теперь вот раскололась на ЧП.

И это было почти вовремя.

«Почти», потому что Левин успел осуществить план Б – явно случайно подвернувшийся, явно неожиданный для него самого. Ведь мальчик мог бы и не пойти искать маму.

Как же ловко он всё просчитал – просто герой боевика!

Как же он узнал, что Катя уедет на встречу с подругой?

«Вовремя», потому что он ещё не знал, что через три часа Антон выдвинется на его поиски первым в составе группы, а значит, шансы застать Кирилла врасплох всё же ещё были.

Ну, а Шевц явно вызывал у Гладких подозрения. И одновременно надежду на то, что тот может знать местоположение ребёнка. Потому что главной целью сейчас было – отыскать здоровым и живым шестилетнего мальчика.

Антон начал припоминать те доли секунд, когда на прослушке разговора Виктора и похитителя вдруг пропала связь.

Лица.

Жесты.

Покусывания губ.

Не было ли ничего подозрительного в поведении Шевца?

Или, быть может, Антон наговаривал о нём про себя, так как тот в глубокой юности, приторговывая мобильны-

ми телефонами в забытой теперь всеми компании «Бералинк», воровал дорогие новинки, а потом умело зашифровывал пропажи в «1С Предприятия». Об этом в ФСБ никто не знал.

Кроме Антона.

Из внутреннего кармана он достал серебряную флягу и сделал глоток бурбона. Закрыв его крышкой. Потом подумал мгновение и сделал второй глоток. Горячая струя обожгла гортань, но обогрела слегка замёрзшее от дующего кондиционера тело. Мысли рассеялись и притупились, захотелось выкурить ещё одну сигарету. Антон потянулся за мягкой пачкой, но одёрнул себя, припомнив, что обещался бросить.

Третий глоток американского бурбона помог расслабиться окончательно, и Антон провалился в сон на заранее подготовленной им кровати.

40.

– Скажите мне напоследок, – сказал Гарри, – это всё правда? Или это происходит у меня в голове?

Дамблдор улыбнулся ему сияющей улыбкой, и голос его прозвучал в ушах Гарри громко и отчётливо, хотя светлый туман уже окутывал фигуру старика, размывая очертания.

– Конечно, это происходит у тебя в голове, Гарри, но кто сказал тебе, что поэтому оно не должно быть правдой?

Холодные пальцы перебирали песочные крупички земли и нащупывали в темноте сорняки или корни, за которые можно было ухватиться, чтобы выбраться наружу. Зачем? Мальчик и сам не знал. Но оставаться в столь открытой яме ему было страшнее. Хотелось забраться на дерево и обнять мокрую кору на самой верхушке – у самого неба – куда не забралась бы ни одна собака и луч фонаря.

Стояла ночь.

Весь день мальчик просидел в яме.

Температура опустилась до пятнадцати градусов, но холодно не было. Страшно – да. Холодно – нет.

Сердце колотилось.

Зацепившись за сорняк в основании ямы, Никитка потянул его, чтобы опереться правой ногой о какой-нибудь выступ, но сорняк вместе с корнем остался в его руке. Тогда он на ощупь и боясь наступить на невидимого владельца ямы – он подумал, что наверняка это должен быть медведь – попробовал найти что-нибудь выпирающее. Пройдя почти полный круг или квадрат непонятного размера ямы, он почувствовал торчащие корни дерева. Те явно принадлежали достаточно крупной сосне. Оттолкнувшись ногами о рассыпчатую землю, мальчик вылез по ним на поверхность.

И побежал.

Побежал, что есть сил. Потом останавливался и пробирал-

ся под колючими кустами шиповника и можжевельника. В руках оставались колкие, незаметные остринки, что торчали в шероховатых стебельках.

Руки машинально брал в рот. Когда появлялась заноза, её можно было высосать или поддеть зубами.

Неожиданно врезался в столб дерева. Голова закружилась так, что не сдержался от боли и взвыл. Потом отошёл и побежал дальше.

Возможно, он бегал кругами. Возможно, он терялся, и его бы никогда не нашли. Но слишком силён был страх перед той гладкошёрстной и изящной собакой с заостренными ушами и оскалом, с пеной у рта, когда она скалилась или рычала.

У Никитки пробудилась жалость к той собаке с его рост. Она не могла быть злая, думалось ему. Её просто так выдрессировали, её заставили.

Наконец, мальчик обессилел. Остановился и прислушался к собственному дыханию. Сложил вместе ладошки и начал дуть на них тёплым воздухом. Мизинец на правой руке совсем замёрз. Его он засунул под щёку. Пальцы на ногах терпимо зудели, но по большей части не из-за холода – ребёнок то и дело спотыкался о торчащие корни и валяющиеся ветки.

Страх темноты вернулся с успокоением от того, что за ним больше никто не следил, никто не бежал. Стоять и прислушиваться к шорохам стало невыносимо страшно. Плакать было нельзя, поэтому мальчик всхлипывал и шмыгал носом.

Очередное дерево с достаточно широким и крупным стволом встретилось на пути. Никитка попытался на него залезть, но из-за отсутствия сучьев у подножия, он быстро скатился к земле.

Вторая попытка была более удачной, когда он с небольшого разбега запрыгнул на ствол и зацепился зыбкими пальчиками за выпуклую и грубую кору. Задержавшись в таком положении несколько секунд, Никитка подпрыгнул всем телом выше и впился ладонью в острый торчащий сук. Преодолевая боль, он обхватил его и ещё долго держался, чтобы не упасть. Далее его правая ножка уже стояла на суку, а руки на ощупь искали другие выступы.

И нашли.

Очень скоро мальчик сидел на толстом суку, оперевшись спиной на ствол массивного и пахнущего смолой и хвоей дерева. Облегчение настигло вновь, и ребёнок закрыл глаза, стараясь задремать.

Было страшно упасть.

Но с правой стороны торчала огромная игольчатая ветвь и, оперевшись на неё боком, Никитка задремал.

Сон перенёс его в наполненный солнцем лес.

Окаймлённые золотом верхушки деревьев покачивались с направлением ветра. Который совсем не ощущался в низине, где стоял человек в тёмно-серых штанах с большими карманами, служившими ему, видимо, для хранения большего

количества инструментов. Вот он засунул руку в один карман и достал оттуда синюю зажигалку и пачку сигарет. Прикурил одну. Вдохнул и выпустил лёгкий дымок в сторону ежевичного куста. Из другого кармана он достал маленький ножичек с чёрной рукояткой и наклонился куда-то. Оказалось, что он срезает гриб с масляной коричневой макушкой, с прилипшим к ней берёзовым листочком.

Кто был этот человек?

Никитка не знал.

Просто верил, что человек хороший.

Потому что у него была борода, как у папы. А бородатые дядьки не могут быть злыми, думалось ему.

Мужчина поднял взор к крадущемуся сквозь кроны деревьев солнышку и зажмурил один глаз от летнего луча. Сигарета по-прежнему оставалась во рту.

Птицы щебетали разными голосами и порхали с ветку на ветку.

А мужичок тем временем шёл вдоль канавы с сухим дном и бугорками возле берёзовых деревьев. Он вышел к камышовым зарослям и услышал плеск прибрежной рыбы. Слева от него открылся небольшой, покрытый травой пляж. Бархатно-зелёная блестящая и пушистая трава пахла летней свежестью. И мужичок поддался маленькому искушению отдохнуть после прохладного леса, присев на краешек зелёного островка, перед которым серебрилось и покрывалось рябью от легкого ветра озеро. Широкое и глубокое, названное

не то в честь очередного греческого Бога, не то по названию прибрежной деревушки Пирусс от повелительного наклонения «Пируй, Русь», это озеро манило своей романтикой и суровостью. Ведь не всегда оно было такое спокойное. Иногда оно буйствовало. Тогда ураган накрывал лесные массивы и деревушки поблизости, сносил крыши домов и навесов, оставлял после себя столько разрухи.

Откуда эта информация засела в голове у мальчика? Не покорёженное ли от ржавчины название села он увидел недалеко от просёлочной дороги, прежде чем картинка сна сменилась на кроны деревьев и доброго мужичка?

Или ему об этом кто-то рассказал?

Никитка подошел к курящему мужчине и сел рядом, предварительно спросив об этом разрешения. А мужичок улыбнулся и ничего не ответил. Тогда Никитка ещё долго сидел и смотрел на еле виднеющийся на противоположном берегу такой же поросший травой островок.

Потом он подошёл к воде и, пытаясь на весу дотронуться до ровной глади тёмного с песочным дном озера, вдруг полетел вниз с обрыва...

Было очень страшно.

Настолько, что мальчик закричал и закрыл глаза.

Правда, тут же открыл. Ведь с закрытыми глазами он не понимал, куда летит...

Он проснулся.

Озноб вернулся, и Никитка всеми силами вцепился в ствол дерева, чтобы не упасть. Ведь он проснулся от того, что вот-вот упадёт.

Сердце заколотилось.

Он сидел на такой большой высоте, что, когда он посмотрел вниз, к маленькому горлу подступила тошнота, а шум налетевшего ветра пронзил острым холодом и будто подтолкнул его к пропасти. Будто захотел, чтобы мальчик упал сейчас вниз навстречу грубой и влажной земле.

Как же он смог сюда залезть?

Внизу практически не было сучков. Лишь один острый край торчал небрежно снизу, в двух метрах от него. Он вспомнил, как ночью схватился за него, и посмотрел на ладонь – на ней остался сине-бордовый отпечаток синяка. Преодолевая ужас, ребёнок развернулся передней частью тела к стволу сосны и, обняв его как можно крепче, начал медленно, но верно спускаться к земле. Несколько раз он думал, что вот-вот упадет. Но он превозмог. Он справился. До земли оставалось ещё метра полтора, когда он ослабил руки и ноги и, не желая больше бояться, прыгнул.

В ногах отозвалась протяжная боль.

Но спустя несколько секунд она прошла.

Теперь мальчик стоял посреди деревьев, окруженный упавшими стволами и кустами. Суматошно и резво озирался по сторонам.

«Куда идти?

Есть ли здесь волки?

Как найти дорогу?»

41.

Поистине душное утро выдалось на севере Подмосковья. С туманом и с запахом гари от выжженной травы на близлежащих полях. В майскую пору шло массовое приготовление к новым посевам, и накануне дым стоял тёмно-серым столбом пыли, возвышаясь над верхушками совсем позеленевших деревьев.

Антон стоял на деревянном крыльце мотеля и вдыхал отравляющий дым, в который раз обещая себе бросить это дело.

Он видел две основополагающие причины курения.

Первая его, безусловно, убивала, но чертовски успокаивала нервные клетки.

Вторая оправдывала его творческие завершения административных и уголовных дел, лидируя в качестве веского аргумента не бросать втягивание смога. По крайней мере, до и после курения Антон чувствовал положение дел совершенно разными. Когда он начинал нервничать и думать, то не мог сдержать покусывание нижней губы, что явно намекало на желание занять рот сигаретой и перестать хмуриться.

То он и делал.

После чего взвешивал свежую идею и отбрасывал окурочок в сторону. Сколько таких окурочков набралось за всю его карьеру в ФСБ, можно было только гадать. Но все они, безусловно, были малыми или большими идеями.

Сейчас он думал о нескольких факторах одновременно.

Не оправдывающим его обстоятельством было то, что вместо текущих планов он помогал другу в розыске ребёнка, помогая МВД и Интерполу в поимке виноватого в убийстве испанского гражданина. Сколько бы ни было на его плечах расследований, связанных с госбезопасностью, это дело никак не характеризовало его с лучшей стороны. Он прекрасно понимал, что может сулить ему несоблюдение законодательства и использование служебного положения в личных целях. Но наряду с общественными интересами и принципами Антон Гладких ставил семью и дружбу. Не мог он думать о карьере, когда речь шла о безопасности его личного окружения. Очевидным было его намерение перейти все государственные принципы и практики, когда, как казалось на первый взгляд, плёвое дело с отравлением вышло за область одной игры, чтобы начать другую. Конечно, он не ожидал, что его намерение помочь разобраться в убийстве Касьяса выльется в иное дело – уже о похищении ребёнка.

Никто иной, как следственные органы МВД должны были этим заниматься. Но Антон уже не мог остановиться. Его компетенция могла бы выручить не только друзей, но и доказать собственным моральным принципам, что есть в нем

ещё что-то человеческое.

Приятное было крыльцо у мотеля. Прямо напротив леса, а не дороги, как бывало наоборот.

Мысль вернулась к похищению мальчика, которую нужно было решать немедленно.

Совершив звонок, он назначил встречу четырём подопечным, которые сидели на прослушке в момент разговора с похитителем.

Шевц.

Солин.

Капинус.

Шорин.

Он встретился с ними в том же мотеле, в кафе. Было шесть часов утра, но невозмутимо бодрая официантка бежала с прозрачным кофейником среди редких посетителей и достаточно бойко произносила заученное меню завтрака, в котором фигурировали жареные яйца, копчёная колбаса и сосиски с тостами, к которым прилагался клубничный, малиновый и абрикосовый джем.

Надо сказать, было приятно видеть неплохой сервис в том самом мотеле под названием «Мотель», который явно был чьим-то закрытым акционерным обществом.

По правде говоря, у Антона не было намеченного плана того, как вычислить крысу среди своих. Его намерения сейчас выдавала интуиция, сомнения и страх перед невыполнением задания. Повелеваемый острым чутьём и подозритель-

ностью, Гладких не только хотел выручить Михаила Лукавина – старого друга и соратника – но и избавиться от предательского элемента, так сильно порочившего Федеральную Службу Безопасности.

Гонимый идеей отыскать того, кто был соучастником киднеппинга, уже через пятнадцать минут после завтрака он дал указания следовать южнее села Рогачёво, рядом с которым они находились, по направлению к предполагаемому дому похитителя.

Подготовка к этому неожиданному событию, по словам Антона, наметилась в связи с тем, что вблизи от необходимого объекта час назад был получен сигнал.

По его словам, звонила женщина и сообщала, что похищенный мальчик, якобы, находится в загородном доме их соседей, но не в Рогачёво, где они предполагали его найти, а в сорока пяти километрах отсюда. Антон рассказал, как женщина связалась с одним из оперуполномоченных Михаила Лукавина буквально считанные минуты назад, и обеспокоенным голосом поведала, что её муж видел ребёнка по описаниям похожего на шестилетнего Никиту Шемякина.

– Поедем на двух машинах вшестером, – предложил Михаил, – Шорин с Капинусом и Солин поедут со мной, а Антон с Шевцом на «Хайлуксе» сзади.

Антон с таким раскладом вполне согласился.

Гулко и звонко машины рванули одна за другой, оставив за собой столбы песчаной пыли. Отчетливо видные на пустой утренней дороге, они шли по одной линии, пока не скрылись на горизонте в поднимающемся все выше и выше солнце.

Прекрасное начало дня сулила абсолютно пустая трасса. Это настораживало и одновременно придавало решимости нажать на газ и услышать рёв мотора. Последний в свою очередь рычал при каждом нажатии на педаль акселератора, и машины, как дикие звери, устремлялись вперед – намеренные поглотить всю эту радость свободного передвижения, как если бы всю ночь томились в клетке.

Привыкшему стоять в заторах и пробках москвичу было сложно не радоваться пустому серому асфальту, и шестеро в машинах не скрывали восторга того, что сорок пять километров они минуют за двадцать минут.

С другой стороны, крайне мало времени оставалось до пункта назначения, в котором должен был состояться план-перехват.

– Надо бы вызвать бригаду, – сказал Шевц, и тем самым ввёл Антона в некое замешательство. Ведь тому уже продолжительное время казалось, что Шевц в курсе того, где Кирилл, отец мальчика и сам ребёнок. А значит, стоит полагать, что он не захочет привлекать к этому делу бригаду подмоги, и, вероятно, постарается предупредить своего подельника о надвигающейся угрозе.

– Чуть позже, – откликнулся Антон, – сначала нужно удо-

стовериться, что мы едем по правильному адресу.

Идея того, что сидящий рядом с ним уверен в том, что адрес ложный, вспыхнула в голове и рассыпалась на несколько шариков, которые в виде предположений и домыслов запрыгали в подсознании, как гидрогель на сковороде. Последний бы начал ещё при всём этом попискивать от накаливаемой температуры. Мысли же Гладких пока лишь только вертелись, что давало им больше шансов наконец успокоиться и расстаться по своим местам в голове.

Антон посмотрел на часы.

7:45.

Через какие-то пятнадцать минут они будут на месте.

Его машина шла за «Опелем», в котором находились Михаил, Солин, Капинус и Шорин.

Признаться, он не любил так ездить. Когда ты за кем-то следуешь, это немного нервирует. Ты должен придерживаться нужной скорости и в то же время следить за всеми маневрами, совершаемыми впереди идущим автомобилем.

В свое время он в этом преуспел, работая в службе безопасности питерского прокурора, когда каждое утро вот так же следовал за его машиной. Гособвинитель желал ездить за рулем сам, при этом любил бывать в машине один. Мало кто интересовался причиной, так как она была очевидной: многие расценивают свой автомобиль, как второй дом, в нем личное пространство с любимой музыкой, свои пропитанные освежителем воздуха кресла и приборная панель,

какие-то личные вещи... Так или иначе, Антон сопровождал своего босса из Адмиралтейского района в Центральный, минуя реку Фонтанку и стоя в каждодневных пробках. В них нужно было изворачиваться так, чтобы не выпустить из виду машину прокурора. Это, наверно, было единственным, что он ненавидел тогда в своей работе.

Сейчас в зеркало заднего вида он заприметил приближающееся к ним авто. Это был довольно больших габаритов автомобиль – похоже, джип.

И вправду, пойдя на обгон, с ними поравнялся тёмно-зелёный «Форд Бронко».

Они ехали на довольно высокой скорости, но пришлось чуть притормозить, чтобы дать желающему проехать первым на пустой трассе, чтобы не менять собственной схемы движения.

Джип миновал впереди идущего «Хайлюкса», но как только перестроился впереди «Опеля», то тут же затормозил, отчего две машины энергично влетели в него одна за другой. Антон успел вовремя нажать на педаль тормоза и вывернуть руль влево, что привело бы к плачевному исходу, будь на его пути встречная машина. Но сейчас трасса была свободная, и стоящий капотом вперед встречной полосе «Хайлюкс» заморгал боковыми сигналами, предварительно слегка задев собственным передним правым боком о левый задний «Опеля».

Это было вторым практическим навыком, которым Глад-

ких отлично овладел на уроках экстремального вождения.

Капот впереди стоящего «Опеля» скривился от столкновения с зелёным джипом и стал выпускать слабый дым. В целом, повреждения были восстанавливаемыми.

Из «Бронко» вылетел водитель с пистолетом и мигом направил его на четверых сидевших в «Опеле».

Только Антон успел вынуть из кобуры свой, как увидел замаячивший справа от Шевца ОЦ-33 «Пернач», который вилял в руках неизвестного легко и играючи. Было заметно, что угрожающий не любитель и точно знает, чего хочет.

Двое из «Бронко» были в масках и камуфляжных штанах. Разговаривал тот, что первым выскочил и держал на мушке Лукавина, Солина, Капинуса и Шорина. Он приказал всем, кроме Лукавина, прижаться спиной к «Хайлуксу», после чего осмотрел их и отобрал всё оружие, включая каймановский нож, подвязанный выше щиколотки у Капинуса.

После чего четверых, включая Шевца, что был с Антоном, затолкали в «Форд». Из них двоих в багажное отделение. Не тронули лишь Антона и Михаила, которые остались в некоторой растерянности на месте происшествия совершенно одни.

Но лишь на какое-то мгновение. Потому что спустя считанные секунды, на встречке с пригорка появилась машина, и Гладких замахал руками, чтобы её остановить, когда налётчики вместе с его сотрудниками стартовали в неизвестном направлении.

Приближающаяся легковая машина остановилась, и Антон тут же подбежал к водителю, замечая отдаляющиеся от него взгляды недоумевающих коллег и их уменьшающиеся по мере движения машины лица.

Все четверо успели увидеть, как остановившийся возле Антона Гладких водитель вовсе не намеревался никому помогать, а, наоборот, поступил так же, как и с его коллегами. Под дулом пистолета их руководителя вместе с Михаилом посадили в легковушку бежевого цвета и увезли в противоположном направлении, оставляя всё больше загадок произошедшего.

«Хайлукс» с «Опелем» так и остались стоять на дороге...

42.

Надсадность кашля выводила Катю из себя. Она начала слышать себя со стороны, и надо сказать, раздражалась от собственного недомогания всё сильнее и сильнее по одной простой причине – он мешал ей найти сына!

Желтовато-зелёный сгусток мокроты напугал её сегодня утром, когда она чистила зубы. Серый, землистый цвет лица и опавшие веки с синяками под глазами сделали её старой... Настолько, что она поймала себя на мысли, что может не успеть найти сына и тогда...

«Господи».

«Господи».

«Господи».

Фонтан солёных и горьких слёз вырвался наружу. А затем укоры. Укоры самой себя. Что не уследила. Что не предотвратила. Что не обезвредила.

Но кого?

Откуда она могла знать, что сын так легко сможет открыть дверь и выйти из дома...

Ну, конечно, она не заметила, как тот вырос. Для неё он был всё тем же плюшевым медвежонком, коим называла его с тех пор, как купила в два года пижамку – костюм с лопухим капюшоном.

«Но он ведь давно не малыш. Уже взрослый».

Укоры сменились самооправданием, отрешением от собственного я и попытками уговорить отражение с опухшими веками и постаревшим лицом в том, что жизнь – это зебра. Чёрная полоса не замкнёт круг, а белая вот-вот настанет, и её семья снова будет рядом, за этим круглым столом. Виктор возьмёт выходной, и они всей семьёй поедут в зоопарк. Как тогда... Это ведь было так недавно.

Или так давно?

Казалось, каждая вещь в этом доме играет против настроения своей хозяйки. Неумолимо и досадно над ней смеялся тот самый шкаф, из которого она когда-то выбирала платье, чтобы пойти с мужем на мюзикл.

«Красное или черное?»

Она всегда заведомо знала ответ Виктора. Им служило

безразличие. Не то, чтобы он не видел разницы, просто являлся одним из тех мужчин, которые не любят выбора платья перед каким-то там мюзиклом. По их мнению, можно надеть всё, что угодно, и оставаться при этом красивой. Для таких мужчин не важна цветовая гамма или даже длина с вырезом или без.

Они хотят страсти. А та видна и в красной, и в чёрной модели. Кружевные и узорчатые линии с богемными нашивками, дополнительными подкладками или, наоборот, их отсутствием для того, чтобы платье было слегка прозрачным; или же абсолютно прямые, гладкие линии вдоль бедра и сужающиеся на талии – всё это доставляло много стресса и беспокойства о том, что женщина слишком увлеклась выбором, а представление вот-вот начнется. И вот в тот самый момент, когда мужчина понимает, что пора бы выйти из дома, а дорогая вдруг всерьёз задумалась над цветом, он любезно говорит ей о том, что оба платья к лицу его женщины. И даже, если он вдруг ненароком поймает себя на мысли, что чёрное было эффектнее, он промолчит. Потому что такой выбор не для настоящего джентльмена. Его задача сейчас ускорить процесс отправки в театральное заведение.

Виктор был из таких.

«Где он сейчас?»

«Здоров ли?»

Прошли сутки, как Ката видела его в последний раз.

Оператор не присылал сообщений «Абонент в сети». Это

доставляло немало беспокойств. Ведомая страхом и тревогой, Ката пошла на кухню, чтобы выпить успокоительное. Она приняла сразу две таблетки.

Хотя эффект был, и истерика прошла, чувство тревоги не гасило ничто.

Вчера, когда Скорая привезла её вместо больницы домой, она чувствовала слабость и, как под воздействием алкоголя, была отвлечена от проблем. Она устроила настоящую истерику, не собираясь ехать ни по каким больницам и даже страх перед одиночеством, ожидавшим её дома, не останавливал.

Сейчас Ката набрала телефон подруги и, услышав на том конце знакомое «Алле», решила для самой себя сделать вид, что в её жизни ничего страшного не произошло. Так было легче разговаривать.

– Ты не против, если мы не будем говорить о том, что случилось? – прогнусавила она разбитым от принятых седативных таблеток голосом.

Глаза её были закрыты, и казалось, что она вот-вот уснёт. Но как бы сильно ни успокоило её лекарство, спать она бы сейчас не смогла. Поэтому и надо было с кем-то поговорить, чтобы шевелились губы. От бездействия совсем она бы просто отчаилась.

– Ты лучше Расскажи мне, что у вас с Алексеем?

Лена сначала опешила от твёрдости подруги. Промолчала какое-то время, собираясь с мыслями о том, что бы ответить.

А потом не без вздохов и с некоторой робостью рассказала о дне рождении и о подарке. Не вспоминая нарочно разговор с Катей о найденном ей украшении, поведала, как глупо себя почувствовала в тот самый момент, когда Алексей ей его подарил.

– Так я в курсе колье была... ты прости, – Ката объяснила, что Лёша не хотел, чтобы Лена знала о подарке.

На том конце трубки повисло молчание. И Ката тут же ударила себя по лбу, поняв, что подруга обиделась.

– Да, ладно..., – ответила Лена, – всё это такая ерунда в сравнении с тобой. – Что говорит врач?

Лена понимала, что Кате сейчас не до своего здоровья, но эта тема была куда лучше, чем безысходные разговоры о сыне и муже.

– Да, что-что... Скорая когда забрала, фельдшеры настаивали на том, чтобы ехать в больницу, а я в такой депрессии из-за случившегося, что забрыкалась, запаясничала и, в общем, они сдались. Дали направление. Пообещала им приехать наутро в больницу. Вот надо ехать. А тут такое.

– Значит, так! Муж с сыном найдутся! Я это точно знаю! А тебе нужно в больницу! Я приеду через час и отвезу.

На этом они и порешили. И без того обессиленная Ката поплелась искать свой медицинский полис, который она всё время куда-то девала.

Лена приехала через полтора часа. Краснощёкая и какая-то другая, она вошла в квартиру Шемякиных в первый

раз после того, как на них навалилось сразу столько несчастий.

Всё было по-прежнему.

Лишь гора грязной посуды и какая-то одежда, разбросанная по полу, свидетельствовали о том, что хозяйке сейчас было явно не до уборки.

– Может, Таню позвать? – спросила Лена о домработнице, которая приходила к Кате раз в неделю.

– Не надо. Давай потом.

Вид у Кати был никакой. Она была похожа на заплесневелый продукт. Губы пересохли и потрескались. Под кожей просвечивалась сосуды. И от этого она была столь некрасивой, что было неприятно смотреть на лицо. Глаза были пьяными и безразличными. Ката похудела и осунулась. Перед Леной стоял совершенно другой человек. Та подруга, которую она знала, никогда бы так не выглядела. Любительница брендовых вещей и заядлый шопоголик стояла перед ней сейчас в распахнутой рубашке мужа, надетой на какую-то грязную майку, и в трусах. На голове можно было свить гнездо – настолько неряшливо лежали волосы. Гонимая идеей хотя бы её причесать, Лена молча отвела Катю в ванну и ещё десять минут буквально вырывала непослушные свалывшиеся волосы, заставляя свою обладательницу ахать при каждом движении расчески.

– Ты вообще на себя не похожа! Ты думаешь, твоя семья будет рада видеть перед собой леденящую душу героиню.

ню японского фильма ужасов?

Ката засмеялась впервые за долгое время.

Как хорошо, что приехала Ленка!

Ну, куда она без неё.

Через пятнадцать минут они были на пути в онкологическую клинику в Коломенском, от воспоминаний о которой обеих бросало в холодный пот. Лена всю дорогу расспрашивала подругу о другой – с врачами-международниками, специализирующимися на такой же онкологии. Трещала о том, что наслышана о преимуществах и качестве обслуживания в клиниках Израиля.

– Посмотри на меня, – прохрипела та с ухмылкой безразличия, и сухонный, почти шансонный голос своей обладательницы заставил Лену замолчать.

– И на последних стадиях врачи творят чудеса, – чуть всплакнула она и сдержала остальные эмоции, как смогла.

– Да нормальная это клиника. Не переживай! И, потом, я не уеду никуда... без мужа и Никитки.

По приезду их ждал врач.

Катя протянула тому направление от пульмонолога.

Прочитав эпикриз о Екатерине Шемякиной, седой и не лысый лишь по бокам мужчина произнес:

– Лебедянская Елена Анатольевна.

А потом сдвинул очки на кончик носа и добавил:

– Знаем мы такую.

Потом он долго и внимательно заполнял карту. Что, к со-

жалению, входило в перечень услуг, предоставляемых врачами, ещё повсеместно. Жалобы на их некрасивый почерк никогда не имели под собой глубинного смысла и оснований, так как парадоксальным образом у большинства врачей всегда был аккуратный и неразмашистый почерк. Но вопреки перфекционистским канонам, доктору было просто необходимо писать быстро и, следовательно, не всегда красиво.

– Вы готовы на госпитализацию? – спросил он Катю, приподняв очки и натянув их обратно на место.

– Да, – воскликнула за неё Лена.

Оба тут же перевели на неё взгляды.

– Понимаете, – продолжила она, – моя подруга сейчас переносит сильнейший стресс. Она будет отнекиваться до последнего и вообще, она, по-моему, не осознаёт, что болеет. По крайней мере, не в эти дни.

Ката встала и подошла к окну.

За ним виднелся парк с зелёными лужайками и далёкими тонкими жёлтыми тропинками, под склонами деревьев которых, вероятно, прогуливались семьи и друзья, одинокие молодые люди и старики. Все они дышали майским воздухом. Он наполнил живительной силой даже самые поздние зелёные листочки.

Ката вздохнула, и сиплое горло отозвалось посвистывающим звуком, слабо напоминающим то ли открытие заржавевшей створки, то ли ветер, влетевший и просочившийся сквозь её старые щели.

Над кронами красовалась церковь Вознесения, залитая солнечным светом так, что её белая фасадная краска казалась ещё белее. Когда Ката была на том самом месте в последний раз, то не смогла попасть внутрь из-за растянутой вдоль неширокого прохода цепи с небольшими звеньями. Посередине висел лист А4. Его предусмотрительно вложили в непромокаемый файл. Надпись на бумаге свидетельствовала о закрытии церкви. Ката от кого-то слышала, что есть женщина, которая хранит заветный ключ от массивной железной решетчатой двери и может войти туда, когда только захочет.

Как выглядела эта женщина? Каково открывать границы истории и иметь возможность быть её частью, когда никого вокруг нет.

Кроме одного, конечно...

Голос Лены вернул её в больничную обстановку.

– Ты останешься здесь, хочешь ты этого или нет.

Катя посмотрела на неё вымершими глазами и вернула взгляд в сторону зелёных пушистых макушек деревьев и к белокаменному шпилью.

– А ты отвёдешь меня в парк? – тихо спросила она.

– Конечно, – отозвалась Лена.

43.

– Алло, привет. Это я.

– Виктор??

– Да. Ты сейчас где? Надеюсь, не в офисе так орёшь? Андрей прижал левой ладонью трубку и огляделся.

– Я на верфи. Ты где? Что у вас там происходит? Серафин в панике! Даже Ростик не знает, где ты, что ты...

– Заткнись и слушай. Этот ублюдок держит в заложниках моего сына.

– Кто? Кирилл??

– Да.

– Что ему надо?

– Догадайся...

– Вот мразь... Ради места ребёнка утащил...

– Собери сейчас все документы на фирму и направь мне по мейлу.

– Но ты не можешь совершать никакие операции без Родина!

– Некогда говорить. Нас могут слушать. Отправляй сканы и прошу тебя... быстро.

– Ну, хорошо, хорошо! Но скажи, где ты? Твоя жена сходит с ума. Полиция на ушах. Какая там полиция... ФСБшники же в теме. Они думают, ты в курсе, где Кирилл, но боишься сказать.

– Ката? Как она??

– Я слышал, что не очень. У неё какой-то странный кашель, и она... ребёнка потеряла... хотя ты тоже...

Тишина на том конце трубки заставила думать Андрея

Луценко, что Виктор отключился. Но вскоре последовал голос.

– Передай ей, что я её люблю.

Послышались гудки.

Тем временем бежевый седан промчался мимо загородной полосы коттеджных домиков за зелёным полем. Выпущенный ещё до начала миллениума почти пятиметровый «BMW» запечатлелся в памяти удаляющихся, напуганных неожиданным поворотом пассажиров «Бронко» как старый и покрытый внизу коррозией автомобиль выцветшего то ли персикового, то ли бежевого цвета.

– Ну, вроде всё в норме.

Водитель с отросшей чудным образом бородкой надул за щёки поток воздуха и напыщенно выдохнул, как если бы получил весомое облегчение от проделанной работы.

– Через двадцать минут Тёмка сообщит по рации о готовности, – сказал он и повернул направо, к тому самому мотелю, из которого буквально час назад выезжали Антон со своими коллегами и Михаил.

– Вы там помягче с ними. И так потом объясняться вышестоящему. Совсем мы с катушек слетели, конечно.

– Да, ладно тебе, брось. Когда надо найти крысу, полезны любые мышеловки.

Машина остановилась у мотеля и двое прошли на террасу,

на которой недавно чаёвничал Гладких.

– Я думаю, что это Шевц, – сказал он человеку с бородкой, садясь за тот же столик у окна. – Он мне никогда особо не нравился. Хитрый тип. Вообще все, кто когда-либо чем-то торговал или торгует, ещё те лукавцы.

– Не спеши. Ребята обработают. Узнаем.

Человека с бородкой звали Иваном.

Он выглядел долговязым, но щекастым. На вид ему было 38 лет. По тому, как он уверенно себя вел с Антоном, можно было предположить, что они были явно знакомы.

– Спасибо, дружище, – ответил Гладких.

Та же самая официантка, но уже с более потухшим видом подбежала к ним, вытирая руки о передник, белизна которого с утра казалась Антону более естественной.

– Что будете есть? – улыбнулась она.

Через полчаса двое знакомых и Михаил уже поглаживали довольные животы после куриных отбивных.

Надо сказать, что в действительности кормежка и обслуживание, месторасположение, присутствие леса и вида на него, выделяли этот мотель среди других. Возможно, в будущем планировалась реорганизация его в отель.

В кармане у Антона завибрировал мобильный.

– Наш отец нашёлся! – воскликнул он после ответа на звонок.

– Какой отец?

– Виктор. Позвонил Андрей Лукенко. Ну, тот, что с ним

работает. Правая рука, нога и остальные части тела, – заулыбался засветившийся от приятной новости Гладких.

– Я думал, его правая рука та девица – Чер... Как там дальше?

– Черчина, секретарша. Ну, да. Она, кстати, недавно раскололась, что Левин ей золотую карту с миллионом на ней лежащим вручил.

– Да ну, брось!

– Вот так...

– Так значит, она...

– Да. Идёт как соучастница.

– И где Шемякин?

– В Луховицах.

– Занесло... А ушёл пешком.

– Так подбросили, видимо.

44.

Когда тебе трудно, закрой глаза, обратись к сердцу. Только не путай его песню с настойчивым голосом собственного эгоизма. Только в сердце есть все ответы на наши вопросы, мы просто редко обращаемся к нему, гоняясь за быстрым результатом.

Эльчин Сафарли «Рецепты счастья»

Виктор не был на сто процентов уверен в том, что Ан-

дрей не расскажет полиции и ввязавшимся в происходящее сотрудникам ФСБ о том, что он объявился.

Но он был уверен, что о нахождении Кирилла знал только он, и это являлось веским аргументом звонка своему партнёру и другу – Лукенко.

После того, как тот переслал все документы, Виктор тут же двинулся к Левину, чтобы забрать ребёнка и передать, как Кирилл и хотел, документы о праве частичной собственности «ЯхтСтройТехнолоджис», а также договор дарения своих официальных 40 процентов акций и признательные показания, в которых он указал об обмане использования ЯПС-345 «Гаваны» как своего дизайна, когда тот, якобы, принадлежал Кириллу Левину.

Всё это не волновало Виктора, как и то, что всё это было неправдой. Раз Кирилл шёл на такие безумства, как подкуп сотрудника ФСБ, чтобы тот зашифровал сигнал во время его разговора с Виктором, то он вполне мог не блефовать. И его угроза убить мальчика вполне могла реализоваться.

У Виктора промелькнула мысль о том, каким образом Левин узнал, что 40 процентов акций официально принадлежат Шемякину, ведь он это тщательно скрывал. Все вокруг полагали, что владелец верфи один – Серафин Родин. И что, случись какие недопонимания, решение всегда останется за последним. Для всех вокруг Виктор являлся генеральным директором компании.

Какой он был дурак, что согласился тогда в Барселоне на

столь щедрый подарок... Конечно же, Ростик – его дядя – подговорил своего друга на такой поступок. А тот тоже хорош... Взял и согласился.

Что же теперь будет?

После заверения копированных документов у нотариуса и с заявлением о пересылке оригинала почтой Виктор двинулся из съёмной квартиры в Луховицах по Дмитровскому шоссе.

Плюющийся от некачественного бензина старый «Хьюндай» был запылён изнутри так, что песчинки витали по салону, как снег кружился зимой. Виктор даже чихнул после двух минут включенного кондиционера, отключение которого было разумным решением – фильтр там явно не меняли годами.

Он ехал и ещё не знал, что прошло уже два дня с того момента, как его сын сбежал от Кирилла.

Гонимый идеей наконец завершить это зловонное и шаркающее среди эгоизма и гордости дело, он мчал сто семьдесят в надежде, что юзанный десятками людей автомобиль не предаст его на полпути, как когда-то предал собственный новый.

«Эвок» Виктор оставил на платной стоянке возле метро. Понятное дело – его искали, и светиться было ни к чему, пока он не заберёт сына.

В голове не было плана.

Как если бы он сейчас ехал на крупную сделку, он не пред-

принимал попытки предугадать её исход до самого окончания. Он корил себя за то, что мог поступать неправильно, но сердце сражалось с разумом, металось внутри, старалось обмануть его, обхитрить, уговорить в своей правде и тем самым обезвредить.

«Дурак...»

«Мудак...»

Саморазлад и самокритика раздавались в голове, и другие оскорбления сменяли друг друга.

Виктор промчал указатель реки Сестра.

Он был так близко.

Навигатор предупреждал о приближении к цели. Флажок на дисплее облегчал и, наоборот, отягощал момент встречи.

Стало страшно так, что сердце предательски заколотилось.

«Что-то не так», – сказал он себе, проезжая бугор, возле которого договорился встретиться с Левиным.

Достаточно большой, чтобы его не заметить, бугор торчал перед дорогой и прямо просился, чтобы за него заглянули в надежде кого-то там отыскать.

Что Виктор и сделал, припарковав автомобиль на обочине.

Но за ним никого не было.

Тогда он стал набирать номер мобильного телефона, который ему передал...

Как же его звали? Виктор и не мог припомнить.

Он не винил этого ФСБешника в обмане. Ему было всё равно. Как если бы это был прохожий незнакомец, который, как в кино, надвинув на бок шляпу, подошёл на улице и вручил заветный сверток карты сокровищ. Виктор был просто рад тому, что скоро увидит своё сокровище, когда найдёт место с крестиком. А что в госорганах был предатель, было неважным, несущественным и настолько незначимым, что директор «ЯхтСтройТехнолоджис» не волновался особо. Как и за то, что мог пойти соучастником обмана.

Он не боялся сейчас ничего, кроме того, что если его мальчика убьют или покалечат, он не простит себе этого никогда на свете.

Умирать будет, но не простит.

В трубке послышались короткие гудки.

Было занято.

Виктор набрал снова. Но гудки повторились.

Тогда Виктор попробовал снова и снова, пока руки не затряслись от беспокойства так, что в порыве бессознательной тревоги он не швырнул дешёвую «Нокию» на дорогу.

Озираясь с опасением, Виктор не знал, что ему делать. Он не знал, куда ехать. Ему сказали приехать к этому бугру.

Мог ли он ошибаться?

Мог ли он поехать не по той дороге и даже звонить не по тому номеру?

«Успокойся!» – сказал он себе и взял с пассажирского сидения пачку сигарет.

Время шло.

Начинало смеркаться, но никто не появлялся, и даже за всё время нахождения возле леса – а прошло без малого два часа – проехало мимо всего пять машин. Виктор считал их, так как думал, что в одной из них его сын.

Телефон работал, но по-прежнему выдавал короткие гудки.

«Надо было ждать. Поворот тот. И тот бугор».

Неожиданно он почувствовал острую боль в области головы. Что-то мокрое и липкое потекло по щеке. Тяжёлый и железистый запах ударил в нос, смешавшись с приятным хвойным. Виктор упал на колени и ладони, отчего горячий ушиб отозвался по всему телу. Было так больно, что он не мог поднять головы, чтобы посмотреть на ударившего его. Голова закружилась, и всё вокруг потеряло чёткие очертания. Он сделал попытку повернуть голову, но, проделав это, заметил только размытое пятно возле его машины. Оно копошилось на заднем сидении и активно двигалось.

Чёрное размытое пятно открыло багажник и начало рыться там.

Так продолжалось целую вечность. По крайней мере, Виктору так показалось.

Потом наступила темнота.

Очнувшись с потрескивающими от жара и боли висками,

Виктор, наконец, начал отчётливо видеть. Вокруг машины валялись бумажные листы. Их было добрых две сотни. Документы и копии договоров, оценочные сюрвейерские работы и прочее были разбросаны по всей дороге. Ветерок поднимал за края белые листы и разносил их по всей округе.

В панике Виктор начал собирать все листы, суматошно разглядывая их предназначение.

Он искал главные.

Но их нигде не было.

Тогда он ещё несколько раз пролистал десятки собранных грязных листов, пока не убедился в том, что те, которые он вёз Кириллу Левину, пропали.

Он закричал.

Дикий, опустошающий нутро крик вырвался наружу и пронёсся эхом по пустой дороге и лесу.

Измощенный, он сел на край дороги, не понимая, как ему действовать теперь, кроме как позвонить Андрею и Михаилу.

Другого выхода не оставалось. Он не имел другого плана, кроме того, который только что провалился.

Но прежде он набрал номер жены. Он не звонил ей, потому что ждал минуты, когда заберет Никитку. Но теперь, когда столкнулся с неудачей, он понимал, что Ката дорога ему не меньше сына. Тем более, она болела.

«Господи, хоть бы не подтвердился самый страшный диагноз», – думал он.

Тихий и такой родной голос ответил «Аллё».

Хриплый и такой далёкий, он звучал страшнее, чем тогда, когда Виктор оставлял свою жену недалеко от того места, где сейчас находился.

Он молчал.

Он не знал, что говорить, и главное – как говорить.

Что он мог сказать?

Что он все ещё не знает, где их сын? Что он обманул даже ФСБ, потому что был слишком горд и упрям, чтобы довериться им полностью? Что сейчас он стоял посреди Богом забытого места без надежды отыскать мальчика? Что он плохой муж и ему надо было внимательнее относиться к жене и не заставлять её сходить с ума от тревоги и страха потерять ещё и мужа?

Он молчал.

Он молчал до тех пор, пока она не спросила:

– Витя, это ты?

Пока голос её не сорвался, повторяя вопрос.

Пока он не услышал тихий, всхлипывающий плач.

– Конечно я, родная, – ответил он, – я еду к тебе.

Как-то неожиданно для себя он понял, что поедет к ней сейчас же. Сразу же после звонка Антону Гладких. Он расскажет, как было. Он объяснит. И мальчика продолжат искать.

«Кирилл хоть и мудака, но не убьёт ребёнка! Хотя бы из страха сесть за решётку. Он отпустит его! Наверняка, отпу-

СТИТ!»»

45.

Двадцать раз попробуйте, на семьдесят первый раз получится.

Армейский фольклор

– Это Шевц, – раздалось в трубке у Антона Гладких, и этого было достаточно, чтобы понять, кого они всё это время пытались вычислить.

Конечно, его пытали.

А чего он ожидал после того, как купился на ту мразь?

Производные армейские и тренировочные пытки ещё никого не оставляли равнодушными. Сколько Антон служил, столько дивился тем, кто считал, что пройдёт их, не сказав ни слова.

Шевца теперь ожидал контрольный детектор лжи.

Но информации, которой он поделился, было вполне достаточно, чтобы заявиться к Кириллу Левину с визитом.

Конечно, было жалко других. Солин дался на допросе тяжелее остальных, так как Антон с ним бок о бок учился и чувствовал некое предательство перед ним за эту неловкость ситуации. Капинус весь допрос был спокоен, и нужды применять силы не последовало, как, впрочем, и с Солиным, который тоже уверенно прошёл все беседы. Шорин вызывал

некоторые сомнения, но на последнем этапе допроса оказался молодцом.

Когда Гладких собрал всех в офисе, то на правах руководителя сразу принёс всем благодарственные извинения, не показав при этом ненужной слабости и отягощающей вины, кои он всё же испытывал. Он предоставил отчёт по форме, прочитал необходимые для законных оснований пункты и пожал присутствующим руки, поблагодарив ещё раз за мужество и противостояние коррупции.

– Собрать спецгруппу, – распорядился он спустя сорок пять минут. Ровно столько длилась их встреча с Шориным, Капинусом и Солиным.

Ещё четыре часа назад, когда их привезли в подвальное забетонированное помещение, они не сомневались в том, что оказались в руках террористов и, что, скорее всего, живыми оттуда не выйдут. Когда речь пошла о Левине, все четверо были весьма удивлены, рисуя себе масштабность влияния бывшего генерального директора какой-то верфи. Лишь Шорин в конце нелicenseприятного разговора признался, что почувствовал степень перформанса, произошедшего доселе на шоссе, когда на них напали. Мысль о том, что их проверяют, мелькнула и у Капинуса. Правда, также на финальном этапе тяжелого разговора. Лишь Солин был по-настоящему напуган. Антон лично принёс ему свои извинения ещё и в отдельном порядке, пообещав скорый оплачиваемый отпуск за столь резкий поворот событий.

– И позвоните Шемякиным. Виктора пока не трогайте. Я с ним сам поговорю, – отдал распоряжение Антон подтянувшись по его просьбе офицеру с гладко выбритым лицом.

«Ну, не дурак...» – подумал Гладких, почесав свой небритый подбородок.

«Это ж сколько молчал! Уже бы пацана нашли».

Он был рад тому, что вычислил чёрное пятно раньше, чем в этом признался Виктор. Если бы тот заявил об этом кому ещё или при других обстоятельствах, то было бы лишней головной болью вытаскивать его из той трясины, в которую он бы себя вогнал.

У Антона не было своих детей, и он никак не мог сложить логическую цепочку и связь событий, побудивших Виктора молчать. «Неужто тот Левин и впрямь мог сделать что-то с ребёнком?»

Когда Шевц привёл Антона, Михаила и спецгруппу захвата к дому Кирилла, на часах был девятый час вечера.

Смеркалось.

Окна не горели. И даже лампы над дверью с круглым верхом не подавали никаких признаков нахождения кого-либо дома.

Антон дал распоряжение разделиться на две группы. Первая из которых брала на себя левое крыло, вторая – правое. При этом он с Михаилом и тремя спецназовцами шли с па-

радного входа, другая группа из пяти человек – с заднего.

Передовая была перекрыта, тогда как в микрофон, вставленный в ухо, Антон услышал, что задний ход был открыт.

Кирилла обнаружили спящим в своей кровати. Приставив ко рту «тиссовский» прототип, отряд прочесал его комнату и сообщил Антону, что никого кроме хозяина в ней нет.

Оказавшиеся в доме остальные спецназовцы ещё пятнадцать минут искали мальчика, осмотрев даже подвальное помещение.

Орлеанская дева, Мэрилин Монро и Коко Шанель, которые ещё недавно смотрели на мальчика горделивыми взорами, были разломаны искромётным чёсом уполномоченных.

Немецкая овчарка загавкала знакомым сигналом в комнате, в которой почти три дня назад находился Никитка. Данная псу по кличке Морс куртка мальчика пригодилась в обнаружении места, где держали ребёнка.

С улицы послышался рёв и лай Гермеса – добермана Кирилла. Тот отчаянно бился на цепи, пытаясь снести конуру, чтобы помочь своему хозяину.

– Возьмём с собой, – сказал Антону Михаил, услышав душераздирающие вопли пса.

Не рассчитывавший на отсутствие ребёнка в доме Михаил сел на крыльцо и закурил.

– Если это правда и, по словам Левина, ребёнок убежал два дня назад, то с ним могло случиться всё что угодно.

– Будем сообщать родителям? – спросил Антон, отстра-

нённо смотря в сторону леса.

Молчание Михаила говорило о его опыте. Он знал, что шестилетнему ребёнку трудно выжить одному в лесу. Последний раз, когда он столкнулся с побегом семилетней девочки от собственного отчима, который издевался над ней и пригрозил в конце концов убить, обернулся трагедией. Девочку нашли мёртвой в болоте в первый же день.

Она утонула.

Два дня было бы сильнейшим испытанием и стрессом для шестилетнего мальчика. Тем не менее, надо было искать.

Надежда была.

Спустя двенадцать часов, когда Антон, Михаил и поисково-спасательная служба прочёсывали очередные пару километров от того места, где предварительно находился мальчик, подъехали Виктор и Лена.

Катю перевели и определили в паллиативную лечебницу в десяти километрах от онкологической.

Вчера у неё случился обморок, и она сильно стукнулась головой о косяк двери в палате. Она напрочь отказалась от болезненных процедур, прописанных накануне, и умоляла отправить её хотя бы туда, где обстановка будет сродни домашней, до тех пор пока не найдут сына. Виктор оставил ей мобильный и звонил каждые полчаса. Когда он не захотел рассказывать ей о том, что Никитка сбежал от Кирилла, она заревела из последних сил. Из-за чего пришлось сказать, что они обнаружили дом Левина, и что мальчик жив и здоров, но

буквально пару часов назад убежал в лес, испугавшись собаки. Но поиски начались, и они уже очень скоро найдут его.

Прошло три дня с тех пор, как мальчик пробыл в лесу один.

Постоянные холод и озноб стали привычными. На зубах скрипел песок или грязь оттого, что он пил дождевую воду прямо с земли. У него была мысль повесить носок на дерево так, чтобы в него набралась вода на случай сильного дождя, пока он сам бы скрылся от него в той самой яме, из которой так хотел выбраться два дня назад. Всё же один выступ, под которым можно было переждать непогоду, Никита заметил.

Но дождя не было.

Та вода, которую он пил, видимо, стояла с неделю, а может, и гораздо дольше. Но брезгливость и страх пропали вчера, когда сухость во рту буквально заставила наклониться над тёмной, с хвойными иголками лужей.

Никита нашел землянику и ещё не поспевшую малину, которые он жевал через силу. Горький и кислых вкус не до конца поспевших ягод вызывали гримасу отвращения, на языке оставалось неприятное ощущение вязкости.

Все это время мальчик так боялся уйти ещё дальше в лес и потеряться, что старался днем обследовать территорию по периметру не дальше двухсот метров.

Но днем не было так страшно как ночью, когда раздава-

лись настолько страшные звуки, что ребенок замирал на том суку, где дремал, так, что к рассвету у него отекали все конечности.

Наступила третья ночь, когда полил настоящий ливень.

Михаил Лукавин, Антон Гладких и Виктор двигались на север, в глубь леса; остальные вели поиски в южном и западном направлениях. Из-за ливня видимость даже с фонарем была всего несколько метров. Уже через пять минут Виктор не видел и не слышал своих товарищей. Те провалились в сгустившихся сумерках и шуме воды.

Наступала ночь. Вокруг могли быть болота.

Виктор старался гнать от себя самые страшные мысли. Но он не знал, что было страшнее – обнаружить тельце погибшего сына или не найти его совсем.

Ему стало не по себе, когда он понял, что заблудился сам.

Он кричал и звал сына. Он рвал горло, когда эхо отзывалось над макушками деревьев.

Почему ему не дали рацию?

Но его так просили не отрываться ни на секунду от команды, раз он захотел пойти с ними.

Они же двигались цепью: он, Михаил и Антон шли позади. Ещё несколько человек впереди.

В какой момент он упустил их из вида?

Вспомнив то, что поиски надо продолжать, Виктор последовал дальше, да и надежду нельзя было терять.

Заросли становились гуще, а ливень сильнее. Виктор то и дело спотыкался о поваленные деревья, цеплялся одеждой за колючие ветки. Хорошо, что с собой был фонарь, который он направлял то вправо, то влево. Он освещал им каждый пень в надежде отыскать сына. Он поднимал луч фонаря к верхушкам деревьев и продолжал выкрикивать имя Никиты. Пятнадцать минут прошли в безрезультатных поисках. Двадцать. Двадцать пять. Виктор смотрел на часы постоянно. Злился, но смотрел.

Он вспомнил, как в подростковом возрасте, когда компания собиралась на так называемом «лобном месте», он уходил ненадолго в лес. В темноте недалеко от горящего костра он выжидал пять минут, подслушивая, о чём разговаривали его товарищи. Его уход был проверкой того, заметит ли кто-нибудь, что Виктор ушёл; забудёт ли тревогу. Ощущение недолюбленности собственными родителями в детстве, а потом и первой любимой девушкой рождали в голове такие интригующие выходки. На самом деле, редко кто по-настоящему хватался юнца, который, вероятно, уходил в лес по нужде. Лишь редкое «а никто не видел Витька» по-настоящему его веселило и придавало некоторую уверенность в себе.

Откуда это в нём было, он не понимал. Родители в детстве всё время работали, не уделяли должного внимания, вот и в подростковом возрасте оставались в нём гордыня и обида за то, что часто оставался один.

Сейчас он и подумать не мог, что сынишка сидит за дере-

вом, следит за Виктором и проверяет, не идёт ли папа. Скорее всего, Никитка был страшно напуган и плакал.

От этой мысли в горле засела горечь, и зубы сжались от злости на самого себя вновь.

Было уже половина десятого. Сколько у него есть времени?

Виктор замерзал от дождя, но ещё холоднее ему становилось от мысли, что Никита мёрз в этом лесу уже третий день. Возможно, он был уже мёртв.

Виктор заплакал.

Заплакал, наверно, второй раз в жизни. Первый был тогда, когда он узнал, что жена болеет, а новость о пропаже сына нависла чёрной тучей над их домом.

Виктор помотал головой, не желая и думать о том, что могло бы случиться с их мальчиком и женой.

В небе возникли вспышки молний, и послышались грозовые раскаты. Это было и хорошо, и плохо. С одной стороны, являлось предвестником конца непогоды. С другой – Никитка мог серьёзно испугаться молний, или даже хуже – те могли бы ударить в дерево, где он находился, и попасть в него самого. Струи дождя хлестали с неистовой силой, как плети – узников.

Виктор продолжал звать ребёнка, повторяя громко его имя.

Когда-то он ходил на охоту с товарищем, и они попали в ураган. Погода была такой же ненастной и сырой. Помнит-

ся, они забрели в болото, и товарищ увяз в нём по самую талию. Было страшно. Но Виктор нашёл где-то широкую палку и вытащил парня из трясины. Хотя это не было лёгким испытанием. Тот весил под сто килограммов. Помнится, как болели тогда руки и пресс на следующее утро. Зарядка оказалась как нельзя лучшей.

Виктор застыл и закрыл глаза.

«Думай, – приказал он себе. – Куда мог отправиться шестилетний мальчик. Маленький ребенок, который, наверняка, боялся грозы и уже третий день бродил по лесу».

«Думай, Виктор, думай. Стал бы мальчик идти в такую непогоду по лесу? Шёл бы он в поисках открытого пространства или остался бы выжидать момента, когда его спасут?»

Если ещё два с половиной дня назад, когда он сбежал, было бы так же темно, пошёл бы он в непроглядную темноту дальше?

Дождь бил по лицу. Но вспышки молний уже виднелись вдалеке, а гром уходил – это было слышно по его отдалённости.

Неожиданно для себя Виктор застыл. Он решил стоять на одном месте, пока дождь не закончится совсем. Он промок до нитки, дрожал и чувствовал пар, исходящий из-за рта. Но укрыться всё равно было негде, кроме крон деревьев, которые, как назло, не заслоняли его целиком.

Он вдруг ужаснулся от мысли, что сын его слышит, но не может ничего сказать: то ли боится, потому что не слышит

голос отчётливо и думает, что это его обидчик; то ли болеет и ослаб совсем, чтобы кричать.

Дождь закончился.

Но уверенно шумные капли, застывшие на листьях, падали с верхушек деревьев вниз и первые десять минут ещё казалось, что дождь не отступил.

Спустя ещё десять минут воцарилась тишина.

И тогда Виктор стал выкрикивать имя сына громче. Голос поплыл эхом по неприветливому лесу. Имя Никиты раздалось три раза, последний из которых проглотил далёкий отсюда километр.

В клинике Ката проснулась оттого, что выкрикнула имя сына. Он приснился ей тонущим в озере, а она стояла и смотрела в ужасе на эту картину, не в силах ничего поделать. Она то звала на помощь, то кричала его имя, то бежала к озеру до тех пор, пока вода не доставала ей до шеи. Дальше она не шла. Она попросту не умела плавать.

Когда она закричала, к ней подбежала нянечка и стала успокаивать.

Ката рыдала и отталкивала её. Тогда та позвала санитаря, и женщине сделали успокоительный укол. Но ещё в полубессознательном состоянии она продолжала нащёптывать имя «Никита».

Санитар с нянечкой ещё какое-то время жалели её и об-

суждали шёпотом её несчастье. Уже и до них дошли слухи всех тех несчастий, которые свалились на плечи их пациентки.

Все главные каналы страны не смолкали и рассказывали о последних сводках пропажи ребёнка и всей той истории, навалившейся грузом на семью Шемякиных. Рассказывали и про «ЯхтСтройТехнолджис». Про то, как спустя два года её бывший руководитель решил заполучить место работы обратно и на какие ухищрения ради этого пошёл. Смерть Касьяса транслировали и на иностранных каналах в коротких и подробных сводках новостей. Показывали его семью и их скорбь.

Сотрудники паллиативной клиники, в которой лежала Екатерина Шемякина, удивлялись обнародованности сего происшествия и ждали результатов поиска маленького мальчика.

Ждала вся Москва.

Скоро половина четвертого. Поиски Никитки продолжались в лесной полосе уже больше семи часов.

Но Виктор не желал сдаваться. Он увидел углубление в земле и двинулся к нему. Осветив его дно фонарем, он надеялся отыскать там сына. Но луч осветил лишь заросшее кустарником дно и песок.

Он опять застыл и начал думать. Но мысли путались,

и безвыходность положения угнетала его изнутри. Виктор вздохнул и присел на торчавший пенёк, поросший мхом. Его не покидали мысли о том, что ребёнок мог его слышать, но боялся выйти, потому что не узнавал голос. Тогда, чтобы успокоить и себя в том числе, Виктор запел песню, под которую Никитка ещё недавно отплясывал и даже подпевал.

Служившая кавером на известную композицию, но с русским текстом, она легко и ритмично звучала. Hit the road, Jack (10) в переделке на слова «Потанцуем, Джек» зазвучала сначала тихонько, но по мере нарастания уверенности уже громко отзывалась по всей округе.

Потанцуем, Джек,

Ночкой тёмной, тёмной, тёмной, тёмной night

Потанцуем, Джек,

Потом пойдём домой.

Потанцуй!

Над тёмной улицей вылетим мы,

Потанцуем танец буги, чтоб всё забыть.

Танцуй, танцуй со мной

И покажи себя, boy boy.

Танцуем и летаем мы назло тебе и мне,

И отражаемся в моём огне.

Но ты за глупости меня мои прости

И не держи за руку, отпусти.

*Полетим, полетим вперёд,
Ведь танец нас с тобою ждёт.*

*Над тёмной улицей вылетим мы,
Потанцуем танец буги, чтоб всё забыть.
Танцуй, танцуй со мной
И покажи себя, boy boy.*

Когда Виктор спел эту песню, он ещё несколько мгновений вслушивался в каждый шорох, пока ему не показалось, что он слышит слово «ПАПА».

Слабый и едва слышный голос раздался неподалеку.

Пытаясь заглушить в себе чувство радости и слёз, Виктор выкрикнул имя сына ещё раз. И ещё. И тогда слово «ПАПА» отозвалось громче.

Тогда Виктор бросился на голос.

Тот звучал из похожего на недавнее углубления в земле. Это был не то овраг, не то большая яма, над которой возрос островок земли, который одновременно служил козырьком для лежавшего под ним мальчика. Мокрый, но не промокший насквозь благодаря этому выступу сверху ребёнок лежал калачиком.

Тогда слёзы снова навернулись на глаза, и Виктор обнял сына.

– Прости меня, прости, – шептал он ему, прижимая к гру-

ди.

– И ты меня.

Голос мальчика совсем ослаб. Его веки были прикрыты, и Виктор испугался, что тот вот-вот потеряет сознание. Он обнял его крепко и погладил по голове. Взяв его на руки, он легонько перекинул того наверх, чтобы потом самому обратно взобраться. Когда же он выбрался из ямы, то снова обнял мальчика и начал его растирать, чтобы согреть замёрзшее тело.

Через полчаса начало светать, и Виктор смог осмотреться.

Взяв ребёнка на руки, он с сомнением огляделся по сторонам, выбирая скорее интуитивно, в какую сторону пойти. И увидев поломанные ветки молодых кустарников, он двинулся именно туда. Эти самые ветки он ломал сегодня ночью, значит, направление в обратную сторону было верным.

Выйдя на уже освященную первыми солнечными лучами поляну, он вдруг замер, заслышав явный звук приближающегося вертолета.

Оставаясь на месте и положив Никитку на хвойные ветки, Виктор продолжил ждать, пока не понял, что не ошибся и что над ним в действительности летит вертолет.

Превозмогая радость, он потянул руки вверх, активно размахивая ими над собой. А когда завидел лопасти над ним, запрыгал вверх. Он верил, что этот вертолет принадлежал поисково-спасательной службе.

Он кричал и махал руками.

Но это уже было ни к чему, так как его заметили.

Вертолет кружился над поляной ещё пять минут, пока не поднялся выше. Гул и рёв не прекращались пятнадцать минут.

Виктор видел, что садиться ему здесь некуда. Поляна была очень маленькой, а кроны деревьев мешали.

Но уже через полчаса Виктор услышал знакомые голоса. Ему навстречу вышли из леса Михаил, Антон и ещё несколько человек.

Завидев мальчика, Антон снял с себя куртку и, подойдя к ребёнку, натянул на него.

– Живой?

– Живой, – ответил радостно Виктор.

– На, надень мою, – Михаил снял куртку с себя и протянул Виктору.

– Ну, я всегда говорю – этот оператор ни черта не ловит в лесу! – раздраженно рявкнул он, – а вы всё: да он самый передовой, самый-пресамый... Тьфу!

Виктор покрутил в руках мобильный и пожал плечами.

Ему было радостно.

Всё обошлось, но надо было срочно отвозить сына в больницу. Тот был истощен и совсем замёрз.

Кто-то поднёс мальчику воды, и Виктор успокоился, завидев, что сын хотя бы пьёт.

Осторожно подхватив его и поцеловав, он двинулся за Ан-

тоном. Тот рассказывал по дороге, как они встrepенулись, когда тот неожиданно пропал из виду.

– Ей Богу, мистика, – сказал Михаил, – я уж подумал, как мне самому не потеряться.

– Мы уж думали, с тобой что случилось, – присоединился Антон.

Но Виктор их уже не слышал. Все его мысли были о семье. Как никогда, ему захотелось приехать с Никиткой к жене и сказать:

«Смотри! Наш мальчик жив! Ты теперь поправишься!»

И он настоял на том, чтобы везти ребёнка в ту же паллиативную клинику, где лежала его жена.

46.

По прибытию их встретили несколько журналистов. Они сидели на скамейках возле больницы и собирались взять интервью ввиду последних событий в «ЯхтСтройТехнолоджис» о похищении ребёнка главы предприятия и его больной раком жене.

Подхватив ребёнка, Виктор пробрался через ряды поджидавших его журналистов. Те выкрикивали непонятные ему вопросы, пытались дотронуться до ослабшего мальчика, а кто-то даже наступил Виктору на ногу.

Чувство дисфории, которое настигло его врасплох, как и неожиданно возникший десяток людей с блокнотами и ай-

пэдами, вспыхнуло резкой волной, и Виктор отбрыкнулся от надоедливых незнакомцев. Его держало чувство страха и некоторой эйфории от испытываемого диссонанса эмоций. Он был радостно ошеломлён, что Никитка нашёлся, цел и невредим. Но, с другой стороны, его ещё пугала мысль о том, что мальчик совсем замёрз и, наверняка, ничего не ел пару дней. Больше отрицательного, чем радостного, он испытывал в тот момент ещё и потому, что за стенами больницы ждала заболевшая так некстати жена.

Вбежав в приёмную с сыном на руках, он, не спрашивая разрешения и ничего не говоря, двинулся в палату с Катей. Подойдя к кровати и увидев её спящей, он аккуратно положил мальчика на край её кровати.

У мальчика была небольшая температура. Виктор почувствовал его горячий лоб, когда целовал. Но всё же пять минут у него было, и он насладился моментом, когда вся его семья оказалась снова рядом.

Ката открыла веки и первым делом увидела мужа, склонившегося над ней. Он улыбался и гладил её по волосам. Она и не сразу заметила Никитку, лежавшего рядом. А когда заметила, то придвинула его к себе, будто хотела проверить, правда ли то, что она видела перед собой.

– Я умерла? – спросила она.

Виктор улыбнулся в ответ и поцеловал её.

– А сама как думаешь?

Она не знала, что ответить. Она чувствовала боль и тошноту. А значит, ещё была жива.

Никитка спал у неё на подушке, и его голова была повернута к Кате. Розовые пухлые губы были слегка приоткрыты, и Катя чувствовала тёплое дыхание сына. Как тогда, когда они засыпали вместе, он лежал сейчас неподвижно и слегка подёргивал веками.

Ката любила эти моменты.

Казалось, что Никитке что-то снилось.

– Так это правда? – воскликнула она.

– Ты его нашёл.

Виктор улыбался.

Через десять минут в палату вошла медсестра и сообщила, что местный врач готов осмотреть мальчика в соседнем отделении.

Виктор оставил успокоившуюся от переживаний жену и, снова подхватив уставшего мальчика, направился с ним к доктору.

– Я скоро приду, – сказал он.

– Обещаешь?

– Куда ж я денусь, – улыбнулся он.

Он всегда так отвечал, и Ката это очень в нём любила.

Подошла медсестра и что-то вколола ей в руку. Через пять минут она почувствовала, как тело обмякло, и она вновь провалилась в свой сон, что снился ей недавно.

Она видела во сне замок.

Прекрасную, величественную крепость окружали зелёные равнины и рождали в голове представления о средневековых сражениях, некогда протекавших в тех местах. Это сейчас над зелёной травой кружили пчёлы и встряхивали свои лапки с пушистой пыльцой. А раньше в местах крепостей шли кровопролитные войны за религию, за земли, за звание королей.

Но Ката не желала об этом думать. Это был её сон, и она имела полное право быть в том времени, где трава пахла не кровью, а цветами и свежим скосом.

Она вдохнула их аромат. Это был пленительный запах пролески и лантана. Свежескошенная трава приятно впивалась в её босые ноги.

Грозные башенки отдельных сооружений с известняковыми блоками скрывали за собой много тайн и историй. Старинная часовенка на территории комплекса хранила в себе крипты и низкие потолки.

Несмотря на толпы туристов на площади, стоявшая на лугу Ката чувствовала себя принцессой и кружилась в светлом хлопковой платье на зелёном холме.

Было странно... но она ничего не чувствовала.

Ни боли.

Ни страха за сына и мужа.

Ни беспокойства.

Всё ушло.

То чувство счастья нахождения в солнечной Каталонии, в которую она мечтала попасть с самого детства, дарило непередаваемый восторг.

Она смеялась и возносила руки к небу... А слева было море...

Виктору сообщили, что жена умерла на следующий день в шесть утра. До этого времени он находился с сыном в палате детского корпуса.

Никитка проспал пятнадцать часов, и Виктор всё это время дремал перед ним на кресле.

Ему ничего не снилось.

Проснувшись, он радовался тому, что мальчик, несмотря на всё, что перенёс, был абсолютно здоров, и казалось, что всё было по-прежнему.

– Веди себя естественно, – говорил он себе, – веди себя естественно.

Первые сутки это было невозможно.

Боль была настолько сильной, что, если бы он не нашёл Никитку, то умер бы.

Первые сутки ему казалось, что было бы лучше, если бы он умер.

Тогда вероятно, он был бы вместе с женой.

Как раньше.

Он думал об этом, казалось, целую вечность.

Потом он вдруг начал убеждать себя в том, что произошла ошибка. Что идиоты врачи перепутали Катю с кем-то ещё, и два часа требовал ему не врать.

Он кричал.

Потом он начал думать о Боге.

Он думал о том, что ненавидит Его больше всего на свете.

Он презирал его, и если бы Тот сейчас оказался с ним рядом, то выразил бы ненависть Ему в лицо. И может быть, даже плюнул в него.

– Как Ты посмел? – говорил он себе и вслух, Ему или в пустоту.

Чувство несправедливости душило Виктора изнутри и сводило с ума.

Пока он не начал разговаривать с Катей.

Когда его, наконец, впустили к ней, где она казалась слишком живой, чтобы быть мёртвой, он немного успокоился. Казалось, она просто спала. Как и раньше, когда он вставал раньше ее, он много раз видел её такой – просто спящей. Она просто крепко спала.

– Врачи сказали вести себя так, как будто ничего не случилось. Слышишь?

– Никитка ещё не спрашивал о тебе. Он так рад одеялу, представляешь? Видимо, замёрз в лесу так, что и вылезать из постели не стремится. Я купил ему телевизор. Слышишь?

– Оставлю его в подарок больнице. Все равно врачи посоветовали ещё пару дней Никитку подержать у них.

– Слышишь?

– Ты не волнуйся за сына. Вот увидишь, он переживёт всё лучше меня.

– Вот увидишь.

– Мы через неделю улетим в Испанию. Ростик давно зовёт к себе. Вот, кажется, появился повод...

Виктор улыбнулся.

Или натянул улыбку.

А потом ещё говорил... Много говорил... Он не видел жену целых три дня.

47. Эпилог

Всё всегда заканчивается хорошо.

Если всё закончилось плохо, значит, это ещё не конец.

Пауло Коэльо

– Ты уверен, что мы поступаем правильно?

Высокий мужчина с телосложением, как стройный высокий тополь, тем самым соответствующим своему имени, стоял с Серафином в его кабинете в Каталонии. Последний в своей манере начал прохаживаться перед панорамным окном и устремил взгляд к парку Гуэль.

– Да, – с лёгкостью ответил Серафин, и на его лице на-

рисовалась улыбка. Конечно, уверен, Ростислав. – Ей всего двадцать четыре года. Она совсем девчонка. Ты себя помнишь в столь юном возрасте?

– Нашёл, что спросить, – с ухмылкой отозвался Ростик, – я не помню прошлогодних событий, а ты ссылаешься на отрочество.

– Я вот совершил много глупостей, будучи в двадцатом десятке.

– И каких?

– Ну, я женился, например, – расхохотался Серафин.

– А, ну такое событие нельзя назвать никак иначе, как глупостью! Что может быть глупее?

Сарказм его товарища был понятен.

– Знаешь, что движет тобою, когда ты вскипаешь, как масло на сковородке, а твои глаза бегают, как загнанные в клетке звери?

– И что же?

Серафин отвлекся от ответа и позвонил Мерседес, заказав две чашки эрл грея с лимоном.

– Бесы, – лаконично ответил он.

А потом продолжил:

– А знаешь, что управляет тобою, когда ты спокоен?

– Ответ напрашивается сам собой.

– Пффф... Да нет же! – фыркнул Родин, догадавшись об ответе, – это всё сказки! Ты подумал о Боге? Тогда это полная ерунда.

– Так что же?

– Ты сам.

Ростик растянулся в блаженной улыбке.

– Ты ещё этому удивляешься? Человек сам способен себя успокоить. Бог здесь ни при чём. Дело в опыте и выдержанности. И всё. С годами ты это накапливаешь, как и растроченные нервные клетки. Балансируешь сам с собой.

– И к чему всё это?

– А к тому, что бесов контролировать можно, но не в столь юном возрасте, когда тебе двадцать четыре года. Опыта тогда нет. Понимаешь?

– Понимаю. Согласно твоей логике, зло появляется снаружи, а добро внутри.

– Хе, – причмокнул Серафин, – вот за твою мудрость тебя и люблю.

– А, ладно эту философию... Значит, простим Черчину?

– Ну, конечно!

– А что там известно про Кирилла?

– Что-то... Вчера был суд. Пошёл по двум статьям: похищение несовершеннолетнего и убийство по неосторожности.

– Я бы приписал два убийства...

В кабинет вошла Мерседес и поставила две белых чашки на стол. На две минуты повисла тишина. Ростик отхлебнул чёрный бархатный напиток и покрутил чашку в руках.

– Интересным оказалось то, как он похитил у Шемякиных сына.

– Ну-ка...

– Нашёл в социальных сетях готового на всё ради денег. Договорился. Вуаля.

– Работа, поди, была не из простых...

То оказалось длинной историей, и Ростислав, закинув одну ногу на другую, продолжил рассказ.

Когда Кирилл понял, что план неудавшейся презентации его соперника провалился, он занялся вопросом похищения Никиты.

Ему было необходимо, чтобы Ката осталась одна в доме с ребёнком.

– Антон, когда мне это рассказывал, я не верил собственным ушам, но по признательным показаниям Левина стало ясным, что его подельник собирался напасть на них и забрать ребёнка, когда те окажутся одни.

Представляешь, какая для него была радость, когда Ката сама куда-то решила уехать.

Он воспользовался случаем и попросил какую-то кореянку позвонить мальчику, сказав в трубку, что она, – как будто его мама – ждёт сыночка у магазина, в который они всегда ходят. Городской номер телефона сейчас узнать несложно.

– А у Виктора в тот же день сломался автомобиль! – воскликнул Серафин, как будто обрадовавшись пришедшей в его голову догадке.

– И ты не поверишь!

Лицо Ростика округлилось, как если бы он знал ответ на весьма трудный вопрос, но ждал, когда окружающие догадаться о нём сами и кивал в ожидании.

– Только не говори, что Левин постарался и в этом...

– В точку!

– Но как?

– Нанял механика из собственного автосервиса, который впрыснул взятую с собой маслоотработку в глушитель на стоянке, из-за чего впоследствии возникло задымление в трубе. Потом следовал за моим нерадивым родственником, пока тот сам не заметил клубы дыма сзади и не остановился. Через некоторое время остановился за ним с откликом помочь и под этим предлогом снял в капоте высоковольтный провод с катушки зажигания.

Всё.

Автомобиль не завёлся.

Ростислав глотнул бархатного напитка.

В голове всплыли грустные моменты уходящего месяца, ради которых он летал в Москву.

Он видел, что Серафин находится в небольшом шоке.

– Похороны прошли по-семейному, – переменял он тему.

– Хотя ты знаешь, Виктор был бы рад тебя видеть. Ты для него многое сделал. Он тебе очень благодарен.

– Не люблю я это, – вздохнул Серафин, – потом пойдут слухи, что я не сдержал эмоций и дал волю чувствам. Я этого, ох, как боюсь.

– Ты лучше скажи, всё ли там чисто по бумагам, которые Виктор подписал в пользу Левина?

– В среду суд. Я сам подъеду в Москву. Думаю, должны признать оформление иллегальным.

– Думаешь или должны?

– Юрков из печатного отдела «ЯхтСтрой...» пойдёт по делу как соучастник. Михаил Лукавин рассказал, как он договаривался о заговоре на смещение Шемякина с поста.

– С кем?

– В этом есть проблема.

– Какая?

– С Черчиной. Получается, что он будет тыкать пальцем в её сторону, а мы хотим её пожалеть. Нехорошо получается.

– А кто это Юрков? Что-то я не припомню.

– Под его руководством выходят чертежи компании. Он обговаривал с Черчиной все детали неудачной презентации в день приезда Касьяса, и вообще всячески её покрывал, когда та бегала в обеденные перерывы на встречу с Левиным.

Серафин задумчиво потрепал губы кончиками пальцев.

Он уже знал, что будет делать, но вдруг задумался над тем, стоит ли действительно спасти девицу от тюрьмы. Какой бы несмышленной и неопытной она ни была, она участвовала в убийстве его хорошего товарища. Стоило ли проявлять гуманность несмотря ни на что и отпускать незнакому ему девушку на все четыре стороны?

Всё, что он знал, было историей гибели родителей Анны, а

после её проявленный амбициозный характер в достижении желаемого совсем незаконным и антиморальным путём.

Всё складывалось так, что отпусти он её сейчас, то пришлось бы отпустить и неожиданно появившегося во всей этой истории другого персонажа. А был ли Серафин на это готов?

Мог ли он так просто взять и закрыть глаза на такое подстрекательство своей собственной гуманности? Отчего она вообще противоборствовала в его душе со здравым смыслом решать всё по закону чести и достоинства?

Во всей этой грязи нужно было учитывать и мнение Виктора. Но тот сейчас оплакивал жену и всё внимание уделял сыну. Ростислав попросил для него отпуск и просил не тревожить того в столь страшный период времени.

Серафин встал и стал расхаживать по комнате.

Он взвешивал в голове то, что считал правильным, наравне с тем, что считал нечестивым.

– Мерседес! – вдруг крикнул он, и худая, высокая женщина около сорока возникла в дверях.

– Когда ты последний раз была в отпуске?

Она опешила и перевела взгляд на Ростислава.

Тот недоумевающе развёл руками.

Ростик в действительности не догадывался о том, что пришло в голову Родину.

– Поедешь на два месяца за мой счет.

– Куда? – опешила она.

– Это уже решишь сама.

И, увидев обрадовавшийся взгляд и заискрившиеся глаза, добавил:

– В пределах разумного.

– Си, синьор!

Серафин заулыбался.

– Чувствуешь, как звучит?

Ростислав понял, о чём тот говорил, и кивнул утвердительно, оголив свои ровные белые зубы.

Лена Ярис была счастлива Лёшиному подарку. Ощущение стыда за проявленное недоверие собственному, пускай и гражданскому мужу, она ощутила сполна.

Но на следующий день, когда она неожиданно для себя закурила сигарету, поддавшись соблазну после выпитого бокала белого вина, она вдруг опять подумала о том, кто иногда заходил погостить в её душу, том, кого она отчего-то никогда не любила как мужчину, как кормильца и возлюбленного, но кого всё равно боготворила. Оставшись много лет назад с Алексеем и посчитав по пальцам минувшие года, коих получилось целых три, она ни на секунду не переставала думать о другом. О том, кто когда-то её любил и возносил на несуществующий пьедестал.

Она ценила его вчерашнюю верность и покорность, не доступные Алексею, ценила его терпение и уважение, непод-

властное ни одному разуму, которые она знала и видела.

Закурив, она вспомнила, как подошла к подъезду собственного дома и увидела ненавистные ей отчего-то двенадцатые «Жигули» серебристого цвета. Тот бывший ангел, как она его теперь называла, преследовал её всюду и не давал возможности построить счастье таким, как она видела его на тот момент.

Без него.

Это было так много лет назад...

Она подошла тогда к «Жигуленку» и раздражённо спросила, зачем он её так напористо ждал.

А после они шли вместе к ней домой. Она держала в руках «Nestea» то ли с персиковым, то ли с лимонным вкусом, и каждый глоток насыщенного разбавленным вкусом холодного чая давался ей с трудом. В парадной подъезда она сразу наткнулась на торчащий из под потового ящика конверт.

В нем была она сама. Её фото.

Коротко стриженные волосы пшеничного оттенка, розовая блузка, подаренная подружками на двадцатый день рождения, дурацкие голубые джинсы....

Она смотрела на себя с портрета, лежавшего в конверте, и игриво улыбалась, как будто знала, что её любят и холят.

А снизу строки о любви, почти ода...

О том, что «неважно, с кем ты сейчас, и каково тебе с ним – главное, знай, что тебя есть кому любить.»

Вот он сейчас здесь, перед тобой... В твоей голове...

Лена заплакала, припомнив тот день и потерянную среди книжных стеллажей распечатанную фотографию.

Алексей никогда не дарил ей таких романтических подарков...

Алексей никогда не ждал её столько, сколько ждут достойные джентльмены...

Алексей никогда не говорил ей тех добрых слов, и не держал её дрожащими от волнения руками, как это делал... ангел.

Сейчас на ней было красивое кольцо – дорогое и обсуждаемое в высоких обществах – оно было преподнесено от чистого сердца, его готовили для неё одной, и дарящий смотрел на неё преданными глазами.

Но память касалась того, кто когда-то подарил ей то самое фото, наполненное не меньшей лаской и заботой.

Боль от вспомнившегося звука разрывания его писем вызвало дрожание скул и слезу...

«Если бы ты только смог дожждаться меня...» – подумала она.

На следующий день она пошла на могилу подруги. Она сидела возле гранитного камня и чёрного забора. Земля заросла пушистой травой, а по бокам росли колючие бордовые розовые кусты. Виктор выбрал их сам.

Лена рассказывала о том, что происходило целых два ме-

сяца, после того как Ката ушла.

– Тебе, наверно, не понравится то, что секретаршу Вити пожалел сам Родин. Но ты не переживай там. Она работает на него бесплатно, я слышала. Что-то вроде рабочего ареста... Ходят слухи, что Родин спас её от тюрьмы. Она возвращается в Москву на этой неделе, но Виктор, по понятным причинам, отказался с ней работать. Как и со своим печатником, которого Ростислав взял к себе в курьеры, представляешь?

– Я думала, они шутят, а они и взаправду спасли их шкуры от суда.

– А Левина посадили, ты не думай. Слышала, что он подал апелляцию, но тем самым так разозлил Виктора, что тот летал в Испанию, нашёл там с дядей именитого адвоката и теперь всё, что Кириллу светит, так это перевод в другую тюрьму с более строгим режимом. Говорят, надолго.

А ещё...

Поймала себя на мысли, что так и не сказала тебе о том, что хотела сказать в тот день в «Фортуне», помнишь?

Я тогда хотела с тобой поделиться тем, что часто вспоминаю Николая.

Того самого, помнишь?

Я не уверена, что это любовь... ведь я с Лёшей, а не с ним...

Но лучше его не бывает, понимаешь?

Лена расплакалась.

А когда успокоилась, то тихонечко сказала:

– А ты спи.

Спи, подруга...

Для тебя все земные тайны и проблемы закончились.

Храни тебя Господь.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЛОГИ.

Ноябрь, 2012

Я постараюсь его не забыть. Я вдруг почувствовала, что это для меня очень важно. Мне всегда казалось, что во мне, как ни в ком другом развито шестое чувство. Что я могу без ошибки определить тип и характер человека, поймать тоненькой, невидимой ниточкой его настроение и планы по отношению к другим людям; разгадать, о чём он думает, что его беспокоит и куда направляется. Всё это – скорее всего ложь....

Потому что сколько я ни представляла, какой тот или иной человек на самом деле – не всегда моя мысль оправдывалась его действием или поступком. Так, однажды я встретила вполне приличного молодого человека. Одет он был не пижонисто, без иголки, но опрятно. Добрые глаза, искренняя улыбка и ненавязчивость сделали свое дело, и я первая (что в общем-то на меня чертовски похоже) ему улыбнулась.

Он тоже улыбнулся, но после уткнулся в книгу и съедал её глазами достаточно долго.. . Хотя и прошло минут сорок с того момента, как мы ехали на одной ветке в метро, через час мы все-таки пили чай в кафе со сладко-романтическим названием «Зефирка».

Клянусь вам, я поверила в родство душ и так называемое внеземное притяжение... прежде чем он успел убежать навсегда из моей жизни, оставив неоплаченный счёт за нашим маленьким круглым столиком у окна.

Это была давняя история... И, признаться, я совсем уж её позабыла...

А вот что произошло сегодня.

Мужчина, стоявший напротив меня сегодня в метро, был совершенно другим. Он был некрасив, стар и странно-ват. Бедная, поношенная временем и улицами серо-зелёная одежда смотрелась на нем издевательски уродливо. За его спиной висел тентовый рюкзак, который был набит под завязку, наверно, всеми теми вещами, что он использовал в обиходе. Казалось, что вот там, под правым карманом жмётся внутри грязной ткани железный чайник. А вот там, под левым, – его маленькое одеяльце, укрывающее его на скамейках города. Нет, он не был похож на московских бомжей, от которых за километр разит въевшейся мочой и алкоголем. Он просто, казалось, спал иногда на улице. Может, он просто странник! Он же не пахнет и не отталкивает. Конечно, его

одежда и обувь совсем староваты, но это его размер и они не заблёваны вчерашней похлёбкой. Волосы его были седыми, вьющимися до плеч. Такие присущи музыкантам и поэтам. Так он, возможно, романтик! А такие не причинят вреда, даже если захотят. Они просто погрузятся в свои эмоции и уйдут прочь... бродяги...

И вот он стоял передо мной спиной, и в отражении грязного, запылённого железной дорогой стекла я видела, как он ест орехи. Он был такой худой, такой голодный и такой несчастный. Мне неожиданно захотелось с ним поговорить, спросить, откуда он приехал и куда направляется, узнать, чем он занимается и что будет делать сегодня вечером... Я просто захотела его утешить, как вдруг он вышел из вагона и исчез из моей жизни...навсегда.

Июль, 2013

Тёплый и чёрный от ночи океан ласкает мои ступни. Какое же умиротворение наступает в этот момент в душе каждого из нас. Весь Мир кажется лёгким и правильным, тихим и радостным; природа радуется человеческому шагу и шепчет нежные слова; ветер причёсывает волосы и щекочет под одеждой.

Щедрость. Баунти. Награда. Приз. Generosidad. Prima.

Все это слова тесно связаны друг с другом. Они обозначают богатство. Океан – это тоже богатство, скрытое и ви-

димое лишь поверхностно. Сколько красок и оттенков там внутри; сколько флоры и фауны на глубине; как велика и разнообразна жизнь обитателей, величественна и интересна их внешность, характер и намерения.

Мы видим снаружи только гладь и волны; слышим, как поёт эта просторная вода, чувствуем бриз и замираем на секунды, когда пена ласкает наши ноги.

Я задумалась над тем, сколько жизней погубила Атлантика.

В 15 веке испанский мореход Бермудес открыл в Атлантическом океане острова, у основания которых расположились кораллы и рифы, опасные для суден. Удачно их миновав, он всё же дал злополучным островам своё название «Острова Дьявола», которые позже и переименовались в честь своего первооткрывателя. Бермуды явились верхушкой знаменитого Бермудского треугольника с двумя другими популярными сторонами Атлантики: полуостровом Флорида и Пуэрто-Рико. Конечно же, не только в этих границах пропадали корабли и исчезали бесследно люди. Границы карты существенно размыты и в других областях, но эта самая знаменитая. Что по правде происходит в этой зоне? Христофор Колумб утверждал, что вода там странно сверкала, а из воды поднимался огненный шар. Правда это и нет, остается только догадываться.

Но вот только ничуть не удивляешься, что в таких просторах может произойти мистическое событие. Потому что Ат-

лантический океан кажется настолько могучим и красивым, что не мудрено слышать про него легенды и были.

Шуршащая пена лизала мои пятки, и я слышала, как у берега плещутся люди. Я не решилась искупаться. Уж слишком красочные фантазии захлестнули мой мозг в тот момент; солёный воздух захватил мой разум, и мне просто захотелось пробежаться по мокрому и такому чувственному песку знаменитой Атлантики...

Август 2013

Идёт дождь... Льёт как из ведра, и наверное, заливает кому-нибудь прямо за шиворот – льёт с устойчивым тщанием. Пью красное вино и понимаю, что не могу без него сегодня. Вино как муза, что вдохновляет на сумасшествия, как Геракл своим мужеством вдохновляет на воинственные поступки. Кстати, о Геракле... Нашла сегодня ДНЕВНИК почти пятнадцатилетней давности, прочитала его с особой жадностью под осовремененные мелодии Амадея Моцарта. Саундтрек к «Реквием по мечте» слышали? Думаю, что он вас тоже вдохновит на воспоминания и нестандартные поступки.

Читаю дневник... Почерк – нет слов, одни восклицания. Мне 12 лет или около того.

Сноски

(1) Это строка из элегии Проперция (50 до н. э. ок. 16 до н. э.) – древнеримский элегический поэт – «Не все кончается со смертью».

(2) «451 градус по Фаренгейту» (англ. «Fahrenheit 451») – научно-фантастический роман-антиутопия Рэя Брэдбери, изданный в 1953 году. Название «451 градус по Фаренгейту» было выбрано потому, что при этой температуре (соответствующей 232,8°C) воспламеняется бумага. В романе описывается общество, которое опирается на массовую культуру и потребительское мышление, в котором все книги, заставляющие задумываться о жизни, подлежат сожжению.

(3) Ан деор (от фр. en dehors – наружу) – направление движения от опорной ноги, направленное «к зрителю». Исполняется одновременно с поворотом корпуса.

(4) Рад видеть Вас в нашей компании, мистер Касьяс. Как добрались? Все ли в порядке? Надеюсь, Вы не разочарованы погодой. Пожалуйста, садитесь напротив меня.

(5) Нет плохой погоды, есть плохая одежда (рус. аналог – «У природы нет плохой погоды»). А если у Вас есть такие красивые секретарши, весь мир кажется вокруг тёплым и приятным.

(6) Это произведение искусства помогает мне вернуться в воспоминание, когда я решил, насколько полезной может оказаться твоя мечта стать естественной частью этого мира. Именно в Мурманске я встретил Арфа, который дал мне идею стать тем, кем я сейчас являюсь.

(7) Пряничные домики – это кафе и сувенирная лавка, расположенные при входе с улицы Олот, что находится в Барселоне.

(8) Дементоры (англ. dementors) – существа, долгое время охранявшие Азкабан, тюрьму для волшебников из книг Дж. Роулинг о Гарри Поттере.

(9) К.С. Льюис «Хроники Нарнии» – фэнтезийное произведение.

(10) Знаменитая песня Ray Charles, написанная в 1960 году, весьма популярна и по сей день.